

K1321975

Владимир АРИНИН

ТОЛЬКО В ЛЮБВИ...

ТАЙНЫ РУССКИХ
ГЕНИЕВ

Книга посвящается
750-летию города Устюжны

УСТЮЖНА — ЛИТЕРАТУРНО УНИКАЛЬНЫЙ ГОРОД

Глава Устюженского муниципального района
Николай Платонов

В 2002 году старинный русский город Устюжна отмечает свое 750-летие. Ныне это райцентр на западе Вологодской области с населением около 12 тысяч человек.

Небольшой даже в масштабах области наш город тем не менее достоин того, чтобы о нем широко знали по всей России. Устюжна, без сомнения, является крупным историко-литературным центром, имеет уникальную литературную историю, о чем и идет речь в этой книге.

Вероятно, нашей Устюжне уже тысяча лет, а не исключено, что и больше. Это подтверждают раскопки на месте древнего городища. В летописях Устюжна впервые упоминается в XIII веке, в 1252 году. Этот год мы и считаем по сложившейся традиции годом основания нашего города.

Устюжна известна своими памятниками старины, город имеет своеобразный архитектурный облик. В XVI—XVIII веках здесь был крупный центр металлургии и оружейного дела. Но что особенно выделяет Устюжну на фоне множества российских городов — так это ее уникальная литературная история. В этом смысле, видимо, наш город не имеет себе равных среди других районных городов России (конечно, мы не берем при этом в расчет такие исконно «писательские» места, как Переделкино, Комарово, Тарусу). В этой книге говорится о многих знаменитых городах и памятниках Вологодчины. Но у Устюжны — особое место.

Так случилось, что события, происходившие в свое время в Устюжне, связаны с великими именами в литературе и бессмертными литературными произведениями. Близ Устюж-

ны находится усадьба Даниловское — родовое гнездо Батюшковых, давших России знаменитого поэта Константина Батюшкова, — литературного учителя Александра Пушкина.

Кисти художника-устюжанина Ивана Линева, героя войны с Наполеоном и кавалера золотой сабли, принадлежит последний прижизненный портрет А.С. Пушкина. И хотя некоторые искусствоведы при этом в чем-то сомневаются, мы, устюжане, верим, что последним запечатлел А.С. Пушкина на своем историческом полотне именно наш земляк. И гордимся этим.

Но особую страницу в истории города, литературную «изюминку», несомненно, составляет тот факт, что именно здесь, в Устюжне, произошел в свое время случай лжесервизорства. Об этом факте от А.С. Пушкина стало известно Н.В. Гоголю, что в конечном счете явилось для него толчком для написания бессмертной комедии «Ревизор». По улицам нашего города гулял незабвенный Иван Хлестаков, только в жизни имя у него, и это доказано документально, было другое — Волков, вологодский помещик Платон Волков. Со всем этим связаны реальные факты, сохранившиеся здания той поры. Мы решили поэтому объявить наш город родиной «Ревизора».

К литературной теме был причастен и другой наш земляк — критик Федор Батюшков. В его усадьбе Даниловское, о которой уже упоминалось, на протяжении нескольких лет гостил Александр Куприн. Даниловское связано с созданием писателем двух его любовных шедевров — повестей «Суламифь» и «Гранатовый браслет».

Конечно, в разное время и в разных изданиях эти факты приводились. Но в книге, которую вы держите в руках, впервые столь полно и в обобщенном виде дается литературная панорама из истории нашего города. Есть в ней и новое, о чем еще никто не писал. Таким образом, книгой вологодского писателя Владимира Аринина «Только в любви...» мы открываем историко-литературную Устюжну всей России.

Владимир
АРИНИН

ТОЛЬКО В ЛЮБВИ...

Тайны
русских гениев

Москва
«СОВРЕМЕННОК»
2002

1321975

ЧАСТНАЯ ОБЛАСТНАЯ
ОБЛАСТНАЯ ОБЛАСТНОСТЬ
ИМ. И. В. Бабушкина

83.3(2=Рус)1

УДК 882-3 Аринин
ББК 84(2Рос=Рус)6
А81

кп

*Издательство «Современник» и автор выражают глубокую
признательность за содействие в издании этой книги
Николаю Владимировичу Платонову*

Аринин В. И.

А81 **Только в любви...** Тайны русских гениев. — М.:
Современник, 2002. — 240 с.; ил.
ISBN 5-270-01516-1

Эта книга — о таинственном, загадочном, странном, сенсационном в русской истории и литературе, имеющем для России особое значение. Написана она Владимиром Арининым в результате почти тридцатилетних трудов и поисков и является как бы продолжением выпущенной «Современником» в 1998 году книги «Неразгаданные тайны Пушкина», получившей большой общественный резонанс и вошедшей в список «интеллектуальных бестселлеров» года по рейтингу «Книжного обозрения». В новой книге автор выносит на суд читателей свои версии и трактовки некоторых литературных и интимных тайн и загадок Батюшкова, Гоголя, Льва Толстого, Куприна, рассказывает о поисках сокровищ библиотеки Ивана Грозного (в штаб энтузиастов этого поиска входит и он сам), а также продолжает знакомить с находками своей Пушкинианы, внося в нее важные дополнения.

**УДК 882-3 Аринин
ББК 84(2Рос=Рус)6**

ISBN 5-270-01516-1

© Аринин В. И., 2002
© Художественное оформление, Покатов В. В., 2002

ПОСЛЕДНИЙ ПУШКИНА ПОРТРЕТ И ПРЕКРАСНАЯ УБИЙЦА

Однажды Пушкин и красавица поехали вместе в карете. Пушкин чем-то жестоко оскорбил красавицу. И она решила ему отомстить.

Но даже если посчитать эту поездку просто легендой, все равно является абсолютно правдивым факт внезапной резкой ненависти между Пушкиным и красавицей и, несомненно, ее активное участие в интриге против поэта перед дуэлью.

Обо всем этом я пишу подробно в своей книге «Неразгаданные тайны Пушкина», выпущенной в издательстве «Современник» в мае 1998 года.

В 1999 году было выпущено еще два дополнительных тиража, все быстро разошлось. Эта новая книга составляет диалог с «Неразгаданными тайнами Пушкина».

По рейтингу газеты «Книжное обозрение» в конце 1998 года моя книга вошла в число «интеллектуальных бестселлеров», занимала в списке второе место и даже «опережала» книги знаменитых авторов: Н. Бердяева, Л. Гумилева, Нобелевского лауреата Ю. Мисимы и других. Я, конечно, понимал, что это — условность. Но это была и сенсация, о чем нередко писалось в прессе. Но ведь я не стремился ни к каким сенсациям.

Просто более двадцати лет назад я, не думая о чем-то внешнем, бескорыстно и фанатично влюблено пошел вслед за Пушкиным, и мой громадный труд неожиданно для меня самого привел меня постепенно к моим версиям и выводам относительно некоторых загадочных обстоятельств в судьбе Пушкина. Их я высказываю (прошу это учесть) в литературном жанре, избрав форму, так сказать, художе-

ственно-исследовательского повествования. Это не исследование, а литературное сочинение с исследовательскими моментами.

Многое в жизни Пушкина я считаю таинственным, мистическим и космическим. Такова, на мой взгляд, была и смерть гения. Как свидетельствует П. Анненков: «Незадолго до своей смерти Пушкин задумчиво рассказал одному из своих друзей о том, что все важнейшие события в его жизни совпадали с днем Вознесения, и передал ему твердое намерение выстроить со временем в селе Михайловском церковь во имя Вознесения Господня. Упомянув о таинственной связи своей жизни с одним великим днем, он прибавил: «Ты понимаешь, что все это происходило недаром и не может быть дело одного случая».

И продолжая Пушкинскую тему в своей новой книге, я все время испытываю ощущение тайны. Ведь Пушкин, по словам Достоевского, «унес с собой в гроб некоторую великую тайну, и вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». И так сложилась судьба; что в меру своих сил я причастился к ней.

* * *

Есть места, которые усиливают ощущение тайны. Таким местом стала для меня Устюжна, древний, красивый, уютный городок среди сосновых боров над светлой рекой Мологой. Вызывает удивление, что много «литературного» собрано здесь на небольшом участке русской земли.

Рядом с Устюжной — родовое поместье Батюшковых Даниловское, и славный представитель этого старинного дворянского рода — поэт, великий романтик Константин Батюшков явился одним из литературных учителей Пушкина. А в начале нашего века здесь в Данилевском Александр Куприн написал свою знаменитую «Суламифь». Александр Куприн очень любил это место, сюда он много раз приезжал в гости к своему другу, критику Федору Батюшкову, дальнему родственнику поэта Константина Батюшкова. И здесь написано многое.

А если заглянуть снова в XIX век, то Устюжна стала поновому знаменита и тем, что именно здесь некий инкогнито в мае 1829 года выдал себя за важное лицо, обманув и обобрав местное начальство. И об этом Пушкин рассказал Гоголю, что и стало сюжетом бессмертного «Ревизора».

И, наконец, недалеко от Устюжны было родовое поместье Ивана Логиновича Линева, автора последнего пуш-

кинского портрета. Этот портрет стоит как-то особняком во всей изобразительной Пушкиниане. Это — самый реалистический портрет поэта; на нем он изображен с любовью и сочувствием, но без малейшей идеализации. Перед нами человек уже весьма немолодой, начинающий лысеть, уставший, с очень грустным взглядом. Таким был Пушкин незадолго до своей гибели...

Ныне кое-кто из искусствоведов высказывает сомнение, что портрет столь знаменитый, столь потрясающе реалистичный мог быть создан художником-любителем. Но на портрете имеется надпись Линева. А в судьбе этого, несомненно, незаурядного человека есть что-то странное, необъяснимое. Будто чья-то таинственная, могущественная и злая рука постаралась вычеркнуть его имя из нашего искусства и истории. Что-то странное происходило и с его пушкинским портретом: он то пропадал, то снова находился, вокруг него возникали какие-то необъяснимые версии и легенды. Есть даже версия, что портрет написан с мертвого Пушкина.

В 1938 году искусствовед И. Зильберштейн писал: «Одно изображение Пушкина до сих пор остается полной загадкой — это его портрет работы И. Л. Линева. Ни история его создания, ни время написания, ни его происхождение до сих пор по существу нам неизвестны, как равно ничего не известно об этом авторе».

И только в недавнее время, в 60—70-е годы XX века, московский инженер-электротехник профессор С. М. Куликов, любитель в искусстве, взялся за разгадку этой тайны. Несколько лет он потратил на архивные поиски. И ему удалось разыскать некоторые сведения о Линеве.

Искусствовед Е. Кончин пишет: «Возвращению художника Линева к жизни наших и будущих поколений он отдал последних пять лет жизни — умер в 1973 году в возрасте 88 лет. Поражаешься тому, что ученый, будучи в преклонном возрасте, совершил огромную, невероятно трудоемкую исследовательскую работу».

Так из небытия предстал перед нами облик прекрасного человека — Ивана Логиновича Линева. Он происходил из знатного дворянского рода, командовал Сумским гусарским полком, был полковником, удостоен высокой воинской награды за личную храбрость — награжден золотой саблей.

Куликов выяснил также, что Линева был знаком с Жуковским, и в его доме снимал квартиру другой будущий великий писатель — И. С. Тургенев.

Линев — личность замечательная, хотя во многом и неизвестная. Далее — повествование от его имени.

ЗОЛОТАЯ САБЛЯ И МЕРТВАЯ ЛИЗИНЬКА

Вечер пришел... Тени сгустились. Дрова горят в камине. Свеча оплывает в подсвечнике. Я один... И мое поместье пусто.

Родом я из Устюжны, а мое родовое поместье Дуброво в тридцати пяти верстах.

Молодость моя — служба, гусарство. Я — русский гусар и горжусь этим.

Фортуна моя давным-давно переменялась. Вот уже более двадцати лет по ранению я в отставке. Но гусарство все ж в моей крови, и даже во сне я часто слышу зов трубы и топот коней.

Виват, гусары! Вот мой Сумский полк двинулся, дрогнула земля, аллюр перешел в галоп, полк катится как лавина. Виват, гусары!

Плох тот гусар, который не убит в тридцать лет. Такова поговорка. Но вот я не убит. А вроде был неплохой гусар. Прошел путь от кадета до полковника. Имею золотую саблю за храбрость и горжусь ею. Награжден золотой сей саблей за кампанию седьмого года против Бонапарта.

Было дело — такое не забыть до смерти — два егерских наших полка были отрезаны в долине, и неприятельская артиллерия начала их расстреливать с окрестных холмов в упор. И казалось, помочь им было уже нельзя. Но я сказал своим гусарам: «Братья! Умрем или поможем». И повел полк на картечь. Не знаю, как и почему сам жив остался, многие рядом полегли. Но мы пробились. И спасли егерей. За то мне и золотая сабля.

Вот она — на стене, моя золотая сабля. Все остальное миновало.

Осень пришла. Конец октября, печальное время.

Вчера верхом я добрался до бывшей соседской усадьбы и долго бродил по заброшенному парку. Усадьбы-то нет, лет двадцать тому мужички, бунт устроив, господский дом дотла спалили.

Теперь на месте его — пепелище и остатки фундамента, а помнится, дом сиял огнями на пригорке, и музыка играла, и смех раздавался, и белое платье мелькало на балконе. Ничего уже этого нет, как будто и никогда не бывало.

Дикое, заброшенное место.

А парк жив. Он осыпается, листья ворохами лежат на дорожках. Парк жив, он обрадовался мне, когда я вступил на его аллеи. Лиственницы и липы будто потянулись ко мне — к живому существу, и стало невыразимо грустно.

В парке было темно и тихо, даже уютно. А за аллеями гулял осенний мертвенный ветер.

...Недалеко от парка сохранилось полуразрушенное семейное кладбище. И крайняя могилка — Лизиньки, погибшей во время бунта семнадцати лет от роду. Даты ее короткой жизни написаны на кресте. Время идет, а ей — все семнадцать лет...

По памяти я ее портрет написал. Юное, светлое создание, кудряшки, носик чуть вверх, а глаза — грустные, взгляд оттуда. Признаться, нравилась мне в то давнее время Лизинька — существо нежное и доброе.

А глава семейства, Лизинькин отец — о том все в уезде знали — обращался со своими крестьянами с крайней жестокостью; вот и довел их до бунта. А коль возникает бунт, то гибнут и невинные.

Вот и Лизинька погибла понапрасну. И я на ее могилку нет-нет да и приду.

Вот и вчера, обнажив голову, постоял у ее могилки. Дождик начался. И я почему-то подумал: бедная девушка, холодно и мокро ей, Лизиньке, лежать так под дождем, в сырющей земле. Ведь я ускачу на верном коне в свою усадьбу, а ей лежать...

Экие, однако, мысли приходят в голову. Стал я что-то под старость сентиментальничать. Надрываю понапрасну сердце.

Но пока еще свеча горит, сердце не остыло и пока живы во мне воспоминания, я надеюсь, судьба моя была не напрасна, и были в ней и войны, и страсти, и музы, и встречи с достойными людьми. И был портрет Александра Сергеевича Пушкина. О том — особая речь.

И была — увы! — великая наша трагедия, гибель Пушкина. И так получилось, что вот уже весь год я занят неустанно загадкой его гибели. Какая-то непонятная мне самому сила будто заставляет меня заниматься этим, и мне сдается, что я близок к разгадке.

И тому содействовал случай. Встреча с душегубом, первым возможным убийцей Пушкина.

ВСТРЕЧА С МАНЬЯКОМ

Случилось это в феврале в Санкт-Петербурге. Мой петербургский дом тогда навещил старый художник Корнилий Семенович Новоселов: ведь меня многие художники навещают. К этому старому, больному и талантливому человеку я сразу испытал искреннее сочувствие и симпатию. Родом Корнилий Семенович оказался из Вологды, где у меня есть родственники; это тоже нас как-то сблизило, и он подробно рассказал о своей участи.

Участь свою полагал не счастливой. С молодости занимался живописью, но, не будучи обеспечен сим занятием, поступил на военную службу. В армии использовался для оформления торжественных грамот, в чем приобрел известность. Имел счастье оформить грамоты для прославленных полководцев Отечества — графа Румянцева и графа Салтыкова. Но особенно благодарен фортуне за редчайший дар: он оформил грамоту великому Суворову на графское достоинство.

Однако в царствование покойного Павла I при оформлении дворцовой грамоты допустил ошибку, и (хотя, слава Богу, не посадили в крепость) был лишен чина и уволен в отставку. С той несчастной поры претерпел бедствий. Заказы ему, опальному, делать боялись, и он чуть не помер с голоду.

Когда воцарился Александр I, Корнилию Семеновичу выпало смягчение участи. Кой-когда стали перепадать заказы на грамоты. Исполнил аллегория на тему славной войны двенадцатого года, украшенную миниатюрами, — портретами Кутузова, Багратиона, Раевского и других знаменитых полководцев. Аллегория сию купил у него императорский Эрмитаж.

Писал также портреты, резал гравюры. Но нужда его не покидала, ютится на чердаке в Коломне.

Меж тем, в чем я совершенно уверен, Новоселов замечательный талант. Увидев его портреты, я поразился: это были работы мастера. И была в сих портретах еще одна особенность: какая-то загадочность, свидетельствовавшая о сложности души портретиста. А в родной ему Вологде он забыт и неизвестен совершенно, хотя вологжане могли бы гордиться таким земляком. Да и в столице его знают единицы. Я пригласил его погостить у своих родственников в Вологде (как раз они приезжали ко мне в Петербург), и он был рад тому. И вот как раз перед его отъездом

в Вологду мы бродили с ним по столице и говорили, конечно, о том, что было у всех на устах, — о недавней гибели Пушкина. И вспоминали о поэте.

Новоселов тогда говорил мне:

— Я, сударь, горд тем, что мною оформлена грамота об учреждении Царскосельского лицея. Вам не доводилось видеть сию грамоту, сударь? Нет. О, она не есть грамота в полном смысле, а представляет собой замечательную книгу из пергамента, украшенную золотом, серебром, шелком, содержащую многие гравюры. Титульный и последние листы, пожалуй, самые сложные, оформленные мною, простите за нескромность, сударь. И 19 октября 1811 года в Царском селе я был на торжественном открытии лицея, и видел среди воспитанников Пушкина. Не знаю почему, однако же этот живой чернявый мальчик мне запомнился более других. Хотя, конечно, кто бы мог угадать в нем гения, кто бы мог...

Так примерно говорил Новоселов и вдруг осекся, схватил меня за рукав и почти испуганно зашептал:

— Вон, сударь, вон на бревне сидящий — это же первый возможный убийца Пушкина. По фамилии Сазонов. Каторжанин, душегуб. Я его случаем по лицу знаю. Бог тогда Пушкина оберег, а ведь смерть-то была рядом.

Я всмотрелся в сидящего на бревне. Это был в каторжной одежде высокий, совершенно седой старик угрюмого вида, с потухшим взглядом, безразличный ко всему, кроме ломтя хлеба, который он поедал. Осмотревшись, я понял: несколько каторжников под охраной трех инвалидов разбирали каретный сарай у кавалергардских казарм, и сейчас у них было нечто вроде обеденной трапезы.

Я подошел к нему и подал ему пятак. Лицо его оживилось, он с жадностью схватил монету, и, оглянувшись на товарищей, спрятал ее за пазухой.

— Как живешь, Сазонов? — спросил я его.

— Слава Богу, вашество, — ответил он, и лицо его снова стало безразличным: я утратил для него всякий интерес. — Тихо живу, всем доволен. Токо харчи плохие. Воруют. Вот бы написали жалобу, вашество.

— Не умею я жалобы писать, Сазонов, — сказал я и опять спросил: — А души-то, убиенных тобой, тебя не беспокоят?

— Нет, вашество. Я уже покаялся давно, — последовал спокойный ответ.

— А все же Расскажи, вспомни.

— А чего тут вспоминать, вашество? — что-то похожее на удивление послышалось мне в его голосе. — Служил в лицее. При больнице. Мальчишки вокруг. Денег мало. Пошел да и убил.

— Из-за денег?

— Да как оно сказать... конечно, из-за денег. А еще, потому что скушно.

— Скучно? — переспросил я его. — Как это?

— А так, — каторжник развел руками, — вот живешь и живешь, все обрыдло. Пойдешь, выследишь, убьешь. И душа отходит.

И я увидел: он ожил, в зрачках его вспыхнули огоньки.

— Кого же ты убивал, мил человек?

— А, этих... Как их... извозчика, булошника. Одинокого чухонца. Чего вы, вашество, на меня эдак глядите? Я же говорю: давно покаялся.

— А на лицеистов не покушался? Вспомни, не знавал такого — Пушкина? Вспомни: кучерявый, егоза, на арапчонка похож.

— Пушкина? — Сазонов задумался, потом ответил уверенно: — Знавал, как же... Помню. Это точно — такой черный, кучерявый. Хворал одно время. А я его обихаживал.

— Не тянуло убивать, а, Сазонов?

— Был грех. Спит он рядом, дышит ровно, рука сама потянулась к горлышку. Но вспомнил: денег нет у него, взять нечего. И как-то отпустило. А чего это вы, вашество, про Пушкина вспомнили?

— Убили Пушкина, — не сдержавшись, ответил я.

— Убили? — переспросил он, перекрестился и добавил: — Ишь как! А я вот его не убивал, не стал.

Слово душегуба почему-то столь сильно подействовало на меня, со мной случилось что-то необъяснимое. Я вдруг понял, что стою перед квартирой, где проходило свидание жены Пушкина с Дантесом, у квартиры Полетики, и внезапно, не знаю почему, но разгадка того, что так мучило душу, пронзила меня.

Прежние разрозненные предположения стали складываться в единую картину. Я вроде бы почти зримо увидел и внутренне понял, как развивалась трагедия поэта и кто закулисные виновники ее. Я даже покачнулся от внутреннего толчка.

— Что с вами? — с беспокойством спросил Новоселов, когда я подошел к нему. — На вас лица нет.

— Голова закружилась, — слукавил я.

Даже ему, столь симпатичному для меня человеку, я не мог в тот миг, еще не удостоверившись, сказать, что, вероятно, мне по Божьей воле открылась тайна гибели Пушкина. Или я ошибаюсь?

Вот завтра еду в Вологду. И, вероятно, там после многих сомнений и раздумий, дополнительных розысков открою свою тайну.

ТАИНСТВЕННЫЕ ПОРТРЕТЫ И ВЛЮБЛЕННЫЙ БЕС

Мой сын, Логин, по семейным обстоятельствам живет пока не в родной усадьбе Дуброво, а в Вологде, в доме своей милой супруги. В Вологде уже освоился, имеет много приятелей. И в честь моего приезда он собрал в доме приятное общество из соседей и друзей. Оказалось многие хотят послушать о моих встречах с Пушкиным, о портрете поэта, мною написанном, а также интересуются моей живописью. И мне пришлось рассказывать обо всем этом. В том числе и о себе.

Признаться, с детства у меня была склонность к живописи, и, выйдя в отставку, я предался этой склонности с великой охотой, сие занимало меня все более и более, не могу даже постигнуть — отчего. Посчитав, что мне нужны уроки живописи, я стал посещать Академию художеств, это помогло мне постигать таинственное ремесло художника.

Я приобрел дом в столице на Второй Итальянской улице, где живу каждую зиму и имею честь принимать у себя в гостях художников, литераторов, актеров и других лиц, весьма замечательных. Более того, я прослыл среди них за рисовальщика, ибо люблю делать зарисовки лиц с натуры.

Дивный наш балладник Василий Андреевич Жуковский (а я имею честь быть с ним знаком) и привел в мой дом Александра Сергеевича, дабы я попытался нарисовать его портрет: Пушкин обещал дать мне два-три сеанса.

Встреча с гением — это на всю жизнь, до конца дней моих. И я хотел бы дополнить своим скромным знанием общее представление о поэте.

Правда, первая моя встреча с Пушкиным была краткой: он куда-то спешил и позировал недолго. Я успел сделать лишь набросок портрета.

Засим Александр Сергеевич прервал сеанс, извинился, откланялся и ушел, обещав быть на сеансах в ближайшие

дни. Но в ближайшие дни и месяцы сеансы так и не состоялись по причине большой занятости Александра Сергеевича и еще потому, что ему уже было не до портрета — вокруг его семейства и фамильной чести стали сгущаться тяжелые тучи скандала.

Во второй раз, и, увы, в последний, Пушкин позировал мне в ноябре прошлого 36-го года.

Я был огорчен видом Александра Сергеевича: он выглядел грустным, черные круги под глазами, и что-то невыразимо печальное, уже нездешнее было в его взгляде. Я кое-что знал о скандальной истории, связанной с его женой и господином Дантесом, но, как многие, надеялся, что все обойдется.

Пушкин был мочалив, и я не смел тревожить его молчание. Но лишь один раз он оживился и как бы сам себе сказал: «Хотел я когда-то написать повесть под названием «Влюбленный бес». И рассказал кратко сюжет... Действие происходило в Москве. У старухи барыни две дочери: одна — романтическая, другая — невинная. К ним в дом ходят два приятеля. Один — развратный, цель его — соблазнить старшую, романтическую. Другой — Влюбленный бес. Да, да, подлинный бес, принявший человеческий облик по причине своей влюбленности в невинную девушку. Но она безразлична к нему, а вот старшая сестра ее, романтическая, влюбляется в беса, начинает сходить с ума от любви к бесу...

Пушкин так и не договорил, снова глубоко и печально задумался. А я живо представил: бес ходит в дом, бес в статском платье, выглядит как все, и бес влюблен... Бесы ходят среди нас, притворяются людьми, влюбляются в наших женщин...

Разве не бесы те, кто, говоря о своей любви ко всему прекрасному, благородному, травили поэта?

В тот сеанс я сделал много: меня словно осенило, все давалось странно легко, порывом, хотя на душе и было тревожно. С глубоким волнением писал я портрет Пушкина. И оказалось, это последний прижизненный портрет Александра Сергеевича...

Таковым был примерно мой рассказ в тот осенний вечер перед вологодским обществом. И меня слушали с большим вниманием, что я не отношу на свой счет. Всех, разумеется, интересовал Пушкин. Конечно, собравшиеся хотели видеть и портрет Пушкина, написанный мною. И были разочарованы, узнав что портрет я не взял с собой: ввиду

его большой для меня ценности он хранится в моем петербургском доме. А вот другую свою работу смог показать. Это портрет Лизиньки. Показав его, я пояснил присутствовавшим, что эта прелестная девушка убита чернью во время крестьянского бунта около тридцати лет назад. И написана мною по памяти.

Все сразу как-то замолчали. В наступившей паузе хозяйка дома объявила, что подан чай, и просила прийти к столу. Неловкость, похожая на замешательство, была снята. Все устремились за ней. На том, собственно, вечер и закончился.

ПРЕКРАСНАЯ УБИЙЦА ПУШКИНА

Когда после чая гости разошлись, мой сын Логин зашел ко мне в комнату (я уже готовился ко сну) и спросил, чем я так озабочен. Он почувствовал, что со мною нечто происходит. И был прав.

— Присядь, сын, — сказал я ему. — Видишь ли, мой рассказ о Пушкине разбередил мне душу. И ты проявил наблюдательность: душа заболела еще больше. Тайна тяготит меня. Какая тайна? Все вы знаете: убийцей Пушкина является прощельга Дантес. Но я знаю больше: Пушкин пал жертвой заговора. Дантес был просто исполнитель. А душою и вдохновительницей заговора явилась прекрасная женщина. И ее я считаю тоже убийцей поэта. Ты спросишь, Логин, кто она. Я открою тебе ее имя. Это — Идалия Полетика.

Она поистине прекрасная женщина. Наверное, красотой ее превосходит лишь сама Наталья Николаевна. Кстати, они — родственницы.

И именно эта прелестница с таким искусством, таким коварством и жестокостью, на что способна лишь женщина, провела интригу против Пушкина. И это по-своему захватывающая, особо драматическая история.

— А ты не ошибаешься, отец? — спросил меня Логин. — Возможно ли подобное? Чтобы убийцей Пушкина была женщина! И притом женщина изумительной красоты. Мне довелось тоже видеть ее... А увидев, забыть ее уже невозможно.

— Ты вправе усомниться, сын, — отвечал я, — но не приведи Господь обвинить в столь тяжком грехе невинного человека, тем паче — женщину. Поверь мне, все мною сотни раз думано и передумано. Увы! Я не ошибаюсь... и

ты, верно, сказал: увидевши ее, испытываешь какие-то особые чувства. И тем не менее...

— Я чувствую, как тебя это волнует. А тебе вредно волноваться, — сказал сын, — отдохни, приди в себя. Может, ты, переутомился в дороге? Не продолжай рассказ, расскажешь завтра. Опочивай.

Так я и сделал. Пожелав сыну спокойной ночи, я лег в постель и скоро уснул. Но всю ночь мне снились то Лизинька и ее могилка, то красавица Идалия Полетика. А под утро приснилась другая Лизинька, моя невестка. К чему бы это?

ДИСГАРМОНИЯ С ЖЕНЩИНОЙ

Утром сын меня ни о чем не спросил, лишь справился, как я себя чувствую. Я ответил, что вполне бодр, и мы с ним отправились на прогулку по Вологде. О вчерашнем разговоре не вспоминали.

Но, гуляя по вологодским улицам, я соприкоснулся с другой трагедией, о которой тоже много думал. Имею в виду безумие Константина Николаевича Батюшкова, великого нашего романтика. Когда он был еще здоров, судьба — увы! — не послала нам личного знакомства, хотя моя усадьба Дуброво недалеко от Данилевского, родовой усадьбы Батюшковых. И я знавал многих родных поэта, но только не его самого.

А вот теперь знакомство с ним невозможно: он безумен, живет в квартире своего племянника господина Гревенца, в доме конторы уделов, в квартире на втором этаже.

Мы с сыном проходили мимо этого красивого каменного здания, и мне показалось, что кто-то стоит у окна на втором этаже и смотрит на Софийский собор. Не он ли? Скорее всего, именно он... Горестно сознавать это... Он — среди нас, он жив, и его в тоже время нет, он в другом мире. Что стало причиной его безумия? Большая наследственность? Вероятно. Но не только, не только...

Мне сдается, Батюшков не принял нашего мира. Он имел другие, более высокие представления обо всем — о людях, о литературе, о властях, о женщине... — и каждый раз ранился, сталкиваясь с несоответствиями нашей обычной жизни. Он искал идеальное и не отыскал, и изнемог, и будто отошел от всего, будто хотел сказать: я не

хочу более иметь со всем этим дело. Это, если хотите, идеальное какое-то помешательство.

И тут следует особо сказать о женщине и той полнейшей дисгармонии, которая была у поэта с женщиной. Собственно даже не конкретно с какой-то из особ женского пола, положим с той же Анной Фурман, которую он вроде бы любил, страдал по ней, посвящал ей стихи, сделал ей предложение, а когда она приняла его, бежал от нее, видимо, в панике. Эротизм Батюшкова в поэзии не имел ничего общего с его личной жизнью. Мы все — участники великой мистерии мира, и все это, конечно, касается нас всех.

Каждая женщина, даже самая обычная простушка, сама того подчас не ведая, несет в себе космос, или, говоря гетевскими словами, «вечно женственное». Космос женщины вроде бы должен соединиться в гармонии с космосом мужчины. Но в жизни весьма часто все бывает не так. И эротическая мечта у Батюшкова столкнулась с непохожею реальностью женщины. И все это стало еще одной причиной его безумия. Не случайно его доктор «прописывал» ему в начале болезни (если так можно сказать) физическую связь с женщиной. Но для Батюшкова сие было неприемлемым. И он уже впадал в необратимое безумие.

И вот бушуют события, печатаются его сочинения (а ему ведь так хотелось печататься), а он, искавший какой-то смысл во всем, он — безучастен, он стоит у окна и часами смотрит на старый собор, что-то пишет, что-то рисует, сам с собой говорит... Как странно, как невероятно сие!

Как раз когда мы проходили по площади, мимо квартиры Батюшкова, начался сильный дождь, и мы поспешили домой, однако вымокли изрядно.

И мысли мои снова переметнулись. Я подумал, что где-то под дождем мокнет маленькая могилка Лизиньки. Бедная моя Лизинька, как ты сейчас одинока в мокрой и темной своей могилке.

Меня затрясло от безумных моих мыслей, и я снова приказал себе не думать о том.

И тут, возвратившись домой, мы с сыном вернулись к нашему вчерашнему разговору, столь важному для меня. И опять не договорили: уже был накрыт обеденный стол. И было решено: я расскажу обо всем вечером в семейном кругу, то есть сыну, его милой жене, а также нашему гос-

тью, ставшему семейным другом — Корнилию Семеновичу Новоселову — и таким образом раскрою им свою тайну, которой владею.

...И вот наступил вечер. Зажжены свечи. Мы устроились в креслах перед камином. Горят в камине дрова. И, видимо, домашняя обстановка на меня повлияла: я совершенно успокоился и начал свой рассказ почти беспристрастно.

— Дорогие мои, — так начал я, — фортуне было угодно, чтобы мне внезапно открылась тайна интриги, приведшей к гибели великого поэта Пушкина. Не знаю, почему такое открылось именно мне, но теперь то я понимаю, как тяжело это знание. И я хочу всем поделиться с вами и более того — посоветоваться, как поступить далее. Предать ли огласке, либо, напротив, сохранить открывшееся мне в тайне, которую вы теперь разделяете со мной. Во всяком случае, к концу нашей беседы все прояснится. И сразу хочу предупредить: не спрашивайте меня, как все это мне открылось. То особый и слишком долгий рассказ. Одно могу сказать: тому содействовал случай. А также конкретные знания, полученные мною от некоторых лиц. Короче говоря, все узнанное привело меня к единственному выводу: гибельную для Пушкина интригу, повлекшую неизбежную дуэль его с Дантесом, создала женщина, а именно, как я уже говорил Логину, — Идалия Григорьевна Полетика. Она — вдохновительница и создательница заговора против поэта, и именно потому эта интрига не поддается раскрытию мужскому уму даже опытных следователей: они не могут предположить, что в ней заключена женская логика, женские эмоции, искусство и коварство. В заговоре против Пушкина при внимательном рассмотрении есть нечто женское, невольной участницей его и жертвой стала Наталья Николаевна Пушкина, а все затеяно было Идалией Полетикой. Ищите женщину — столь избитая фраза — и здесь ключ к разгадке.

Пушкин чувствовал женщин как никто другой. И он вел с ними спор с теми непримиримыми противоречиями, который нередко кончается трагически. И, возможно, именно себя он пророчески изобразил в облике Дон-Гуана в «Каменном госте», который, как известно, погиб из-за своей страсти к женщине.

Кстати, Идалия Полетика как раз является дочерью подлинного Дон-Жуана, притом русского Дон-Жауна, и это тоже соотносится с моим рассказом.

ДОЧЬ РУССКОГО ДОН-ЖУАНА

Я на миг прервал свой рассказ, чтобы выпить брусничной воды, и тут Новоселов спросил меня:

— Как это — дочь русского Дон-Жуана?

— А вот так, — пояснил я, продолжая свой рассказ. — Отец Идалии, Григорий Александрович Строганов, в молодости имел феноменальный успех у женщин. Служа по дипломатической части в Англии, соблазнил множество англичанок. Был знаком с Байроном, и Байрон упомянул именно его в своем знаменитом «Дон-Жуане». Далее, будучи посланником, в Испании, Строганов отбил жену у графа д'Эга, она, между прочим, является дочерью великой португальской поэтессы. Строганов привез ее в Россию. Она и стала матерью прекрасной Идалии.

Кстати, Строганов — двоюродный дядя Натальи Николаевны и самого поэта знал преотлично. И Идалия много лет была дружна с Натальей Николаевной, а затем, после ее замужества, — и с самим Пушкиным. Александр Сергеевич любил шутить с нею. Пушкин был хорошо знаком и с мужем Идалии, кавалергардским полковником.

Но однажды между нею и Пушкиным произошло нечто невероятное, необъяснимое. Что же случилось?

Как говорят, однажды Пушкин поехал с Идалией в одной карете. И Идалия затем вышла из кареты вне себя от гнева. Здесь было нечто такое, что Идалия посчитала непростительным оскорблением и мгновенно превратилась из приятельницы Пушкина в его смертельно врага.

Все ее дальнейшие поступки продиктованы лютой ненавистью к Александру Сергеевичу. Она распространяла слухи о любовной связи Пушкина с Александриной — сестрой Натальи Николаевны. В разразившемся скандале Пушкина с Геккернами стала полностью на сторону последних, что и неудивительно, ведь она влюблена в Дантеса. Тем не менее, она поощряла его ухаживания за Пушкиной. И более того, изо всех сил старалась свести Наталью Николаевну с Дантесом. Какое-то извращенное сладострастие и жажда мести переполнили ее. Она объединила вокруг себя всех, кто не любил Пушкина. Муж ее — приятель Дантеса. Друзья Дантеса, молодые кавалергарды, — ее дружеский круг. «Веселая банда» — как они сами о себе говорили. И она вполне использовала эту «веселую банду».

«ДИПЛОМ ОРДЕНА РОГОНОСЦЕВ»

Правда, сначала у нее был совсем другой план действий; ни о пасквиле, ни тем паче о дуэли она не помышляла. План ее мести Пушкину был, видимо, таков: она хотела, чтобы Дантес овладел Натальей Николаевной. Именно для этого 2 ноября она устроила свидание Дантеса с Пушкиной на своей квартире, притом оставив Наталью Николаевну неожиданно для нее одну с Дантесом. Если б Дантес сумел добиться Натальи Николаевны, это, по понятиям Полетики, была бы дьявольски искусная месть Пушкину. И может быть, она этим вполне удовлетворилась. Однако Дантес, потерпел неудачу. И это, видимо, совершенно взбесило ее. Неудовлетворенная месть потребовала новых действий. И в порыве эмоций на следующий день, 3 ноября, она решилась на новое коварство — сочинение пасквиля. И стала вдохновительницей этой новой интриги. Но писан он был не ее рукою. А чьей же? Кем написан? Это можно предположить. Но он был написан, так называемый «Диплом ордена рогоносцев», гнусная анонимка, в которой прямо говорилось, что Александр Сергеевич — рогоносец.

Идалия имеет, как я вам уже говорил, безраздельное влияние на молодых кавалергардов, дантесовских приятелей, этих молодых жеребцов, циничных и жестоких, готовых по приказу очаровательной женщины нанести коварный удар ревнивицу-супругу, обладателю прекрасной жены, которая, к тому же, устояла пред искусом их собрата. Для них это и развлечение, и месть мужу, которому не удалось наставить рога. И, наконец, наказание неуступчивой красавицы, посмевшей отказать кавалергарду, члену их клана. Так сложился заговор против Пушкина, возглавляемый Италией Полетикой. Во всем этом была и еще одна важная причина — ненависть аристократов к выскочке Пушкину, с их точки зрения, претендовавшего на особое высокое положение в свете.

Во всем сказанном я полностью уверен. Правда, мне неизвестно, кто именно из этих великосветских шалопаев писал пасквиль под диктовку Италии. И не столь уж важно... они неглупы. Возможно, исполнителем было лицо, самое неизвестное среди них, даже стороннее, и неожиданное: так было лучше для маскировки. Они знали, что творят, и не хотели быть разоблаченными по почерку. Дуэль вряд ли входила в их планы. Но

надо знать Пушкина: подобного оскорбления он перенести не мог. Теперь дуэль стала неизбежной. Ее можно было лишь отсрочить.

Конечно, друзья Пушкина многое сделали, чтобы дуэль все же не состоялась. И сами Геккерны пошли кое в чем на попятную. Дантес даже женился на сестре Натальи Николаевны — Екатерине. Он не хотел драться. Это было невыгодно ему: грозил крахом его карьере. Но, поскольку в свете пошла молва: мол, брак Дантеса ничего не изменил и есть лишь прикрытие, Пушкин должен был защитить и свою честь, и честь жены, навсегда: и в глазах современников, и в глазах потомков. И если б он этого не сделал, это был кто-то другой, а не Пушкин. Я скорблю о его гибели, но он выиграл свою нравственную дуэль против заговора. Потому и ныне Идалия Полетика понимает это, испытывает к нему не меньше ненависти, если не больше, даже после смерти. И эта исключительна ненависть выдаст ее с головой. Вот какова, дорогие мои, нераскрытая тайна заговора и гибели нашего великого поэта.

На этом я закончил свой рассказ. Установилось глубокое молчание. Мои слушатели находились под впечатлением от узанного. Первым нарушил молчание Новоселов. Он сказал:

— Ваш рассказ, Иван Логинович, представляется мне вполне достоверным. И очень трагичным. Но, по моему мнению, вы не должны обнародовать правду, пока не раскроете новых доказательств, дабы они были совершенно неопровержимы. Я полагаю, что вам это вполне удастся.

Я согласно кивнул ему:

— Вы совершенно правы, сударь. Ведь у меня есть подозрение, что Идалия Полетика каким-то образом связана по этому делу и с начальником штаба корпуса жандармов Дубельтом. Так ли это? Вы, мои дорогие, сами понимаете, насколько все это серьезно. И я как раз предпринимаю действия, чтобы собрать новые доказательства. А пока снова прошу вас ничего не разглашать до времени, сохраняя узанное в тайне.

«СБИЛИСЬ МЫ. ЧТО ДЕЛАТЬ НАМ!»

Существовали ли и существуют до сих пор тайны Пушкина, то есть то, что скрыто от толпы, но составляет нечто особо важное, хотя и потаенное, в жизни гения? Я нередко задавался этим вопросом. А кто я, Иван Линеv, соб-

ственно, такой, чтобы подобными вопросами задаваться? Но опять же скажу: фортуна тому содействовала, и мне, по ее воле, стало известно то, что не знают другие. А уже пора бы мне готовиться к отъезду из Вологды. И пред отъездом надлежало рассказать все до конца.

И вот снова затоплен камин. И мы снова удобно устроились в креслах. По правую руку — Логин, по левую — Новоселов, а напротив Лизинька, милая супруга сына, моя невестка. Правда, что-то у нас в отношениях стало проявляться сложное, как будто даже непонятное. Конечно, само по себе ее имя на меня действует особо — в память о погубленной девушке из соседней усадьбы, моей первой любви. Однако чувствовалось в моей невестке такое, что меня настораживало. Вот и сейчас — какое-то напряжение, и странный блеск в ее глазах. Но, может, это мне просто, кажется...

— Рассказывайте, Иван Логинович, — просит она.

И я начинаю свой рассказ о тайнах Пушкина. О том мне поведал Василий Андреевич Жуковский. И мне надлежит как можно точнее изложить рассказ Жуковского:

«В день кончины Александра Сергеевича, — так примерно говорил он мне, — уже запоздно, когда все ушли из квартиры Пушкина, а я оставался, сюда прибыл генерал Дубельт и от имени государя опечатал пушкинский кабинет, где хранились все бумаги покойного. Мне также было передано распоряжение государя, чтобы мы совместно с Дубельтом в последующие дни разобрали архив Пушкина и представили подробный отчет, что в нем находится. Мне стало горько... Что означает — личный архив Пушкина? Ведь в нем могут быть самые личные, интимные, тайные его бумаги. И мне-то прикасаться ко всему этому неловко, даже страшно. А при чем тут Дубельт... Все это не так просто. И что таит в себе архив Пушкина? Какие там тайны? Что он оберегал и таил от других? Мне стало очевидно: власти боятся Пушкина, боятся того, что будет в нем обнаружено. А вдруг вскрыется, что Пушкин есть глава революционной партии в России, — такие опасения откровенно высказывал Дубельт».

«В то я не верю, — сказал мне пред разбором архива Жуковский. — Но с величайшим волнением приступаю к разбору тайных бумаг Пушкина. И рядом будет Дубельт. Правда, пять пакетов с бумагами Пушкина — прошу вас, Иван Логинович, сохранить это в тайне, делюсь этим толь-

ко с вами, — так пять пакетов мне удалось вынести из кабинета еще до прихода Дубельта. В них переписка Александра Сергеевича с женой. Я передал эти пакеты Наталье Николаевне».

На том, дорогие мои, наш тогдашний разговор с Жуковским закончился. Насколько мне известно, агенты Третьего отделения очень интересовались этими пятью вынесенными пакетами, видимо, считая, что в них не личная переписка, а нечто опасное.

А в середине февраля мы снова встретились с Жуковским, и он рассказал мне, что они с Дубельтом разобрали бумаги Пушкина. И в них не было обнаружено ничего предосудительного. Тем не менее, разбор этих бумаг принес замечательные плоды: были обнаружены неизвестные, прекрасные стихи Александра Сергеевича. Стихи, которые он не печатал и ставшие теперь его предсмертной исповедью. Василий Андреевич переписал для меня все эти пиесы и подарил мне их. Вот они: «Осень», «Художнику», «Мирская власть», «Из Пиндемонти», «Отцы-пустынники», «Когда за городом, задумчив, я брожу...», «Памятник».

И Жуковский сказал мне примерно так: «Читайте и перечитывайте эти пиесы, Иван Логинович. Без этих стихов — последних его — невозможно знать Пушкина. Эх, чего греха таить, ведь журналы в последнее время чуть ли не единодушно утверждали, мол, Пушкин исписался, и престал быть первым. И московские шеллингианцы твердили: нет-де, Пушкин — не философ, не глубок... И я тоже кое в чем грешен... Даже мы — ближайшие его друзья — не понимали его... Мы все не доросли до гения. Он далеко опередил нас: стихи, найденные в его бумагах, это подтвердили. Теперь-то я понимаю, как одинок был Пушкин. Смерть все прояснила. А ведь смерть произошла с ним у поворотной черты, когда новое созревание его гения еще совершалось, найденные пиесы — тому свидетельство. Но все равно созданное им в последнее время и найденное в его бумагах — все прекрасно и бессмертно. В этом — тайны Пушкина».

И еще скажу об одном — очень важном и весьма все же сомнительном. Можно ли предположить вмешательство темных, потусторонних сил в трагедию и гибель поэта? Я не склонен к такому мнению. Однако всем известно, что Пушкину цыганкою была предсказана смерть от «белого человека», приметы с Дантесом совпадают. Были и другие необъяснимые знаки.

Должен признаться, мои дорогие: под влиянием всего происшедшего я написал несколько полотен, на которых среди бесовских темных ликов есть лица Дантеса, Геккерна, Полетики и других врагов поэта. «Мчатся бесы...» Страшно сказать, но иногда мне кажется, что к нам в Россию проникло нечто ужасное, бесовское. Я страшусь ведомства Бенкендорфа и Дубельта. Я верю благим намерениям государя: он поклялся сделать Россию счастливой страной. А начал свое царствование с повешения поэта Рыльева... И вот Пушкин погиб. И я боюсь за Россию: что ждет ее — предсказать невозможно. Это не предсказуемо. «Что делать нам?»

Все эти тревоги я выразил в своих полотнах. Приехав в Дуброво, вы сможете увидеть их. В том числе и в усадебном храме. Вот все, чем я хотел поделиться с вами.

Закончив рассказ я столкнулся взглядом с Лизинькой. В ее глазах был странный огонь, она поспешно опустила их. А Новоселов сказал так: «Боюсь, Иван Логинович, что вы можете вызвать на себя серьезную опалу».

АГЕНТ ФОГЕЛЬ В ВОЛОГДЕ

А на следующий день, когда я уже готовился к отъезду, к нам в Вологду пожаловал незванный гость. Сначала я увидел его в окно. Он шел к дому вместе с невесткой Лизинькой, и они о чем-то оживленно говорили. Он был в статском, с виду неприметен. Но что-то неприятное показалось в его облике... А через некоторое время Лизинька отворила дверь в комнату и проговорила: «Иван Логинович, это к вам». Гость шагнул в комнату, плотно закрыл дверь и сказал с уверенностью:

— Здравствуйте, Иван Логинович. Позвольте представиться, ибо хитрить нет никакого смысла. Я — агент Третьего отделения, моя фамилия — Фогель. Прибыл по вашу душу, господин полковник.

— Что же вам угодно? — спросил я его.

Он без приглашения сел в кресло, и состоялся разговор, весьма неприятный для меня, похожий чем-то на допрос. Фогель спросил, что мне известно о пяти пакетах, вынесенных из архива Пушкина. Я ответил, что ничего мне не известно. Фогель поинтересовался, зачем я собираю материалы о дуэли Пушкина и об участии в этом печальном происшествии господина Дубельта, госпожи Полетики и других известных лиц. И зачем изображаю их на своих полотнах среди бесовских образов.

Я ответил, что мною движет чувство раскрытия истины. Услышав это, Фогель поднялся с кресла, заходил по комнате и заговорил с волнением, впрочем, и с сочувствием мне:

— Я хотел бы предупредить вас, сударь, вашего благополучия ради, — так говорил он, — не ведите опасную игру. Поверьте, я вам искренне сочувствую. Ваше мужество в защите Отечества, господин полковник, ценится высоко. Однако не касайтесь тайн, способных повредить обществу. Я привез вам печальное известие. Ваша усадьба Дуброво и храм в ней полностью уничтожены пожаром. Полагаю — поджог, крестьянский бунт. И вам это как предупреждение.

В глазах у меня почернело. Погибла не только усадьба, но и мои полотна. Уничтожены. Ни в какой крестьянский бунт я не поверил. И о том закричал прямо в глаза агенту:

— Это поджог. И это — дело ваших рук, я так полагаю!

— Как угодно, — почти бесстрастно сказал он. — Но поймите, может сгореть и все остальное. Не касайтесь тайн, ради Бога, господин полковник. Ведь может сгореть и ваш пушкинский портрет.

ГОВОРIT МЕРТВЫЙ ПУШКИН

— Портрет? Какой портрет? Кисти Линева? Нет, не помню.

Я, Александр Сергеевич Пушкин, умерший после дуэли 29 января 1837 года, я не знаю, что моя жена, моя вдова, выйдет замуж за Петра Ланского, бывшего любовника ненавистной мне Идалии Полетики.

Я не знаю, что моя младшая дочь выйдет замуж за сына генерала Дубельта. Мне не узнать, что дочь моего убийцы — Дантеса — проклянет отца и будет боготворить мою поэзию.

Я был первейший писатель в России в стихах и прозе. И потому искренне считал, что вознесся выше столпа императора Александра.

Я многое не написал. А задумывал романы, поэмы, исторические сочинения. Я не успел...

Я не написал также своей повести «Влюбленный бес» — о соблазнении бесом женщин. Все, что связано с женским, женственным, давало мне и особенно моей музе великие силы, я имел талант любить женщин. Может, он

был не менее моего таланта поэтического. Я говорил жене: «Ты у меня сто тринадцатая». Но я сознавал, к чему это может привести. Это погубило Дон-Гуана, о чем я, думая о себе, писал в «Каменном госте».

Но вот обратите внимание на мою выписку из сочинений архиепископа Кониского, читанных мною в 1835 году. Что я выписал? А вот что: «Радость плотская ограничивается наслаждением... Но радость духовная есть радость вечная; она не умаляется в бедах, не кончается при смерти, но переходит и по ту сторону гроба». К тому времени я уже твердо веровал, что Евангелие есть прекраснейшее из духовных творений на земле. И я умер как христианин. Но тайна моей смерти осталась неоткрытой. Хотите знать ее?

Напрасный труд. Потаенные и потому главные причины моей дуэли и смерти до конца не понятны даже мне самому. И вы никогда не узнаете полную правду обо мне. Ваше общество сего не позволит. И каждая эпоха будет рисовать мой портрет лишь таковым, чтобы он соответствовал ее понятиям.

Я умирал после дуэли 46 часов. Временами мои мучения были нестерпимы. Был миг, когда не выдержав, я попытался застрелиться и велел человеку принести ящик, в коем были пистолеты. Я спрятал их под одеяло. Но о том узнал Данзас и попросил отдать ему пистолеты. И я ему их отдал, покорившись полностью воле Божьей.

Но в эти долгие и страшные часы умирания, в эти же дни и ночи умирания в моей душе, как в сгустке, собралось все, что было в моей жизни, и во мне произошли невидимые перемены. Я пережил и понял много и простил врагов своих.

Данзас сказал, что готов отомстить Дантесу. Я ответил ему: «Нет, нет. Мир, мир». Я просил также княгиню Долгорукую съездить к Дантесу и сказать ему, что я прощаю его. Она исполнила мое поручение. Дантес с издевательской улыбкой ответил: «Я тоже его прощаю». Бог ему судья.

Бедной жене моей я несколько раз говорил: «Будь спокойна, ты не виновна в этом». И видя, как она мучается, еще раз подтвердил при всех: «Не упрекай себя моей смертью: это — дело, которое касалось одного меня».

И среди мучений наступали моменты какого-то удивительного просветления и успокоения, боль исчезала. За полчаса до смерти мне даже захотелось моченой морошки.

Попросил жену покормить меня морошкой, ел с аппетитом, после погладил ее по голове и сказал: «Ну, ну, ничего, слава Богу, все хорошо».

За минуту до моей смерти жена подходила к моему ложу, после вышла. Я умер тихо...

Моя душа взлетела, и я увидел себя внизу мертвого, распростертого на постели, свое тело. На моем лице было выражение полного спокойствия. Внизу у моей постели были Жуковский, Даль, Вяземский с женой, Тургенев, мой верный Данзас, два врача. Теперь я смотрел сверху на них — с некоторым удивлением. Все произошло настолько тихо и спокойно. Они сначала не поняли, что я умер. Потом догадались. В комнату вбежала жена, она все поняла, и закричала в отчаянии: «Я убила моего мужа! Я — причиною его смерти! Но Богом свидетельствую: я чиста душою и сердцем!»

Мне стало больно. Но я ничем не мог помочь ей. Моя душа взлетела выше. Я взлетел над нашим домом и поразился. Пространство перед домом, набережная Мойки и все улицы вплоть до Дворцовой площади были заполнены народом. Такого скопления людей еще никогда не случилось. Жуковский вышел на балкон и объявил толпе: «Пушкин умер!» И из толпы отозвалось: «Убит!» И я взлетел еще выше.

ГОРИЦЫ — ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Мое увлечение Горицами (это было в далекие 60-е годы) началось с того, что я узнал: сюда была заточена красавица Ксения Годунова. О Ксении мне было известно из трагедии Пушкина «Борис Годунов». Тоже не обошлось без Пушкина. Потому я поехал посмотреть это место. И открыл для себя Горицы...

Многие знают о Кириллове и Ферапонтове, их знаменитых памятниках. О Горицах за пределами Вологодчины известно немногим. Но можно с достоверностью утверждать: это место — уникальное, особое. Здесь сами камни вопиют о судьбе русской женщины, о страстях человеческих, тайнах, падениях и взлетах. Здесь переплелись судьбы множества удивительных русских женщин...

Удивительно красивое место: холмы, леса, разлив Шексны, живописные острова на ней. И монастырь, гармонично вписывающийся в грандиозную и прекрасную панораму природы...

Обитель основывалась княгиней Евфросиньей Старицкой как место душевного успокоения и служения Богу. В 1544 году здесь был возведен на деньги Старицких соборный храм Воскресения, который при всех своих утратах, переделках и запущенности гордо стоит в центре обители поныне. Он громоздок, непропорционален, несколько нелеп в этой неуклюжести, но производит неизгладимое впечатление. По существу, история Гориц — это трагедия, начавшаяся со времени основания обители.

ТРАГИЧЕСКОЕ НАЧАЛО

...Октябрьской ночью 1569 года в монастырь ворвался отряд опричников Ивана Грозного. Писатель Вл. Желез-

няк написал об этом так: «Взяв в Горицком монастыре Евфросинью и ее келейницу и сенных девушек, опричники, не дожидаясь утра, погнали плачущих и полураздетых пленниц к реке Шексне. Здесь началась дикая расправа. Двенадцать женщин постреляли из пищалей и порубили саблями. Тела их, искрошенные на куски, отдали на съедение собакам. Саму княгиню Евфросинью засунули в мешок с камнями и бросили в воду на корм окуням и щукам».

Мне неизвестно, каким историческим источником пользовался писатель, ведь в данном случае речь идет не о художественном произведении, а его исторической статье. Но во всяком случае все источники, хотя и по-разному, говорят об этой трагедии.

Чем же она была вызвана? Вероятно, трагедия в Горицах явилась кровавым следствием «большой политики», ставкой царя на террор. Иван Грозный избрал в качестве жертв своих близких родственников Старицких, чтобы затем приступить в расправе над другими неугодными лицами и даже целым городом — Новгородом, где впоследствии произошла массовая кровавая бойня.

Безусловно, близкие родственники царя Старицкие были людьми неугодными. Боярская оппозиция предпочитала видеть на троне именно одного из Старицких — Владимира, двоюродного брата царя. Но он был безвольным человеком, не борцом, не заговорщиком. Главным своим противником Иван Грозный считал княгиню Евфросинью, мать Владимира, — женщину властную, стойкую, непокорную, тщеславную, сильную. Потому она и была насильно пострижена по приказу царя в монахини под именем Евдокии и сослана в основанный ею Горицкий монастырь. Так в 1563 году она и оказалась в этих местах.

Евфросинью-Евдокия была натурой одаренной, художественной. Она великолепно вышивала и содержала целую мастерскую искусных вышивальщиц, где создавались настоящие художественные произведения. В музее Кириллова хранятся два из них — плащаница и фрагмент хоругви. Политику она, видимо, уже оставила, гордыню смирила. Напрашивается мысль: Евфросинью Старицкая и Иван Грозный уже выбрали разные пути. Она обратилась к божественному. Он же впадал все более в душевную тьму...

«С осени 1568 году, — писал историк А. Зимин, — Иван Грозный под влиянием слухов о боярских заговорах и опасаясь «мора», все больше и больше времени проводил в

Александровской слободе и на Вологде...» В отдалении от столичной жизни обдумывал он, какой путь избрать. Что-то непостижимое было в этом человеке, его невероятном лицемерии — даже перед самим собою. Царь вроде искренне тяготился шапкой Мономаха и хотел бы стать простым монахом Кириллова монастыря. Как пишет известный специалист по этой эпохе Р. Скрынников: «Будучи в Кириллове на богомолье, царь пригласил в уединенную келью несколько старцев и в глубокой тайне поведал им о своих сокровенных помыслах». Притом убедил кирилловских старцев в своей искренности — ему поверили. Для царя даже срочно приготовили особую келью. Ждали: вот-вот примет постриг. Царь истово каялся в послании в Кириллов в своих грехах: «Сам бо всегда в пианстве, в блуде, в прелюбодействе, в скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе...»

А вместе с покаянием готовил «чудовищный процесс» (выражение Р. Скрынникова) над Старицкими. Владимира обвинили в попытке отравить царя, в сговоре с этой целью с дворцовым поваром. «К расследованию были привлечены в качестве свидетелей ближайшие льстецы, прихлебатели, палачи». Царь лицемерно заявил, что не хотел бы проливать родственную кровь. И потому князю, а также его жене и малолетним детям присудили самим выпить яд (так, мол, без пролития крови). Тщетно, рыдая, они пытались доказать свою невиновность. Рядом с ними уже стоял главный палач — Малюта Скуратов. И они сами испили смертную чашу (хотя есть и другие версии их смерти).

Расправившись с семьей Старицких, царь послал отряд опричников уничтожить свою тетку Евфросинью. Опять же имеются различные версии этой расправы. Бытуют на этот счет и различные легенды. Во всяком случае в горицкой рукописи говорится, что опричники утопили в Шексне четырех женщин: инокинь Евдокию, Марию, Александру и игуменью Анну. Нападение на женский монастырь считалось величайшим грехом. Теперь уже было «все дозволено». И ужас дьявольского террора обрушился на Русь.

А царь все еще делал вид, что собирается пойти смиренным монахом в Кириллов. Но вместо того сослал в Горицы надоевших ему жен: свою четвертую супругу Анну и седьмую по счету — Марию.

В Горицах над могилами Евдокии (Евфросиньи Старицкой) и ее родственницы Александры (княгини Юлиа-

нии) впоследствии, в XIX веке, был возведен монументальный Троицкий собор. Он стал величественным памятником мученицам.

КРАСАВИЦЫ В ЗАТОЧЕНИИ

Иван Грозный, однажды проезжая по Белозерской земле, якобы заметил: «Бабы у вас хороши». А царь знал в женщинах толк... Иван Грозный превратил монастырь в место ссылки и заточения московских красавиц, в том числе своих жен.

Кажется, до сих пор его тень как бы витает над древними монастырскими стенами...

В 1572 году Иван Грозный решил жениться в четвертый раз. Но четвертый брак запрещался церковью. И вот тогда, как пишет историк Д. Мордовцев: «...созван был собор святителей — митрополит, архиепископы, епископы, игумены, царь смиренно молил о разрешении ему четвертого брачного союза». Иван IV плакал и каялся, уверял, что он — несчастнейший человек. И как исключение, четвертый брак ему был разрешен.

Иван Грозный женился на восемнадцатилетней Анне Колтовской. До этого царь почти год проводил в оргиях со многими женщинами. И что же — теперь с этим покончено? Нет. Уже через год царь предпринимает попытку взять к молодой жене еще одну «супружницу» — уже безо всякого разрешения, Марию Долгорукую. Она была совсем беззащитна — из опальной семьи, где были кто казнен, кто пытан, кто сослан. И вот ей вроде бы выпало сомнительное, но царское внимание. Царь стал двоеженцем.

Но «жизнь Марии Долгорукой закончилась на второй день после брака: Грозный, узнав, что его невеста прежде супружества потеряла девство, приказал «затиснуть» ее в колымагу, повезти на бешеных конях и опрокинуть в воду» (Д. Мордовцев). Свершив казнь, Грозный перекрестился и произнес: «Воля Господня свершилась».

Можно представить, что испытывала при том и «законная» жена — Анна. Царь прожил с ней еще два года. И отправил в Горицы. В монахинях она под именем Дарьи прожила еще 54 года, хотя сколько из них в Горицах — мне неизвестно. Но есть упоминание, что в память о Марии Долгорукой она заказывала поминальную службу. И это говорит о многом...

А царь продолжал жениться — в пятый, шестой, седьмой раз. В 1580 году, будучи уже старцем, царь пленился дивной молодой красавицей Марией Нагой. Об ее красоте слава шла по всей Руси. И самодержец возжелал взять ее в жены — седьмой по счету. Тщетно молодая красавица умоляла отца, боярина Федора Нагого, не отдавать ее за царя-старика. Отец был бессилен перед деспотом... И уже на второй год супружества, когда Мария была беременна, царь начал свататься к племяннице английской королевы Елизаветы Марии Гастингс. Царица Мария в расчет уже не бралась... Брак с англичанкой не состоялся.

А в начале 1584 года здоровье Ивана Грозного резко ухудшилось. Началась агония.

Царь умирал в муках и страхе. И многие преступления томили его. В ужасе он уже написал свое последнее предсмертное послание в Кириллов монастырь. «Ног ваших касаясь, князь великий Иван Васильевич челом бьет», — так униженно писал он монахам и просил их молиться об избавлении «от настоящей смертной болезни». И теперь уже на самом деле готов был отказаться от трона, от власти, стать простым монахом в Кирилловом монастыре — лишь бы выздороветь. Все напрасно. Пришла расплата. Мучаясь и ужасаясь, умер царь.

А что же Мария Нагая? Трудно представить, как много пришлось пережить ей. Как будто рок тяготел над нею и после смерти царя. Ведь именно ей выпала трагедия, которая потрясла не только ее, но и всю Русь. 15 мая 1591 года в Угличе погиб ее сын, несчастный мальчик, царевич Дмитрий. И она несла тело сына с колотой раной на шее и, как безумная, кричала: «Зарезали!»

А Борис Годунов, которого многие историки считают истинным убийцей царевича, ухитрился горе матери обратить в ее вину. И царицу Марию под именем Марфы за то, что якобы недоглядела за сыном, отправили в ссылку. Сначала в монастырь на Выксе близ Череповца, затем в Горицы.

А потом настало страшное Смутное время. И монахиня Марфа сначала по требованию Бориса Годунова объявила, что Лжедмитрий не является ее сыном. Но затем, победив, Лжедмитрий принудил ее признать себя за сына Дмитрия. И даже во время восстания 1606 года, уже находясь в руках восставших, беспомощный и раненый, он обращался к мнимой матери за спасением, прося

сказать, что он — Дмитрий. Она этого не сказала... И он был убит.

А в память о своем настоящем сыне Мария возвела в Горицах придел при Воскресенском соборе.

* * *

Еще одна знаменитая русская красавица в Смутное время попала в Горицы — дочь Бориса Годунова царевна Ксения. Она была добра и чиста, образованна и талантлива, прекрасно вышивала.

Лжедмитрий при занятии Москвы своими сторонниками приказал умертвить всю семью Годуновых, лишь Ксению оставил для себя, «да насладиться красоты ея».

Расстрига надругался над пленной, беззащитной царевной и, лишь всласть натешившись, отправил ее в Горицы. Светлый образ несчастной царевны вошел в народные песни и русскую литературу...

А в 1612 году Горицкий монастырь подвергнулся нападению польско-литовских банд, бродивших по Руси. Кириллов монастырь тогда выстоял, а беззащитные Горицы подверглись разграблению и осквернению. Много страшного тогда произошло здесь — грабеж, глумление, убийства, насилия над монахинями...

Но уже шли по Руси железные полки Минина и Пожарского, мечом вычищая весь этот сброд, терзавший Русь. Гнали и били их — по всему Северу.

Возрождалась измученная страна. Возродился после разорения уже в 1613 году и Горицкий монастырь.

В Москве утвердилась новая великая царская династия — Романовы. И любопытно, что первый ее царь, Михаил, еще будучи мальчиком, побывал в Горицах. В рукописи по истории Гориц говорится, что в 1601 году здесь побывала «княгиня Черкасская вместе со своим племянником, будущим царем Михаилом». Есть упоминание, что он приезжал сюда и еще раньше, в 1600 году, вместе с матерью. Все это нуждается в уточнении и изучении. Этот факт в нашем краеведении был до сих пор не изучен.

ЗАПРЕТНОЕ

Лицам мужского пола — и мальчикам, и мужчинам — пребывание в Горицах не запрещалось. И с этим связано немало легенд и слухов о любовных историях в монастыре.

Местные жители рассказывают даже о подземном ходе, который якобы вел в монастырь. Что же было на самом деле? Один из местных жителей уверял меня, что его отец когда-то обнаружил подземный ход, ведущий из Кириллова в Горицы, даже спускался в него. И горицкие колокола, мол, раньше под вечер зазывали монахов из Кириллова, вызывая:

К на, к нам
Сиротам.

Представление о том, что само понятие женской обители неминуемо связано с грехом, довольно распространено. Но так ли это было на самом деле?

«Сладок грех около Бога», — это высказывание самого Н. Лескова, а знаменитый писатель хорошо знал нравы монастырской жизни. И некоторые факты из истории Горицкого монастыря свидетельствуют — да, грехи были. И дети рождались... В 1659 году здесь возникло дело о покраже монастырских денег и вместе с тем вскрылись случаи пьянства и распущенности отдельных монашек...

В 1690 году возникло дело о «плутовстве» черницы Марфы. 22 октября игуменья Анфисе была направлена грамота Вологодского архиерейского приказа, в которой говорилось: «Черницу Марфу за воровство, что, забыв монашеское обещание, сплутала и, сплутав, хотела свое плутовство скрыть, сбежала, вывезти на дровнях за монастырь и закопать в берег без всякого церковного отпевания».

Что же дальше стало с несчастной Марфой? Началось следствие. И выяснилось, что беременная беглянка добралась до деревни Микулино, там родила мертвого ребенка и сама скончалась во время родов. Но несчастную женщину и после смерти не оставили в покое. Страшный приказ был выполнен: мертвую Марфу увезли в Горицы и там зарыли в «берегу», как было предписано, без церковного отпевания. Был выяснен и соблазнитель Марфы — «черный поп» из Кириллова монастыря Сергей Троицкий, но он сумел скрыться.

Да, все это было. В монастырь попадали разные женщины. Ведь многих постригали в монахини насильно, в том числе и за плотские связи. Но насильно изменить женщину изнутри не всегда возможно... Безусловно, строжайшие монастырские запреты усиливали соблазн. Иногда подобное случалось и с достойными людьми. Примеры тоже есть.

Но такие явления внутренне и глубоко не характерны для русской монастырской жизни. Большинство монахов и монахинь, пришедших в монастырь, добровольно следовали своему внутреннему предназначению духовной, аскетичной жизни. Они находили высшую радость в самосовершенствовании, в служении Богу, и это было их естественным состоянием. И потому представление о женской обители, в том числе о Горицком монастыре, как «тихом омуте» различных грехов — грубый предрассудок. И не было в Горицах никакого подземного хода — это легенда. Другое дело, что некоторые люди могли вносить и в монастырь свое людское, в том числе и плотское, и темное...

ТАИНСТВЕННАЯ УЗНИЦА

Трагедией Горицкого монастыря стало то, что он был насильно превращен в место заточения и ссылки многих знатных русских женщин.

Вот одна из таких историй. В 1739 году в Горицы была привезена молодая девушка, имя которой никогда не называлось. Ее держали под строжайшим и оскорбительным надзором. Но она проявляла гордость и неповиновение. Но однажды игуменья замахнулась на нее посохом, узница с вызовом заявила ей: «Ты должна уважать свет и во тьме. Не забывай, что я — княжна». Не встала она на колени и перед приехавшим в Горицы губернатором, и за это окно ее кельи было забито досками. Она жила в полной темноте, но так и не покорилась.

Но кто же она? По некоторым сведениям, это княжна Долгорукая.

...Ей было всего 17 лет. Хороша собой, беззаботна, выросла в роскоши; она, казалось, была баловницей судьбы. И была страстно влюблена в графа Мелиссино, и он отвечал ей страстным чувством.

Однако у ее отца, князя Алексея, были свои планы относительно дочери. Шла борьба за власть, за влияние на мальчика-императора Петра II.

Меншиков собирался женить Петра II на своей дочке. Но не получилось, а обернулось для Меншикова ссылкой и опалой. Князь Алексей предложил царствующему мальчику свою дочь.

И Петру II понравилась Екатерина. Ее разлучили с возлюбленным, графом Мелиссино, которого немедленно выдворили из столицы. По приказанию отца Екатерина стала

невестой мальчика-императора. Ее «торжественно обручили с ним, хотя жениху было всего 14 лет.

Но судьба готовила неожиданный и трагический оборот. Петр II внезапно заболел оспой и скоропостижно умер. И при дворе взяла верх партия противников Долгоруких, на них посыпались аресты, казни, ссылка. Для Катеньки титул «государыни-невесты» стал проклятием. Она была арестована, над ней издевались, ее постригли в монахини и держали в заточении. Она вынесла все...

Лишь императрица Елизавета освободила ее из заточения, вернула ей почести и богатство.

Несколько авторов уверенно утверждают, что узницей Горицкого монастыря с 1739 по 1741 год была именно Екатерина Долгорукая. И есть самое главное доказательство — об этом говорится в рукописи по истории Горицкого монастыря. Однако имеется и другое мнение. Историк А. Сулоцкий документально опровергает это и считает, что в Горицах томилась в то время какая-то другая знатная девушка.

Один из местных жителей рассказывал мне, что в Воскресенском соборе имелся каменный мешок для особо важных узниц. И лишь сравнительно недавно его отец заложил кирпичами и замуrowал этот мешок.

Многие тайны хранят Горицы, они так и останутся, вероятно, нераскрытыми...

РАСЦВЕТ И ГИБЕЛЬ ОБИТЕЛИ

Но, пройдя сквозь трагедии и страдание, испытывая постепенное запустение и упадок, монастырь внезапно, как чудо, пережил возрождение, пришел к расцвету и стал одной из самых выдающихся женских обителей на Руси.

Как награда за все трагическое, страшное и страдальческое, за все выплаканные и невыплаканные здесь женские слезы — внезапный расцвет обители, благополучная жизнь на протяжении столетия. Но все обрывается трагической нотой — террором большевиков, гибелью монастыря.

С самого основания обитель была достаточно состоятельной. Даже Иван Грозный, совершивший здесь преступление, оказывал монастырю различные милости. Это делали и другие цари. Обитель получала жалованье, владела землями, угодьями, перевозом через Шексну, что дава-

ло немалый доход. Однако постепенно монастырь хирел. Он потерял свои земли и к началу XIX века переживал упадок. Казалось, вот-вот он закроется.

Но в 1810 году обитель, терпящую бедствие, возглавила игуменья Маврикия. В миру Мария Ходнева, белозерская помещица, она приняла постриг в 1801 году и, став игуменшей, за короткий срок сумела возродить монастырь, который стал одной из самых выдающихся и знаменитых женских обителей в России.

Император Александр I пожаловал монастырю новые земли, и обитель завладела красивейшим местом — горой Маурой. В Горицы приезжали фрейлина императрицы Параскева Хованская и княжна Варвара Долгорукая. Их давние родственницы были мученицами Гориц: Хованская происходила из рода Евфросиньи Старицкой, убитой здесь опричниками Грозного, а Долгорукая наверняка вспоминала и молилась здесь за княжну Екатерину, — узницу из ее рода, томившуюся когда-то в келье с забитыми окнами. Теперь обе приезжавшие сюда женщины видели в Горицах мир, служение Богу, благополучие.

Много сделала для монастыря и вдова генерала Готовцева, ставшая церковной писательницей и основавшая по подобию Гориц монастырь под Петербургом.

Профессор С. Шевырев, совершивший путешествие по нашему краю в 1847 году (кстати, видевший в Вологде большого Батюшкова), так описывал Горицы:

«Все церкви расписаны трудами даровитых инокинь обители. Особенно памятны мне имена Клементьевой и Готовцевой. Историческое значение имеет плащаница, подаренная монастырю императором Александром в 1823 году: это художественное произведение в золотошвейном искусстве совершено гречанками по фамилии Либерос... Четыреста инокинь живет теперь в обители. Игуменья Маврикия, несмотря на свои 70 лет, деятельно и благоразумно правит обителью, окруженная любовью и уважением. Разные женские рукоделия процветают в монастыре... Здесь золото, серебро, жемчуг, шелка, ткани — все покорилося благочестию избранного вкуса женского...»

И когда сегодня видишь грязь, запустение в полуразрушенной обители, становится особенно горько...

Многие замечательные вологжанки жили здесь. Вот, к примеру, профессор Шевырев упоминает фамилию Кле-

ментьевой. Александра Клементьева, богатая вологодская дворянка, после смерти любимого мужа навсегда приехала сюда, вложила в монастырь все свое огромное состояние и привезла с собой трех дочерей. Все они стали монахинями, а одна из них, Арсения, стала впоследствии игуменьей обители.

Здесь протекала высокая духовная жизнь. И царило благополучие. Было отлично поставлено хозяйство. Имелись свои стада. Масла, молока, сыра было так много, что их некуда было девать. Для этого были построены большие ледники-погреба. Велось каменное строительство: были возведены больница и водопровод (им пользуются местные жители и сейчас).

Путешественник С. Перов, посетивший монастырь в 1915 году, отмечал, что есть там «ряд мастерских с производством икон, шитых и тканых предметов одежды и убранства, обуви. Огромная хлебопекарня. Культура цветов: садовых и комнатных. Прекрасное полевое хозяйство и даже своя пристань по Шексне».

Но уже надвигался трагический 1917 год... И близилась гибель монастыря.

* * *

Среди многих легенд, бытующих о монастыре, есть услышанный мною устный рассказ о матушке Калерии. Она обладала даром предвидения. Может быть, это и помогло ей спастись. Она и другие монахини укрылись в окрестных деревнях, когда на монастырь внезапно нагрянул большевистский отряд. Но укрылись не все. И большевики, как когда-то опричники Ивана Грозного, захватили нескольких монахинь, посадили их на старую баржу и отплыли. Где-то в верховьях Волги баржа с монахинями была затоплена...

А матушка Калерия прожила долгую жизнь и пользовалась уважением и любовью среди местных жителей. Она предсказывала и войну, и голод, и помрачение душ.

Но матушка Калерия предсказывала — все это как временное, монастырь снова возродится в своей славе. Смута пройдет.

* * *

В 1932 году монастырь был закрыт. Немногие его монахини разошлись по деревням, люди укрыли их. Но,

по словам научных сотрудников Кирилло-Белозерского музея-заповедника Ирины Шориной и Натальи Петровой (им я благодарен за их рассказы), есть сведения, что большинство монахинь стали жертвами большевистских репрессий.

В перестроечные девяностые годы было объявлено о возрождении монастыря. Здесь появились первые послушницы, кое-что из строений начали реставрировать. Во всяком случае туристы, прибывающие по Шексне на теплоходах, начинают свой маршрут в Кириллов и Ферапонтово именно с Горниц..

Я НАШЕЛ БИБЛИОТЕКУ ИВАНА ГРОЗНОГО

Повесть-гипотеза

Задумчив, тих сидел меж нами Грозный,
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вел.
Он говорил игумену и братье:
«Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь алкающий спасенья.
Ты, Никодим, ты, Сергей, ты, Кирилл,
Вы все — обет примите мой духовный:
Прииду к вам преступник окаянный
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святой отец, припадши».
Так говорил державный государь,
И сладко речь из уст его лилася,
И плакал он. А мы в слезах молились...

Александр Пушкин «Борис Годунов»

ПРОЛОГ

Себя он именовал: «Первый из царей царь, Богом избранный пастух, благоверный, православный, великий, разумный, справедливый, милосердный». Милосердный? Проклятая болезнь, овладевшая им, все перепутала. А сколько всего еще надо свершить! Сегодня он вспомнил о своих книгах, древних манускриптах. Они суть сокровище. Надобно извлечь их из тайника. Но есть дела и поважней.

Вчера ему стало легче. И душа наполнилась церковным пением. И он отчетливо услышал в уставшей и смятенной душе своей, как хор славит Богородицу. Он начал записывать то, что слышал внутри себя, и, казалось, болезнь отступает.

И не могло же быть такого, чтобы он — великий государь Иван Васильевич — умер, как простой смертный. И в

мелодии, сочиненной им, возникла вера в чудо исцеления. Он заснул успокоенный.

Но его сон был страшен. Приснилось то, что было наяву когда-то. Как он насильовал малолетнюю дочь казненного князя Старицкого.

Он сперва спросил, сколько ей лет. Ему сказали — тринадцать. А имени ее он не спросил. Зачем? В свои молодые года она телом была обильна и красива. И доставила ему радость.

А та радость его была особой. Ему показалось, что князь умер слишком легкой смертью. И это была его месть казненному впопыхах. А потом, насытившись вволю, он отдал ее опричникам, своим псам-опричникам. И они гоготали над ней. И он сказал своим псам: «Посылаю вас в Горицкий монастырь. Потешьтесь и там над монахинями. Грех беру на себя». Было такое.

И он проснулся в холодном поту. И потребовал перо и бумагу. Он решил на последнее. Но писать было трудно.

Царь чувствовал — рука слабеет. И надо было успеть дописать... Надо было спастись...

Он начал смиренно, униженно — не как царь, как простой холоп.

«Ног ваших касаясь, князь великий Иван Васильевич челом бьет», — писал он. Он просил всю монастырскую братию, даже клирошан (невелики людишки — на клиросе поют), даже лежней по кельям (тех, кто немощен уже, по кельям лежит, не вставая) — вдруг и их молитва подействует.

Молил царь — выпрашивайте у Бога исцеления от настоящей смертной болезни, об отпущении грехов его окаянству. Не хотел царь Иван Васильевич Грозный помирать. И грехи томили его. Сколько грехов...

А смерть... он оглянулся, он отчетливо увидел — в темной глубине покоев, куда не доходил свет свечей, смерть покачивает своей головой, своим голым черепом, и череп смеется...

О ужас... Рука дрожала, но царь писал. Вымолите только исцеление, все отдам, ничего не надо. От престола отрекусь... Простым иноком в Кириллове монастыре приму постриг. Простым иноком — только бы выжить.

Царь дописал. Тяжко вздохнул. Царь запечатал письмо своим перстнем.

...Игумен со страхом распечатал грамоту. Что в ней — первоначально и читать не мог: дух захватило. Каждое послание грозного царя потрясало.

Большие милости знавал от государя монастырь. Знаменита стала северная обитель по воле государя. Его владения: села, слободы, деревни, пустоши, починки — уже числом до тысячи доходят, а крестьян ему уже, почитай, двадцать тысяч принадлежит... Великое каменное строение идет в монастыре, стал он могучею государевой крепостью.

Но страшен в гнев государь. Какие обличения в обитель он писал, вина братию и в бражности, и в лени, и в блуде. Какие жуткие кары пали на многих — умел и любил царь карать.

Да что их, их-то Господь еще миловал, а вон в соседнем-то, Горицком женском монастыре, что было... Послал царь туда своих опричников. Ворвались они в женскую святую обитель, настоятельницу-то Евфросинью в мешок затолкали, зашили, с гоготом (так рассказывают) к берегу тащили и с гоготом — в реку... А других монахинь... которые молодые, раздели донага, насильничали во дворе скопом, а после кололи, рубили, из пищалей стреляли. Дико... Не угодила настоятельница государю — оттого и гнев государев. От него и за монастырскими стенами не укрыться.

Но, видно, что-то дается с царем и что — неясно. В прошлом году пришел в монастырь от царя поминальный список, и в нем больше трех тысяч человек: опальных, избитых, утопленных и сожженных, с женами, чадами и домочадцами, убитых ручным сечением и огненным стрельянием и на пытке. Царь заказывал молебен по тем, кого убил.

И что в этом-то новом послании? Игумен в поездке был, в соседнем Ферапонтовом монастыре, когда грамота от царя поступила. Уж шестой день, как поступила.

Игумен, собравшись с духом, начал читать. И все понял с первых строк. Боится царь смерти, боится и грехов своих. Надо ж — монахом готов стать, от престола откататься, лишь бы жить.

Не дочитав грамоты, задумался игумен. Вспомнились ему росписи Дионисиевы в Ферапонтовом монастыре, только что опять виденные. Не ко времени, вроде бы, а вспомнились росписи Дионисия.

Удивителен этот человек был — живописец Дионисий, он будто и смерти не боялся. Сказывают, пришел сюда, на Север, после кончины любимой жены и сам уже чувствуя скорую кончину.

Был он признанным мастером, о нем шла слава по всей Руси. Жил при дворе, сам государь был его заказчиком. Он писал в Кремле, в Успенском соборе.

И вот, все оставив, ушел из столицы, с пышного государева двора — за сотни поприщ, в глушь, в северные леса. И здесь, в незнатном монастыре, в глуши, где «древеса некая», ели, и мхи великие, непроходимые, он создал совершенное.

Создал росписи в память об умершей жене. Он, скажут, очень тосковал по ней. То — его тайна.

А его росписи — будто песни радости: нежно-голубые, светло-зеленые, фиолетовые, розовые, бирюзовые, малиновые, синие, желтые, вишневые, красные — песни радости.

Огромное, пресветлое чувство воплотилось в них, как бы выступающих из стен и парящих в воздухе... И смерть в них поправа. Так-то. Таково его последнее послание нам, грешным.

А вот царь — у того все иное. Не может царь умирать. Велик он был человек — и правитель мудрый, и полководец, и книжник несравненный... А вот совесть его — и сам он то знает — черным черна.

...Игумен дочитал письмо. И востепенулся: скорей, скорей — всем молиться, всем просить, всеобщие молебны скорей — об исцелении государевом.

В сенцах раздались крики. В покои игумена ввалилась целая толпа. И впереди — гонец, видно, только что прибыл. И веяли крики над толпой, сметенные, растерянные:

— Гонец московский!

— О Господи.

— Государь помер!

— Страх какой!

Опоздали с молитвами — не стало царя.

МОНАСТЫРСКИЕ ТАЙНЫ

Северная Русь родилась загадочной,
мистической.

*Иван Евдокимов, вологодский писа-
тель и искусствовед*

КОМПОЗИТОР ИВАН ГРОЗНЫЙ

Я иду по берегу озера вдоль монастырской стены, с удовольствием вдыхая свежий озерный ветер. Тихо, просторно, свежо. Сюда я приезжаю постоянно. И каждый приезд что-то дает душе. Это особое место — небольшой вологодский районный городок Кириллов, здесь находится знаменитый Кирилло-Белозерский монастырь.

Его нередко сравнивают со сказочным градом Китежом, который встал из озерных вод, вздымая свои могучие стены, купола храмов, башен, прапорцы на них. Целый город-кремль, явившийся нам из средневековья.

И в душе начинает звучать мелодия. Она звучит во мне много лет. Ее написал царь Иван Грозный.

Помнится (хотя так много лет прошло), как однажды (я был тогда московским студентом) мой приятель (он был тогда аспирантом) Александр Рогов несказанно удивил меня, спросив:

— Не хочешь ли ты послушать музыку Ивана Грозного?

— Как? — ахнул я. — Неужели он писал музыку?

— Да, писал, — пояснил мой собеседник.

И через некоторое время на квартире Александра Рогова я эту музыку услышал.

...Медленные, тяжелые, торжественные аккорды. Наплавают, как волны, и топят тебя в какой-то потусторонней, нездешней стихии.

Со слов Саши, я уже знал, что мелодия весьма приближительна. Как пояснил мне Рогов, в далеком XVI веке она звучала наверняка несколько не так. Ее пели. А спустя века, она переложена на современные ноты, сыграна на фортепиано, записана на магнитофон. Именно магнитофонную запись и дал мне послушать мой приятель. Но все равно впечатление незабываемое.

Как пояснил мне тогда Саша, до нашего времени дошли два музыкальных сочинения Ивана Грозного, найденных в Троице-Сергиевой лавре. Они сопровождались текстом стихир и предназначались для церковного пения. Да,

это церковное пение, записанное тогда так называемыми «крюками». Существовала, как известно, оригинальная система средневекового нотного письма, при которой «крюки» фиксировали только высоту звука, не указывая его длительность. Тем не менее приблизительная расшифровка возможна.

Пораженный всем этим, я, со слов Саши Рогова, написал тогда заметку «Композитор Иван Грозный», она была напечатана в газете «Неделя» (приложение к «Известиям») и перепечатана во многих провинциальных газетах. Это был мой дебют в центральной прессе.

Много времени прошло с тех пор. Александр Рогов давно стал доктором исторических наук, видным специалистом по средневековью. Я — провинциальный писатель и журналист, много лет живу в Вологде. А музыка Ивана Грозного все звучит и звучит во мне. Или это только кажется? Но с тех пор, как я начал поиск легендарной библиотеки великого государя Ивана Васильевича, его музыка незримо и постоянно сопровождает меня.

РЕАЛЬНАЯ ФАНТАСТИКА

А началось все это для меня так. Шел апрель 1996 года. И вот однажды, когда я только что пришел домой с работы, в моей квартире раздался телефонный звонок, и незнакомый мне человек, назвавшийся Германом Стерлиговым, попросил о встрече со мной. Зачем? Мой собеседник сказал, что он является начальником штаба по поиску библиотеки Ивана Грозного и совершает сейчас поездку по местам, связанным с деятельностью царя. К таковым относятся Вологда и Кириллов. Мой собеседник также сказал: ему известно, что я много писал о пребывании Ивана Грозного на Вологодчине (это было правда) и хотел бы по этому поводу поговорить со мной.

Признаюсь, что сначала я все это принял за нечто фантастическое. Какой такой штаб по поиску библиотеки? Возможно ли такое? Не авантюра ли какая?

Но все же мне стало любопытно. Мы условились о встрече, и вскоре я пришел к нему в гостиничный номер.

Герман Львович Стерлигов оказался молодежавым человеком, весьма симпатичным, модно одетым, располагающим к себе (хотя вроде бы и несколько легковесным). Его лицо показалось мне знакомым. Он пояснил:

— Наверное, вы видели меня по телевидению. Может, помните — клуб молодых миллионеров, биржа «Алиса»? Все это я возглавлял, и нас по телевидению без конца показывали.

— А что же вы сейчас?.. — удивленно спросил я.

— Деньги счастья не приносят, — ответил он. — Со всем этим я покончил. Сегодня у меня великая мечта — найти великую библиотеку.

— Вы серьезно?

— Конечно. Более чем серьезно. Я создал в Москве штаб. Он так и называется — «Штаб по поиску библиотеки Ивана Грозного». Мы заручились поддержкой московского правительства, нас финансирует несколько крупных фирм, мы располагаем новейшим оборудованием, большими техническими возможностями.

В голове мелькнуло: «Авантюрист? Фанат? Романтик? Может, и то и другое вместе взятое? О Господи. Но чем черт не шутит. Наше время — фантастическое, чего только не случается сегодня».

— И вы хотите?

— Я хочу, — с хитрой улыбкой сказал Стерлигов, — поразить весь мир. Воздействовать на весь ход мировой истории. Почему? Потому что, когда мы найдем библиотеку, это даст нам абсолютное знание. Ведь на самом деле это была библиотека не Ивана Грозного, она просто получила такое название, поскольку он ее наследовал. А доставила ее, как вы наверняка знаете, на Русь София Палеолог, племянница последнего византийского императора, вышедшая замуж за московского государя Ивана Третьего. И это была не только библиотека, но и уникальная сокровищница, переходящая от одной цивилизации — к другой. До Византии находилась в Риме. Еще раньше — в Египте. А перед тем — на Крите. И, может быть, изначально даже в легендарной Атлантиде. Сокровищница всех знаний и ценностей человечества. Наконец, она перешла в Московское государство. И исчезла. Произошел обрыв.

— А если это всего-навсего легенда? — возразил я ему.

— Нет! Такого быть не может, — в его голосе звучала убежденность. — Иван Грозный показывал библиотеку. Это три сводчатых зала, заставленных сундуками. Были свидетели, есть описание. И там были не только книги. Но и таблицы, золотые, бронзовые. Каменные. То что не может сгореть. Это — навечно.

Мне опять подумалось: «Наверное, он авантюрист. Но это — по-своему любопытно».

— И что же, — поинтересовался я, — вы уже начали работу?

— Да, начали, — с полной серьезностью ответил он. — Уже создали обширную специальную программу. С помощью компьютерной техники заложили банк данных, в нем все сведения о библиотеке до мельчайших деталей. Создан консультативный совет, в него входят крупные специалисты, например, академик Сигурд Оттович Шмидт¹.

Сигурда Оттовича Шмидта я хорошо знал, учился у него в Историко-архивном институте. Если в этом участвует Шмидт, значит, это серьезно... Но я все еще задавал и задавал Стерлигову наводящие вопросы...

— Герман Львович, понятно, что библиотеку ищут если не века, то многие десятилетия. А когда велись поиски в последний раз?

— В шестидесятые годы. Тогда была создана общественная комиссия по поиску библиотеки во главе с академиком Тихомировым. А инициатором поисков был известный журналист Алексей Аджубей, зять Хрущева. Но Хрущева вскоре сняли, а Аджубей попал в опалу. И все прекратилось. Так что мы начинаем вновь.

Конечно, недоверие продолжало оставаться во мне. Но я уже начал заражаться. И задал ему последний вопрос:

— И поиски вы начинаете с Вологды?

— Нет, конечно, не с Вологды, — последовал ответ, — с Москвы, с Александрова. Существует около шестидесяти вариантов предполагаемого тайного местонахождения библиотеки. В этот список входят Вологда и Кириллов. И я предлагаю возглавить поиски библиотеки здесь именно вам.

— Мне?

— Конечно. Лучше кандидатуры я не вижу. Согласны?

— Согласен, — с улыбкой ответил я. И мы ударили по рукам.

ПРЕДСКАЗАННАЯ ГИБЕЛЬ ЦАРЕВИЧА

Так что мой нынешний приезд в Кириллов как раз связан с поиском библиотеки, который я веду. Кириллов должен мне дать много. В этом я уверен. Ведь в жизни Иоана

¹ Впоследствии это не подтвердилось.

Грозного нечто важное было мистически связано с Кирилловой обителью.

Царь считал святого Кирилла, основателя монастыря, своим небесным покровителем. И само свое рождение связывал с ним. И это имело определенную логику.

В 1528 году великий князь Василий с супругой Еленой Глинской приезжали в монастырь, чтобы помолиться о даровании им наследника. Супруги жаждали сына, и бездетная до того великая княгиня Елена после поездки понесла. И родился долгожданный наследник, названный Иваном. Он и стал Иваном Грозным. В честь его рождения в монастыре был возведен храм Иоанна Предтечи.

Потому у государя Ивана Васильевича всегда было особое отношение к монастырю. Царь пожаловал обители невиданно огромную сумму — 28 тысяч рублей. Монастырь находился под его контролем и покровительством. И сполна узнал «и царский гнев, и царскую любовь». Царь то восхвалял братию, то обличал ее, находя у кирилловских монахов многие пороки. Сюда ссылал он и некоторых знатных лиц, попадавших в его опалу. Сюда и сам приезжал трижды, и каждый его приезд был событием для него. Здесь случилась и незабываемая трагедия. И вот как это было.

* * *

«Если не послушаешься меня, по Боге тебе советующего... то знай, что сын твой умрет по дороге». Страшные слова. Они были произнесены перед поездкой царя в Кирилло-Белозерский монастырь.

А произошло следующее: в 1553 году Иван IV тяжело заболел. Казалось, он уже не выживет. Царь заставил, преодолевая боли, присягать бояр на царство своему крохотному сыну Дмитрию. Но некоторые из бояр, в первую очередь Старицкие, с нетерпением ожидая кончины царя, готовили заговор, чтобы захватить власть.

Царь, борясь с недугом, дал обет: если наступит исцеление, совершить поездку в свой любимый Кирилло-Белозерский монастырь, поклониться мощам святого Кирилла.

И произошел чудесный перелом. Царь выздоровел.

В великой радости, он решил выполнить данный обет и отправиться в далекое путешествие с женой и маленьким сыном. Но нашелся человек, который с неистовством выступил против поездки, предрекая беду. Это был Максим Грек, богослов, мудрец, философ. Из-за кирилловской

поездки царя произошло резкое столкновение мнений и статей, и за всем этим стояло многое...

Максим Грек — личность яркая, необычная, он оказался на Руси по воле судьбы, и судьба его сложилась здесь так драматично. Происходил он из знатного греческого рода, получил блестящее образование и, как говорится в одном из русских источников: «Был же тот Максим весьма искусен эллинскому, римскому и славянскому научению... и к божественной философии неутолимую любовь имел».

До принятия монашества, живя во Флоренции, был дружен с некоторыми известными гуманистами, участвовал в движении неистового Савонаролы. Затем стал монахом знаменитого Афонского монастыря. В 1518 году прибыл по приглашению великого князя Василия III в Москву в качестве переводчика церковной литературы и сразу стал здесь властителем дум. Среди его многочисленных учеников и почитателей был и известный князь Андрей Курбский, впоследствии бежавший в Литву. Именно из обвинительных посланий Андрея Курбского Ивану Грозному историки узнали и о столкновении Максима Грека с царем по поводу кирилловской поездки.

А перед этим Максиму Греку пришлось испить горькую чашу: он был обвинен в ереси, заключен в темницу, ему грозила смерть. Но он не отступил от своих независимых и гуманистических взглядов, казавшихся в Московии ересью, став своего рода средневековым диссидентом, которого некоторые ненавидели и боялись, другие уважали и высоко ценили. К 1553 году Максим Грек находился в Троицком Сергиевом монастыре как бы под «домашним арестом», его уже не преследовали, но держали под надзором. Царь, прибыв в монастырь, посчитал возможным посоветоваться с философом по поводу своей кирилловской поездки. И услышал от него яростное: «Нет!» Максим Грек предрекал от этой поездки большую беду.

«Не дело правителю страны тратить время на богомольные поездки по дальним монастырям. Пусть предоставит он инокам молиться за него, сам же, если хочет совершить доброе дело, пусть лучше позаботится о вдовах и сиротах павших на поле брани воинов, которых стало особенно много после недавнего казанского похода. Этим он истинно исполнит свой долг и перед людьми, и перед Богом» (Громов М. Максим Грек. М., 1983).

Царю не понравились дерзкие слова философа, он не ожидал подобного и не захотел менять своего решения. И

тогда Максим Грек, пытаясь воздействовать на царя, пошел на крайность: предсказал смерть царского сына в кирилловском путешествии.

Что все это значило? Все имело и политический подтекст. Шла борьба за влияние на молодого царя: каким он будет далее правителем страны. Максим Грек и передовые современники хотели видеть в царе твердого, но гуманного государя, способного ценить мнение других. Но была и другая точка зрения. Разгневанный царь отправился за советом в Дмитров, к другому «заточеннику» — Вассиану Топоркову. И, как свидетельствует Курбский, тот высказал царю «сатанинский силлогизм», дал совет: никого не слушаться, ничьим советам не внимать, а следовать лишь одним своим царским желаниям и прихотям. И потому: «не держи при себе ни одного советчика, который был бы умнее тебя, потому что ты лучше всех». Это было то, что Иван IV хотел услышать.

Царь не отказался от поездки в Кириллов монастырь и «действительно в начале весны отправился в путь вместе с женою и сыном, но малютка по дороге умер» (Соловьев С.М. История России с древнейших времен). Есть и другая версия гибели царевича. Вологодский писатель Вл. Железняк описывал эту трагедию так: «Перед отплытием из Кириллова, на Шексне, когда кормилица в окружении нянек и служанок несла на руках царевича, чтобы взойти с ним на палубу, сходни накренились, и она вместе с Дмитрием упала в воду. Кормилицу спасли, а когда вытащили младенца, он был мертв». Страшное предсказание Максима Грека сбылось. Царевич погиб во время кирилловского путешествия.

Выходит, Максим Грек имел дар предвидения? Вряд ли такое совпадение случайно...

Но могло ли быть все по-другому? И я имею в виду, что поездка в Кириллов могла и не состояться. Мог бы Иван IV стать, следуя советам Максима Грека, мудрым и гуманным правителем? Не исключено... Но он возвратился из поездки в Кириллов озлобленным и уже следовал «сатанинскому силлогизму» Топоркова: во всем и везде быть тираном, деспотом.

* * *

А имя Максима Грека, что для нас очень важно, связано с легендарной библиотекой. Есть версия, что он был первым, кто видел библиотеку и ознакомился с ней. Это

произошло еще при царствовании Василия III. Все завязано в такой исторический узел, в котором каждый факт имеет свой тайный смысл. И что-то во всем этом, несомненно, связано с Кирилловым, у меня такое предчувствие.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Конечно, еще до своего приезда в Кириллов я начал поиски в Вологде. Но сначала нужна была своего рода теоретическая подготовка. Я начал с изучения краеведческой литературы, советовался со специалистами: историками, краеведами, музейщиками, археологами.

Затем провел в редакции газеты «Русский Север» так называемый «круглый стол» и на нем обсуждалось — возможен ли поиск великой библиотеки на Вологодчине. Это было 25 июня 1996 года.

Я собрал на этот «круглый стол», как уже упоминалось, историков, музейщиков, археологов, краеведов, писателей. Из Москвы приехал Герман Стерлигов. Ему и было предоставлено первое слово.

Он сразу же заявил, что уверен — «либерья» Ивана Грозного будет найдена, если не в Вологде, то в другом месте. Это неизбежно. Конечно, ее ищут более четырехсот лет. Но сегодня, в конце XX века, мы имеем несоизмеримо больше возможностей по сравнению даже с теми, кто искал библиотеку двадцать—тридцать лет назад. Штаб по поиску библиотеки способен привлечь все возможные достижения науки и техники, которые позволят проверить десятки гипотез на практике и в такие сроки, которые раньше были невозможны. Мы готовы, говорил Стерлигов, провести исследования и раскопки в Вологде и в Кириллове, и дело теперь лишь за вологжанами. Они сами должны определить, насколько реальна версия, что библиотека могла быть спрятана на вологодской земле».

Затем говорили специалисты и каждый утверждал — версия реальна. Когда речь заходила о Вологде, то, как правило, указывали на Софийский собор, достроенный Иваном Грозным, и Соборную горку, историческое место рядом. С этой горкой в Вологде связано много легенд о тайных царских сокровищах, якобы здесь спрятанных. На то ссылались все выступавшие.

Научный сотрудник Вологодского музея-заповедника Иван Никитинский утверждал, что ему неоднократно приходилось сталкиваться с различными версиями о существо-

вании в Вологде крупных подземных сооружений. Находились даже свидетели, утверждавшие, что они по воле случая проникали в эти подземные ходы, которые вели куда-то в глубь земли. Так что, по мнению И. Никитинского, создание мощных подземных сооружений в Вологде было возможно при строительстве Вологодского кремля, и они могли стать своеобразным книгохранилищем.

Писатель Александр Грязев говорил, что легенды и версии о тайниках Соборной горки и спрятанных в них сокровищах очень живучи, и вряд ли это случайно. Есть версия, что в Вологду, во время пребывания здесь Ивана Грозного, приходил какой-то большой обоз. И не исключено, что была привезена именно библиотека.

Доцент Вологодского педагогического университета Юрий Васильев, специалист по истории XVI—XVII веков, особо выделил, что, видимо, были какие-то причины, почему Иван Грозный придавал Вологде исключительно важное значение, вел здесь большое строительство. В Вологде он принимал послов, ближайшие соратники царя жили или бывали здесь, имели поблизости свои поместья. И, конечно, следует обратить внимание на «кирилловскую» версию, ведь царь неоднократно высказывался о возможности своего пострига в Кирилловской обители и даже осуществил это накануне смерти.

Александр Рыбаков, кандидат искусствоведения, реставратор и автор многих исследований, говорил о загадках Софийского собора, с которыми пришлось столкнуться при его реставрации. К примеру, в одном из укромных уголков собора была обнаружена белокаменная кладка, которая походила на замурованный подземный ход. Так что какие-то тайны, связанные с Иваном Грозным, существуют на самом деле.

В таком же духе выступали все участники этого «круглого стола». И общее мнение было единодушно: надо искать, надо исследовать...

Но сначала следовало выработать «концепцию поиска» (к чему призывал Стерлигов). Такова была моя задача. «Круглый стол» нацеливал на поиск. Но концепции у меня не было.

Я СОГЛАСЕН НА 19 ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ

Прошло лето. Настала осень. И тогда я решил съездить в Кириллов. Может, такая поездка послужит мне тол-

чком? И как раз представился случай: ко мне в Вологду приехал гость из США, молодой (сорок лет) профессор Марк Робинс¹, специалист по русской истории. Он очень хотел побывать в Кириллове. Так что мы поехали с ним вместе.

Этот американец был мне очень нужен, от него для меня многое зависело. Дело в том, что в моей судьбе совершенно неожиданно назревала сенсация. У меня появилась возможность получить грант на поездку в США. А произошло все следующим образом: однажды на теплоходе я случайно познакомился с путешествовавшим по Северу видным американцем М.Тирером, вице-президентом знаменитого Института Кеннана в Вашингтоне, центра по изучению России. Я рассказал мистеру Тиреру, что серьезно увлекся темой о пребывании американского посольства в Вологде в 1918 году. Тогда в Вологду прибыло большинство западных посольств и консульств, не желавших переезжать из Петрограда в Москву. Это был своего рода дипломатический демарш Запада, который, с одной стороны, не признавал советского правительства, а — с другой, вроде бы и не хотел окончательно рвать с советской Россией, выжидая дальнейшего развития событий. Так, по словам тогдашнего американского посла Фрэнсиса провинциалка Вологда стала «дипломатической столицей России». Архивные материалы о пребывании в Вологде западных дипломатов долгое время были засекречены, находились в спецхране, но теперь их рассекретили, я ими занялся и обнаружил в них немало примечательного и любопытного, о чем написал большой очерк «Послы в Вологде».

Мистер Тирер моим рассказом заинтересовался и сказал, что с такой темой я имею шанс получить грант на поездку в Институт Кеннана, чтобы выступить там с докладом. Конечно, меня его слова очень взволновали, но все же я им не очень-то поверил, подобное мне казалось совершенно фантастическим. Но американец записал мой вологодский адрес и велел ждать.

И надо же такое: действительно, через некоторое время мне позвонили из Москвы, из московского представительства Института Кеннана и сообщили, что моя кандидатура в качестве претендента на получение гранта утверждена.

¹ Фамилия изменена.

Я был потрясен. Подобное мне даже во сне присниться не могло. Неожиданно на меня счастливо свалилась сенсация, которая, как я воображал, могла переменить всю мою судьбу.

Вскоре из представительства Института Кеннана по почте мне поступил солидный пакет с различными анкетами, я их должен был заполнить для заокеанской поездки. С ума сойти! Я — скромный провинциал, лишь один раз в жизни (в 1980 году) выезжавший за границу, в Венгрию, бывшую тогда страной народной демократии (отдыхал в доме журналистов на Балатоне) вдруг поеду в Вашингтон, с докладом. Боги, Боги мои! Дрожащей рукой я начал заполнять анкеты...

Анкетные данные в первой из них заполнить было нетрудно (кто я, возраст, профессия и прочее.) Но уже вторая анкета поставила меня в тупик. Все ответы на вопросы в ней надо было давать в долларовом исчислении. И первый же вопрос вызывал у меня душевный трепет. Он запрашивал: «Каков ваш доход? Укажите в долларах». В долларах мой доход указывать было как-то неприлично. Может, пропустить? Или сделать приписку?

Но все же, поколебавшись, приписывать дополнительный доход я не решился, совесть не позволила обманывать Америку. Но следующий вопрос вызвал во мне панику. Он был таков: «В какую сумму вы оцениваете ваш доклад?» И пояснение: «Извините, но более двадцати тысяч долларов мы уплатить не можем». Значит, не могут. Но что я-то должен написать, если не то что двадцать тысяч, но и одна тысяча «зелененьких» для меня — колоссальная сумма? Что?! Я нервно захохотал. Может, написать, что милостиво согласен на девятнадцать тысяч?

После многих колебаний я поставил в этой графе прочерк. Так что заполнение анкет проходило в танталовых муках. Все же, пережив эти муки, я сумел их заполнить.

Правда, оставалось еще великое «но». Меня известили (и по телефону, и письменно), что для получения гранта необходима рекомендация какого-то солидного лица, специалиста-историка, желательно американца. Без рекомендации никак нельзя. Как ни странно, но я надеялся, что для меня это не явится проблемой. Такой американец у меня был — вышеупомянутый Марк Робинс. Он приезжал в Вологду год назад, говорил, что собирается писать книгу о русском Севере, обещал приехать снова и просил «свозить» его (прекрасно говорит по-русски) в Кириллов. «Давай (мы с ним были уже на «ты»), съездим в Кириллов

вместе», — предложил он мне. Я был не против. И вот теперь он появился в Вологду снова, и, как было условлено, мы с ним и поехали в Кириллов. И я уже считал, что это сама судьба послала Марка Робинса для того, чтобы он написал мне рекомендацию, и я не сомневался, что он напишет: мы с ним стали вроде бы приятелями. Я ему про все рассказал, он меня радостно похлопал по плечу: «Никаких проблем! Сразу же напишу. Буду рад, если ты приедешь в Америку. Будешь моим гостем».

Внешне Марк не только ничем не напоминает кабинетного ученого, погруженного в сухие дебри науки, а является прямо-таки противоположностью такому типу: это крепкий, крупный, жизнерадостный, полный сил янки (чем-то смахивает на своего президента — Билла Клинтона). Не дурак выпить. Любитель женщин. Травит с большим чувством русские похабные анекдоты. В молодости был хоккеистом. Играл за юношескую команду «Бостон брюинз». Но сломал руку, и это определило его судьбу, из хоккея ушел в науку, закончил исторический факультет, стажировался в аспирантуре МГУ. Ныне он известный специалист по русской средневековой истории и загадочной русской душе. «Славный малый», — как сказал бы Пушкин. С ним мне любопытно и забавно.

Мы приехали утром и уже многое успели. Сначала устроились в гостинице: он снял единственный здесь «люкс», двухместный, с ванной (такая роскошь для Кириллова), а я, естественно, остановился в самом дешевом одноместном номере (без коммунальных удобств). Затем мы отправились в монастырь, обошли его, и я как бы провел с Марком краткую экскурсию. Он, конечно, кое-что знал о Кириллове, но эти знания отличались скромностью. И я его просвещал. А он с непосредственностью ребенка удивлялся, восхищался, восклицая: «О, как это интересно! Я этого не знал!» И, действительно, Кирилло-Белозерский монастырь производит незабываемое впечатление, даже на американцев.

А мой рассказ был таков: обитель основана в 1397 году монахом московского Симонова монастыря Кириллом. В свои шестьдесят лет Кирилл совершил подлинный подвиг — ушел на Север и поселился на берегу Сиверского озера, в диком лесу, вырыв себе землянку и поставив крест. Так и была основана эта обитель. Вместе с Кириллом был другой чернец Ферапонт. Но вскоре он ушел от Кирилла и в девятнадцати километрах отсюда основал Ферапонтов мона-

стырь. Оба монастыря были посвящены Богородице. Через некоторое время они оба стали знамениты. Кириллов монастырь — как крупный центр, и религиозный, и культурный, и военный. Его называли «великой государевой крепостью». Веками складывался ансамбль обители: десять храмов, множество различных зданий, могучие башни и стены. Ферапонтов монастырь был намного беднее, но прославился своими росписями великого живописца Дионисия. В Ферапонтовской обители Иван Грозный не бывал, а вот Кириллову монастырю придавал особое значение, и есть версия: здесь могла быть спрятана его знаменитая библиотека.

И, слушая меня, Марк понимающе кивал:

— Да, да, библиотеку Грозного надо обязательно найти. Найдешь — будешь знаменит и богат.

Впрочем, я почувствовал, что моя экскурсия его быстро утомила. И предложил ему пойти обедать. Он оживился моим предложением, но пойти в кирилловский ресторан «Русь» отказался, боясь отравиться недоброкачественной продукцией. Как истинный американец, он считал, что в России людей кормят в основном чем-то недоброкачественным, вредным для здоровья и брал продукцию с собой: различные американские консервные банки и упаковки. Возил с собой он даже воду в пластмассовых бутылках, что, конечно, создавало бытовые неудобства. Но то были его проблемы. Так что мы с ним пообедали в разных местах: я, тоже отказавшись от ресторана «Русь» в целях экономии, — в пирожковой, он — в «люксе», своей высококачественной американской едой.

После обеда, немного отдохнув, мы с ним поехали в Ферапонтов монастырь (глава местной администрации дал машину). И Марк здесь снова восторгался: «О, такого я еще не видел!»

Стояла изумительная погода. Все было залито солнцем: и озеро, изгибами уходящее в даль, и белые стены монастыря на холме. Как всегда, здесь было прекрасно. И потом мы в храме Рождества Богородицы смотрели великие фрески Дионисия. И я забыл о Марке. Солнце проникло в храм, и дионисиевские росписи будто выступили из стен и парили в солнечном свете. И мне казалось, они звучат, как мелодии. И это были песни радости: нежно-голубые, светло-зеленые, фиолетовые, розовые, бирюзовые, малиновые, синие, желтые, вишневые, красные... И времени не стало...

Когда и за какое время был создан в Ферапонтове великим живописцем Руси Дионисием шедевр — его знаменитые фрески? Некоторые исследователи считали, что этот труд потребовал долгого времени. Но известный вологодский реставратор Н. Федышин, основываясь на авторской подписи, имеющейся в софите церкви, доказывал, что Дионисий вместе с сыновьями создали фрески всего за тридцать четыре дня.

Невероятно? Но тем не менее это так. Доказательствам Федышина можно верить. Великие фрески были созданы за месяц с небольшим. Титанический и вдохновенный труд был совершен в необычайно короткий срок. И в этом есть особая тайна средневекового гения.

* * *

— Потрясно, — произнес Марк, и я очнулся, но разговора не поддержал. И он, видимо, что-то почувствовав, тоже замолчал.

Мы вернулись в Кириллов из Ферапонтова уже под вечер. Марк предложил мне подняться к нему в «люкс» и выпить. Я отказался. «Придется пить одному», — вздохнул Марк. И мы расстались. Он пошел в свой «люкс», а я, все еще чувствуя вызванное фресками волнение, отправился к монастырю, побродить вдоль озера.

Множество раз я видел фрески Дионисия. Мною даже написана пьеса о Дионисии, и она поставлена Вологодским драмтеатром. Но каждая встреча с дионисиевскими росписями влияет на меня. Вот и сегодня. Я сажусь на камень на берегу и погружаюсь в какое-то особое состояние, в котором есть и умиротворенность, и ожидание...

Но наступают сумерки. Становится прохладно. Пора возвращаться в гостиницу. Американец наверняка крепко клюкнул (его привычки мне знакомы). А завтра мы с ним должны побывать в Горицах.

МИФ

«Это же фольклор», — сказал он очень серьезно.

Джеймс Джойс «Улисс»

ПЛЕЙБОЙ И ДОЯРКИ

С горы Мауры мы с Марком спускаемся в Горицы. Мы пришли сюда пешком. С удовольствием прошли шесть ки-

лометров, отделяющих Кириллов от Гориц, совершили утреннюю прогулку.

Удивительно красивое место: леса, холмы, разлив Шексны, живописные, изумрудно-зеленые острова. Внизу под горою — широко раскинувшееся село, пристань и монастырь, полуразрушенный, запущенный, но все же сохранивший свои основные строения. Архитектурный ансамбль обители, даже в полуразрушенном состоянии, все равно имеет впечатляющий вид.

А вокруг него — обычное село, деревянные дома, огороды, палисадники. Правда, Горицы — водные туристические ворота к Кириллову и Ферапонтову. Здесь повидали многих туристов, и на нас с Марком никто не обращает особого внимания.

Из дверей фермы выходят две женщины, видимо, доярки. Они спешат, обгоняют нас. Обыкновенные русские бабы. С могучими задами и необъятными формами. И Марк неожиданно спрашивает:

— Володя, а как ты думаешь — как у них обстоит дело с оргазмом?

— С чем? С чем?

— Не понимаешь? С оргазмом. Что тебе непонятно?

Такого я уж никак не ожидал, даже чуть на землю не сел от удивления. Этот «плейбой»-американец, имевший столько женщин разных национальностей из разных стран, оказывается, неожиданно возжелал русских баб-доярок... Видимо, ради сексуальной экзотики.

— Марк, — смеюсь я, — у этих доярок оргазм начинается с самого утра, как только они встали, пошли на ферму, у них все — сплошной оргазм. И так с утра и до вечера — каждый день. А ночью им, наверно, уже не до оргазма, выспаться надо. А почему ты меня спрашиваешь об этом?

— Как почему? — теперь уже удивляется Марк. — У нас в Штатах проблема оргазма сейчас самая главная. Особенно среди женщин. «Ты имеешь оргазм? А сколько раз в неделю?» Этим у нас все озабочены.

— Нам бы ваши проблемы, — с улыбкой вздыхаю я.

Мы входим на территорию монастыря. Тема разговора меняется. Я начинаю свою экскурсию, рассказываю ему о монастыре. Собственно самое интересное для него — о расправе Ивана Грозного над первыми монахи-нями, о ссыльных женах царя — я ему уже рассказал по дороге.

— Варварство, — убежденно произносит Марк. — И такие в этих местах порядка установил Кирилл?

— Причем тут Кирилл. Он был выдающийся человек, крупная историческая фигура. Чудотворец, совершал чудеса, исцелял больных.

— Ты серьезно?

— Во всяком случае об этом говорится в его Житии. В это верили.

— Я думаю, Кирилл занимался, так сказать, мистификацией. Это доказано. Многие церковные деятели занимались под видом чудес ловкой мистификацией, подделкой. Например, якобы воскрешали мнимоумерших и прочее.

— Нет, Марк. Я уверен, Кирилл был на такое не способен. Мистификация — это совершенно недостойное его, невозможное.

— Но почему? Мы же с тобой уже говорили, что Иван Грозный, а он считал Кирилла как бы своим наставником, мог заниматься мистификацией.

— Да, Иван Грозный мог, я согласен. А Кирилл — нет. И тут еще надо уточнить, что следует подразумевать под словом «мистификация». Оно слишком современно. Такого понятия в средневековье и близко не было.

— Но мы же с тобой условились, что под этим следует понимать, когда говорили про Исаяю. Все равно я считаю, что без мистификации подобное объяснить невозможно.

ЗАГАДКА УЗНИКА-МОНАХА

Это он говорит о некоем монахе Исаяе, вологодском узнике, которого заточили в тюрьму, когда в Вологде пребывал Иван Грозный. Странная, действительно непонятная история. Средневековый детектив. Исаяю бросили в вологодскую тюрьму по обвинению, говоря современным языком, в шпионаже в пользу литовцев. Опальный монах написал в вологодской тюрьме несколько сочинений, в том числе так называемую «Жалобу», в которой горько сетовал на свою судьбу.

За Исаяей следили. Стало известно, что к нему в тюрьму готовился тайно пробраться какой-то польский подданный, и Исаяя должен был передать ему какие-то рукописи.

Но что было дальше — увы! — неизвестно. Как и положено в детективе, здесь есть какая-то тайна.

Известно лишь, что Исайя пробыл в заключении двадцать лет. Наконец был освобожден, и его следы затерялись.

Но след его «Жалобы» неожиданно обнаружился в исторической науке, и уже в наше время, чуть более двадцати лет назад, произвел подлинную сенсацию.

Дело в том, что американский профессор Э. Кинан обнаружил поразительные текстовые совпадения между текстами «Жалобы» и первым посланием князя Курбского Ивану Грозному. Совпадения были таковы, что невольно возникала мысль: кто-то из этих двух лиц — Исайя или князь Курбский — позаимствовали друг у друга отдельные фрагменты, выдав их за собственные. Но, естественно, Исайя ничего у Курбского списать не мог. Он во время появления первого послания Курбского находился в вологодской тюрьме. И, разумеется, у него, бесправного узника, не было никакой возможности узнать о таком важнейшем документе, как послание Курбского. Но казалось невероятным и то, что князь Курбский что-то переписывал у вологодского узника. Что же следовало из всего этого?

Американский историк, не сомневаясь в подлинности «Жалобы» Исайи, пришел к сенсационному выводу. Он посчитал, что послания князя Курбского являются мистификацией, исторической подделкой.

Книга американского историка на эту тему наделала много шума, стала «бестселлером». Гарвардский университет поспешил присудить автору премию первой степени. Все это, конечно, было небезразлично для российской исторической науки. Никто до последнего времени не мог даже в малейшей степени поставить под сомнение переписку Грозного и Курбского, которая является одним из ценнейших историко-литературных памятников. Считалось бесспорным, что известный русский военачальник князь Андрей Курбский, бежав к польскому королю, направил Ивану Грозному послание, в котором объяснял свою измену жестокостью и несправедливостью русского царя. Иван Грозный ответил Курбскому — так возникла знаменитая переписка. Ей посвящено огромное количество книг, исследований, статей историков и филологов разных времен и разных стран. На основании этой переписки сделано много выводов, создано несколько концепций. Неужели несколько поколений ученых шло по ложному пути. Что же произошло?

Опровергнуть версию американца взялся известный историк Р. Скрынников, видный специалист по эпохе Ивана Грозного. Сопоставив все факты, он пришел к выводу — именно князь Курбский по какой-то причине прибегнул к частичному плагиату и позаимствовал кое-какие фразы и мысли из «Жалобы» вологодского узника, вставив их в свое послание. А в целом все послания Курбского основаны на личном горьком опыте, их подлинность сомнений не вызывает. Так была опровергнута зарубежная историческая сенсация.

Страсти тогда стихли. Но все ли было доказано? Все ли было абсолютно бесспорно?

Конечно, подобные сенсации иногда возникают из ложных побуждений.

Но ведь остался вопрос: как все-таки сочинения Исаяи из вологодской тюрьмы попали в руки князя Курбского, находящегося в Литве? Все держится на тоненькой ниточке единственного предположения. Вспомним, что Исаяю должен был посетить в вологодском заточении какой-то таинственный посланец из Польши.

Я не сомневаюсь в подлинности переписки Ивана Грозного с князем Курбским. Но остается верить лишь почти невероятному. Этот таинственный польский посланец все же проник в вологодскую тюрьму, получил в ней рукопись Исаяи и затем переправил ее за рубеж князю Курбскому. И тот частично использовал «Жалобу» Исаяи. Иного объяснения нет, и все же во всем этом остается какая-то загадка.

* * *

Мне внутренне как-то неприятно, что я не могу полностью опровергнуть доводы американца о мистификации. Впрочем, для Марка это не так уж и важно. Сейчас он фотографирует, полез на какую-то пристройку, чтобы сделать кадр получше.

И тут в монастырские ворота входит ОНА. Женщина, молодая, красивая, высокая, модная, яркая блондинка. И все сразу меняется. Марк бросается к ней.

БЛОНДИНКА В МОНАСТЫРЕ

Через пятнадцать — двадцать минут Марк подводит ее ко мне — знакомиться. Они, естественно, уже познако-

мились, походили по монастырю, поговорили. Я сидел скромно в стороне на каком-то бревнышке. Теперь, собственно, ее можно познакомить и со мной.

— Ирина, — говорит она, протягивая мне руку. В глазах ее насмешливо победоносный вопрос: «Ну, как я вам? Правда, что неотразима?» Я целую ее нежные холеные пальцы и опускаю глаза. Мне почему-то неприятно, что она так хороша, что она действительно неотразима. Пышная копна чисто белых волос, полные чувственные губы. Мы обмениваемся визитками.

Марк представляет ее мне:

— Аспирантка из Москвы. Музыковед. Вчера приехала. Живет в нашей гостинице.

Ирина добавляет:

— Я занимаюсь древнерусской музыкой. Приехала в Кириллов познакомиться со здешней музейной коллекцией крюковых стихир.

А Марк продолжает, представляя меня:

— Владимир Иванович Аринин, вологодский писатель и журналист. Ищет библиотеку Ивана Грозного. Правда, я уже об этом говорил. Но он сам все расскажет подробнее.

— Поразительно! — в ее глазах искренний интерес. — Как можно верить в такое? И искать такое? Я очень хочу послушать вас.

— Пожалуйста... Готов рассказать все, что знаю, — смущаюсь и мямлю я.

— А вы ищете ее прямо здесь, в Горицах? — продолжает изумляться она.

— Нет, что вы. В Горицах ее быть не может. Ведь при Иване Грозном это был опальный монастырь. А вот Кириллов — другое дело.

Я начинаю говорить. И тут чувствую на себе сердитый взгляд Марка. О Боже, ведь я мешаю ему. Ему теперь библиотека Ивана Грозного не нужна. Ему нужна она, Ирина.

ЯНКИ АТАКУЕТ

Тем не менее вечером Марк приглашает меня к себе в люкс: «В одиннадцать обязательно приходи. Посидим, выпьем за знакомство. И Ирина хочет с тобой договорить».

У меня сомнения: стоит ли мне приходиться, — третий лишний. Но и отказываться неудобно. К тому же Ирина

действительно заинтересовалась моим рассказом, и я многое ей не успел еще рассказать.

Но что она собой представляет? Трудно сказать. Во всяком случае не глупа. Молода. Интеллигента. И чувствуется в ней порода. А самое главное — красавица, великолепная блондинка.

...В одиннадцать я иду в люкс к Марку. Ирина, как я и предполагал, уже там. Она сидит в кресле — в мини, длинноногая, выставив красивые округлые коленки.

На столике разложенная Марком пресловутая американская провизия: какие-то копчености, паштеты, кексы, бутылка джина. Марк предлагает первый тост: «За прекрасную Ирину». Пьем. Почти сразу второй тост: «За нашу встречу». Марк шутит. Ирина смеется. Я почти не слышу, что он говорит. Но Ирина обращается ко мне:

— Владимир Иванович, а знаете, почему я так заинтересовалась вашими поисками? Открою вам секрет. Ведь моя фамилия Флерова. Я принадлежу к вологодскому дворянскому роду Флеровых. Правда, мой дед в свое время уехал из Вологды в Москву, и я никогда в Вологде не была. Но один из моих вологодских предков активно занимался поисками библиотеки в Вологде.

— Вот оно что! — поражаюсь я. — Конечно, я знаю о поисках Флерова. Я сам в какой-то мере продолжаю их.

И я начинаю взволнованно говорить, увлекаюсь, впадаю в подробности, привожу разные версии. Она внимательно слушает. А Марк? Марк терпит, пока терпит. А я говорю довольно долго. Чувствую, что надо бы остановиться, и не могу... Наконец, кажется, я выговорился. И Марк провозглашает новый тост: «За миф о библиотеке Ивана Грозного».

Выпиваем. И Ирина спрашивает:

— Марк, а почему мы пили за миф. Вы не верите в библиотеку Грозного?

И Марк, бросив взгляд на меня, отвечает:

— Признаться, не верю.

У меня кольнуло сердце — вот оно, значит, что. Ты же мне, мой милый, никогда такое в глаза не говорил. А при Ирине говоришь.

Ирина удивляется:

— А мне показалось, что вы тоже верите. Как же так?

— Все очень просто, — отвечает Марк. — Это один из многих русских мифов. Как историк, я знаю: Россия — страна мифов. И в этом ее беда. Ведь Россия верит в свои

мифы, и это очень мешает ей. Поэтому Россия не может жить нормально.

Наступает пауза. Она затягивается. Но Марк снова поднимает рюмку:

— Не надо о грустном и серьезном. Выпьем еще. И перейдем на анекдоты.

Но я встаю из-за стола.

— Извини, Марк, больше пить не буду. И уже поздно. Мне пора. До свидания.

И я ухожу, оставив их вдвоем.

БИБЛИОТЕКИ ЗДЕСЬ НЕТ

Утром я иду в музей-заповедник, у меня встреча с Ильей Алексеевичем Смирновым, замом директора, знающим человеком. И мы беседуем с ним о библиотеке Ивана Грозного. Но сначала речь заходит о Кирилле Белозерском.

— В Житии Кирилла, — говорит Илья Алексеевич, — рассказывается, что он совершил многие чудеса, в том числе помогал бездетным родителям обрести долгожданное чадо. Он давал им освященные особым способом хлеб и воду. Иван Грозный, как известно, считал, что своим рождением он обязан именно тому, что Кирилл дал его родителям эти освященные хлеб и воду. Отсюда особое отношение царя к Кириллу и его монастырю. Но вот мог ли он спрятать в обители свою библиотеку? На мой взгляд, нет. Во-первых, в таком сокрытии не было никакого здравого смысла. А во-вторых, условия здесь не позволяют сделать это. Рядом со стеной монастыря находится Сиверское озеро. Уровень его почти на уровне фундамента крепостных стен XVI века и многих построек. И если в низких частях территории монастыря выкопать любую ямку, то уже через сорок—пятьдесят сантиметров натыкаешься на воду. А высоких мест в монастыре немного, есть Ивановская горка, но в ней ничего не закопаешь, ничего громоздкого не разместишь. И на девяносто девять процентов уверен: в монастыре для сокрытия библиотеки места не найти.

Правда, среди местных жителей всегда было много слухов, что в монастыре спрятаны какие-то сокровища. Полагаю, что это имело свои причины. Ведь в XVIII веке монастырь переживал упадок, количество монахов сократилось в десять раз, хозяйство уменьшилось в сотни раз, многие постройки стали не нужны. Содержать их было трудно. В крепостной стене устраивали свое жилье нищие и

бродяги. Монастырским властям надоела борьба с ними. И многие постройки были замурованы, проемы в стене заложены. Потому и возникли слухи, что, мол, прячут клады. А когда в наше время все это мы при реставрации раскрыли, то, естественно, ничего не нашли. И я полагаю, что искать библиотеку в Кириллове не имеет смысла.

* * *

Я согласен с Ильей Алексеевичем. И в Кириллове мне уже нечего делать. А как же Марк? Вернувшись в гостиницу, я получил от администратора записку от Марка: «*Владимир, я сегодня уезжаю в Белозерск. Из Москвы позвоню. Рекомендация за мной. Всего. Марк*». Значит, мне можно распоряжаться собой.

Я сразу же отправился на автовокзал и купил билет на ближайший автобус до Вологды.

ИЛЛЮЗИИ РУШАТСЯ

Все последующее время неумолимо вело меня к полному краху. В течение нескольких месяцев я знал только неудачи.

Марк не написал мне рекомендацию. И в Америку я не поехал. Не дали мне гранта. Иллюзии рухнули.

За эти долгие месяцы ожидания я чуть с ума не сошел. Каждое утро просыпался с надеждой — сегодня все образуется. И рекомендация от Марка поступит, и грант мне все же оформят. И вот, гуд бай, Америка! Ничего не будет. Сбили меня с толку, обнадежили. Ужасно.

И библиотеку Ивана Грозного я не нашел. Это и следовало ожидать. А Герман Стерлигов, видимо, имел свои расчеты: возможно, таким образом он, объявив о поиске «заколдованного клада России», пытался поразить воображение «верхов», вплоть до правительства, обратить на себя внимание. Во всяком случае в центральной прессе о Стерлигове слегка пошумели и забыли. И наши отношения с ним как бы отпали сами собой.

Но все же мне нужно было решить эту проблему, эту тайну великой библиотеки самому, и для самого себя. В Кириллове ее нет. Разумеется. А в Вологде? Видимо, то же самое. Я все более и более склонялся к мысли, что имею дело с мифом, и мне оставалось лишь препарировать миф, разгадать его загадку. Это тоже было любопытно, тоже являлось поиском. Ведь не мог же миф возникнуть слу-

чайно, на пустом месте и без всяких оснований. Откуда это пошло? Этим я и занялся.

* * *

Одним из изначальных доводов о том, что Иван Грозный спрятал свою библиотеку в Вологде, являлась народная молва, будто царь собирался сделать Вологду новой столицей Руси. Потому, мол, вел здесь мощное строительство кремля и Софийского собора. А не стала Вологда столицей по воле нелепого случая: на голову царя в Софийском соборе упал камень или, как говорится в народной песне, «плинфа красная». Иван Грозный посчитал это недобрый предзнаменованием и навсегда покинул Вологду. Конечно, серьезные историки всегда понимали, что дело тут не в «плинфе красной», вне зависимости был этот случай. Ни о каком переносе столицы в другой город не могло быть и речи. Москва уже несколько веков сложилась как центр великой нации, на Западе всю страну чаще всего называли Московией. Потому (и это стало для меня полностью очевидным) вологжанам надо в наше время раз и навсегда проститься с местным мифом о том, что Вологда могла стать столицей.

Но и в народном мифе чаще всего бывает в скрытой форме что-то от реальности. Ничто не выдумывается просто так. А реальность заключалась, видимо, в том, что Иван Грозный на самом деле намеревался сделать Вологду центром опричнины, то есть «столицей» земель им управляемых, оплотом личной его гвардии — опричников. Так, А. Зимин и А. Хорошкевич пишут: «Северной резиденцией царя и как бы второй столицей должна была стать Вологда, где с 1565 года под руководством выдающегося инженера Размысла начали создавать новый оригинальный кремль. Сюда завозились «всякие запасы» на «царский обиход» («Россия времен Ивана Грозного»). Именно «запасы», но не национальные ценности. Во всяком случае для царя не было никакого смысла прятать в Вологде свою библиотеку. И по существу спрятать огромное книжное собрание в Вологде невозможно. Такого места здесь просто нет.

Все народные предания и легенды указывают на Соборную горку близ Софийского собора. Но каждый вологжанин знает, что Соборная горка — это небольшое пространство вдоль реки Вологды.

Если допустить, что для хранения библиотеки при дворе царя требовалось «три сводчатых зала», то подобного

масштаба книгохранилища это пространство вместить не может. К тому же на Соборной горке в прошлом трижды велись раскопки. По свидетельству митрополита Евгения Болховитинова, бывшего одно время епископом Вологодским, Соборная горка «раскапываема была» еще «в первой половине XVII столетия». И тогда было обнаружено «каменное погребное здание» и найдено «несколько серебра». Митрополит Евгений опровергал утверждение вологжанина Флерова, будто Соборная горка — искусственное сооружение, созданное Иваном Грозным, в котором есть подземные ходы, железные двери и т. д.

Натолкнувшись на фамилию Флерова, я невольно вспомнил про Ирину, хотя думать мне о ней не хотелось. А Соборную горку раскапывали еще и в XVIII веке. Некий К.М.Б. со своими спутниками «копал в разных местах, однако под великими грудами щебня... ничего не открыл, кроме погребов и подвалов» («Вологодская старина» за 1890 г.) И, наконец, о последних попытках раскопок на Соборной горке сообщала газета «Вологодские епархиальные ведомости» в 1866 году. «Штабс-капитан З. имел поручение от Московского археологического общества исследовать эту гору... Под надзором г-на З. десять человек рабочих около двух недель (начиная с 1 июня) рыли горку в разных местах и направлениях в глубину от одной до двух сажений». Ничего, кроме остатков каких-то строений, обнаружено не было. И, разумеется, ничего в наше время в земле прибавиться не могло.

А исследование исторических источников не принесло мне ни одного даже косвенного факта, который бы свидетельствовал, что библиотека спрятана на Вологодчине. Да и зачем ее было прятать, тем более в наших отдаленных от Москвы местах?

* * *

У мифа своя логика. И невозможно установить, как он возникает, из чего рождается. Но у меня был наглядный пример, как в наше время чуть было не возник новый миф о сокрытии библиотеки, но уже не в Вологде, а в Тотьме.

Произошло следующее. Летом 1993 года в Тотьму прибыла представительная экспедиция из Санкт-Петербурга, которую возглавлял не дилетант, не любитель, а доктор исторических наук, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств Борис Сапунов. Он авторитетно

заявил, что библиотека спрятана в Тотьме или ее окрестностях, и экспедиция берется ее обнаружить. На каком же основании? Из слов Б. Сапунова выяснилось, что «жительница Кронштадта Мария Молосхулова путем «полета мысли в прошлое» получила информацию, что библиотека не погибла, а была перевезена на Север и спрятана в одном из монастырей Вологодчины. «По уверениям Б. Сапунова, таковым оказался Спасо-Суморин монастырь.

Действительно, старинный Спасо-Суморин монастырь в Тотьме таит немало загадок. И в Тотьме на самом деле есть исторические подземелья, назначение которых неясно. Иногда в городе то в одном, то в другом месте происходят обвалы и открываются подземные ходы. Но разве это означает, что подобное связано с библиотекой Ивана Грозного?

Естественно, что тотьмичи проявили скепсис и проводить раскопки в своих исторических местах не разрешили. И миф не родился, а мог родиться... А тут приходится сталкиваться с далеким прошлым, его легендами.

Потерпев неудачу в своих поисках, я мог в конце концов прийти к выводу, что и сама по себе библиотека Ивана Грозного является мифом.

ВОЗМОЖНЫ ЛИ БЫЛИ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ И РОССИИ — СПАР?

В последующее время меня стали занимать мысли, далекие от библиотеки Ивана Грозного. Мне вспомнилось, что Марк как-то мимоходом упомянул, что его прадед принимал активное участие в российских событиях 1918 года. И тут меня осенило — ведь его прадедом мог быть знаменитый Реймонд Робинс, который, вкуче с Лениным, пытался сотворить мировую сенсацию — создать союз между США и красной Россией (некое нынешнее подобие союза России и Белоруссии). Может, это был не тот Робинс? Но мне стало казаться — именно он.

Я вспомнил также свою встречу с американским послом Томасом Пикерингом, который приезжал в Вологду в 1994 году, и мы говорили с ним тоже об этой несостоявшейся мировой сенсации. Но не нашли общего языка: слишком многое разделяло нас.

Сегодня, когда я пишу эти строки, уже свершилась величайшая американская трагедия: самолеты, захваченные и управляемые мусульманскими террористами, врезались в

два небоскреба в Нью-Йорке и в Пентагон в Вашингтоне. И я разделяю боль и горе американцев.

А тогда, чтобы разобраться в своих мыслях и эмоциях, я решил написать статью о том, кто мне представлялся прадедом Марка, и в более широком плане о российско-американских отношениях, что имело и личный подтекст. И вот что у меня получилось — и о прадеде Марка и событиях восемнадцатого года.

* * *

В начале 1918 года в американских правящих кругах стало формироваться мнение, что следует мощным кулаком интервенции (в союзе с русской оппозицией) покончить с ленинской властью. Но в среде американцев возникла надежда: а вдруг можно обойтись без крови — и компромисс возможен. Более того, родилась даже идея о советско-американском альянсе. Ярым сторонником ее стал Реймонд Робинс, глава американской миссии Красного Креста в России.

Реймонд Робинс был выходцем из бедной рабочей семьи. Но, отличаясь неумолимой энергией и предприимчивостью, он во времена «золотой лихорадки» в Америке разбогател. Стал миллионером, крупным деятелем республиканской партии, и был направлен в Россию с секретной миссией — не допустить ее выхода из мировой войны и содействовать установлению в стране демократии американского образца.

И Робинс сделал все, что мог. Он истратил миллион долларов в идейной кампании против большевиков. Но как это ни парадоксально, сам постепенно попал под большевистское влияние. Он был на Неве, когда раздался выстрел «Авроры», присутствовал в Смольном в момент провозглашения советской власти. Потом кинулся вслед за бежавшим Керенским и стал свидетелем капитуляции его последних войск. Робинс увидел в большевиках «действительную власть в России». В письме к Ленину он писал: «Ваша пророческая проницательность и гениальное руководство позволили советской власти укрепиться по всей России, и я уверен, что этот новый созидательный орган демократического образа жизни людей вдохновит и двинет вперед дело свободы во всем мире».

Робинс ухитрился увидеть в советской власти не опасную для России и всего мира диктатуру, как это казалось Фрэнсису, а новую, какую-то высшую демократию. Ле-

нин ответил ему так: «...Весьма благодарен Вам за Ваше письмо. Я уверен, что новая демократия, установится во всех странах и сокрушит все препятствия и империалистско-капиталистическую систему в Новом и Старом Свете». То есть, казалось, сбудется мечта всей ленинской жизни — мировая революция.

Невооруженным глазом видно, а тем более по истечении времени, что Ленин и Робинс глядели на все совершенно по-разному. Но для Ленина это уже не столь важно. Важнее то, что Робинс ратует за сближение США и Советской России. Об этом плане в советской печати писали редко и осторожно. Между тем он являл собой уникальный, своего рода фантастический документ.

«План Ленина» (так его называют) был разработан специальной комиссией. По нему США должны были оказать Советской России продовольственную, экономическую и военную помощь, а взамен американцам отдавались многие природные богатства Сибири, Севера, Дальнего Востока, Камчатки. США получали выгоднейшие концессии на возведение в России гидроэлектростанций, прорытие каналов, строительство железных дорог. И представьте себе, что все это бы сбылось? Даже дух захватывает! Представьте, что гигантские каналы, электростанции, магистрали строит не ГУЛАГ с миллионами зеков, а вольнонаемные рабочие под руководством американских инженеров, с применением заокеанской техники! Экономика двух великих стран переплетается, возникает супернэп — альянс России и Америки... И сама несложившаяся еще система диктатуры большевиков могла измениться.

Тогда, с другой стороны, выходит, что Ленин готов был отдать на откуп российские богатства и всю Россию американским капиталистам? Где же логика? Она очень проста. Ленин полагал, что этот союз — временное явление, что вскоре вспыхнет мировая революция — и США сами по себе присоединятся к революционной России.

Робинс не представлял себе ничего подобного. Придя в восторг от «плана Ленина», он, полный надежд, вез его в США, американскому правительству. Но сначала должен был «согласовать» его с послом Фрэнсисом в Вологде. Поэтому их вологодская встреча могла иметь огромное значение. Но этого не произошло. Фрэнсис и Робинс слишком разошлись друг с другом. Фрэнсис шифрованной телеграммой из Вологды уже рекомендовал правительству начать интервенцию. Встретившись 17 мая на вологодском

вокзале, они уже говорили на разных языках. И не доверяли друг другу...

В книге Л. Гвишиани «Советская Россия и США (1917—1920)» (М., 1970) об этом говорится так: «Проездом из Москвы в Вологде Робинс встретился с Фрэнсисом». Дж. Кеннан, исследовавший этот период, так описал встречу между ними: «Робинс ничего не сказал Фрэнсису о документе Ленина, который был у него, Фрэнсис ничего не сказал о телеграмме, которую он только что послал и в которой высказался за интервенцию».

Нет, супернэпа, альянса между США и Россией не будет. «План Ленина» американский конгресс отвергнет. Будет интервенция и глобальность вражды двух великих держав на многие десятилетия.

* * *

Несомненно, между Россией, США и Западом слишком много различий. Возможно ли их устранить? Возможно ли наше подлинное сближение с Западом на основе борьбы с глобальным терроризмом после американской трагедии 11 сентября, после чудовищных террористических актов в Америке? Трудно сказать.

ПОРАЖЕНИЕ И ПОБЕДА

Но поражение от победы ты сам не должен отличать.

Борис Пастернак

ОТКРЫТИЕ

На библиотеке Ивана Грозного можно было поставить точку. Я занялся другими темами. И, казалось, все что связано с мифической библиотекой, ушло из души. Но нередко я ловил себя на мысли, что внутри себя продолжаю свой спор с Марком Робинсом. Собственно, он оказался вроде бы прав: я сам вынужден признать, что библиотека Ивана Грозного — просто миф. Но что-то сопротивлялось внутри меня, в чем-то важном для себя я все равно не мог согласиться с американцем. И нередко возвращались болезненные воспоминания — о кирилловской поездке, Ирине. И о том, что Марк не написал мне рекомендацию для поездки.

Впрочем, мой крах с поездкой в США был вызван не только Марком. Уже после Кириллова я ездил знакомить-

ся в представительство Института Кеннана в Москву, у меня были там беседы. И почувствовалось, что возникли расхождения. Вроде бы я утверждал то, что американцам было психологически близко и даже выгодно. Но стало очевидно, что на многое в истории, особенно в русской истории, мы смотрим по-разному. И выступать мне с докладом в Вашингтоне, пожалуй, не имело смысла. Помучавшись, попереживав, я внутренне начал успокаиваться.

Что ж, в Америку я не поехал, библиотеку не нашел, ну так жизнь на этом не заканчивается.

И тут еще небольшой эпизод: на центральном телевидении в программе «Доброе утро» решили снять сюжет о том, как я искал легендарную библиотеку. Снимала эпизод милая череповецкая журналистка Женя Федотова, она меня совсем растормошила, и ей было важно снять и показать отнюдь не крах, не неудачу моих поисков, она хотела оставить какую-то надежду, мол, еще имеются какие-то шансы и тайна еще остается.

Мне тоже стало как-то жаль лишать Вологду красивого мифа, объявив о том на всю страну. Снимала меня Женя на Соборной горке, и я сказал, что действительно здесь библиотека спрятана быть не может. А вот в других местах... В душе я не верил в «другие места», но в кинокамеру сказал, что все равно тайну надо раскрыть и, видимо, поиск следует продолжить.

Потом мы расстались с Женей, и я, уйдя с Соборной горки, оказался на бывшей Торговой площади, близ действующего храма Покрова на Торгу, здесь шла служба. Войдя в храм, я послушал церковное пение, постоял у храма, обошел его. Что-то меня притягивало к этому месту. Что-то стало изменяться в душе. Так бывает в переломные важные моменты...

* * *

Тайна рождается прежде всего в душе. И умирает в душе. И снова рождается. И это происходит необъяснимо, иногда неожиданно. И то, чем ты жил, чем мучился, что искал и не находил, вдруг озаряется, как светом, сначала догадкой, потом открытием. Как весенняя вода прорывает плотину, так открытие ворвалось в меня, и я был захлестнут им. И сначала подумал — нет, нет, такого не может быть. Я сошел с ума. Но уже через мгновение с радостью понял — такое возможно. Я нашел ее. Она рядом, она взывает ко мне — ненайденная библиотека Ивана Грозного. Я раскрыл ее тайну.

Первоначальный толчок был таков: вспомнился наш разговор с Марком о том, что Иван Грозный мог заниматься мистификацией. Да, он занимался мистификацией, такая склонность у него была. Царь был лицедеем в душе, он нередко устраивал, говоря современным языком, театр в жизни. Своей искусной игрой запутывал окружающих, вызывал в них смятение и наслаждался этим. Подчас такие игры имели сложный психологический подтекст. К примеру, он объявил Александровскую слободу монастырем, всех своих душегубов-опричников — монахами, себя назначил игуменом, а Малюту Скуратова — причетником. Ничего себе — причетник: садист и палач... Но склонность к мистификации была в крови у царя Ивана Васильевича. А что если его либерея тоже своего рода мистификация, содержащая в себе и реальность, и миф одновременно?

И тогда две противоположные точки зрения (одна: библиотека — это миф, вторая: библиотека — это реальность) можно совместить.

Парадокс? Такое бывает: открытие, неожиданная отгадка может произойти именно из парадокса, из того, что кажется на первый взгляд невозможным. Исходя из этого парадокса, я вернулся к поиску библиотеки. Но теперь надо было заново засесть за книги, пересмотреть все версии, пройти мысленно все сначала. И ничего не выдумывая, ничего не подгоняя, подкрепить свою догадку уже документальными фактами. И я принялся за работу.

И цепочка начала раскручиваться, принося то новое, неожиданное, на что я не обращал внимания раньше.

* * *

Если сопоставить все сведения о библиотеке, то выясняется странная закономерность: они исходят исключительно от иностранцев. Такое не может быть случайным. Не в этом ли ключ к разгадке тайны?

Есть две версии о том, как великая библиотека попала на Русь. Первая из них такова. Как пишет академик Тихомиров, «византийский император Иоанн незадолго до взятия Константинополя турками в 1453 году отправил драгоценные греческие рукописи в Москву для их спасения». Но чаще всего появление великой библиотеки на Руси объясняется тем, что ее привезла с собой в Москву пле-

мянница последнего византийского императора София Палеолог, когда она в 1472 году стала женой московского государя Ивана III. Это было ее приданое. Но обратим внимание на такой факт. Вместе с Софией в Москву прибыл римский легат, важное духовное лицо, у него возник ученый спор с московским книжником Николаем Поповичем. И москвич стал в этом споре побеждать, а в результате чего, чтобы оправдать невозможность защиты своей точки зрения, легат воскликнул: «Нет книг со мною!» Об этом свидетельствует патриарх нашей историографии С. Соловьев.

Случайная реплика? Почему легат не мог сослаться на книги привезенной библиотеки? Как все это объяснить? Ответа нет.

* * *

Кто же видел великую библиотеку и оставил о том свидетельство? Есть предположение, что первым был афонский монах Максим Грек. Это произошло еще в царствование Василия III, отца Ивана Грозного. В «Сказании о Максиме-философе» говорится, что он приехал в Москву, потому что великий князь Василий Иванович просил константинопольского патриарха прислать на Русь ученого мужа для перевода древних книг. Так Максим Грек оказался на Руси, был прислан патриархом. И «великий государь, приснопамятный Василий Иванович, сего инока Максима призвав и вводит его в свою царскую книгохранильницу и показа ему бесчисленное множество греческих книг».

Но что это были за книги, не говорится. В царской книгохранилищнице книг действительно могло быть много. Но это вовсе не означает, что именно все они вместе взятые и составили то, что потом было названо «библиотекой Ивана Грозного». Вполне возможно, что большинство этих книг никто не прятал и не искал, и они (как возможный вариант) дошли до нашего времени.

Впоследствии Максим Грек, как говорилось, подвергся преследованиям, и хотя этот яркий человек, просветитель, оставил свой след в русской истории, ничего больше из его жизнеописания о книжных сокровищах великого князя выяснить нельзя. Есть даже версия, что эта вставка о виденных Максимом Греком книгах сделана позднее, то есть это мистификация.

Конкретные сведения о библиотеке, связанные с именем Ивана Грозного, содержатся в двух иностранных источ-

никах и исходят от иностранцев. Об этом говорится в древней рукописи «Ливонская хроника», которую составил в XVI веке рижский бургомистр Франц Ниенштедт. Согласно этой «Хронике» Иван Грозный показал свою библиотеку четырем немцам, выходцам из Дерпта: пастору Иоганну Веттерману и трем его прихожанам. Называются их имена: Фома Шревен, Иоахим Шредер и Даниэль Бреккель. Но главным действующим лицом из них был пастор Иоганн Веттерман». Его, как ученого человека, очень уважал великий князь, который даже велел в Москве показать ему свою либерею, которая состояла из книг на еврейском, греческом и латинском языках и которую великий князь в древние времена получил от константинопольского патриарха. Эти книги как драгоценное сокровище хранились замурованными в двух сводчатых залах. Так как великий князь слышал об этом отличном и ученом человеке, Иоганне Веттермане, много хорошего про его добродетели и знания, потому велел открыть свою великолепную либерею, которую не открывали более ста лет с лишком. Велел принести несколько из этих книг. Эти книги были переданы в руки пастора Иоганна Веттермана для осмотра. Он нашел там много хороших сочинений, на которые ссылаются наши писатели, но которых у нас нет, так как они сожжены и разрознены при войнах....

Веттерман заявил, что, хотя он беден, но отдал бы все свое имущество, даже всех своих детей, чтобы только эти книги были в протестантских университетах, так как, по его мнению, эти книги бы принесли много пользы христианству».

Вернувшись на родину в 1570 году, Иоганн Веттерман и Фома Шревен рассказали о виденном рижскому бургомистру Францу Ниенштедту, который записал все это в «Ливонскую хронику».

Сам по себе факт показа библиотеки может быть вполне достоверным. Пастору Веттерману не было никакого смысла все это придумывать.

* * *

Кто еще видел легендарную библиотеку воочию? И вот тут сталкиваешься с новой загадочной ситуацией: опять Прибалтика, снова Дерпт и какой-то немецкий пастор, имя которого осталось неизвестно. Но именно он составил описание книг, находившихся в книжной сокровищнице московского государя.

Эту опись обнаружил в XIX веке профессор Дерптского университета Кристофор фон Дабелов. Ему поступила из города Пярну папка со старыми документами, среди которых имелся и список книг из библиотеки Ивана Грозного. Профессор Дабелов интересовался совсем другой темой — лифляндским правом. Потому он снял с описи копию и отослал документы обратно в Пярну. Но вот другой дерптский профессор Клоссиус, увидев впоследствии эту опись, пережил своего рода шок, посчитав, что она — великая историческая находка.

Неизвестный немецкий пастор из XVI века свидетельствовал, что царь показал ему ценнейшие и древнейшие рукописи. «Таковых было всего до 800, которые частью он купил, частью получил в дар. Большая часть суть греческие, но также много и латинских». Далее следовало перечисление книг:

«Ливиевы истории, которые я должен был перевести» (речь идет об истории Римской империи великого историка древности Тита Ливия, из которой сохранилось и было известно чуть более трети).

«Цицероновы книги» (неизвестные сочинения знаменитого Марка Туллия Цицерона).

«Тацитовы истории» (из сочинений великого римского историка Публия Тацита уцелела и была известна лишь треть).

Далее в описи назывались сочинения Аристофана, Пиндара, Светония, Вергилия и других знаменитых античных авторов. Большинство перечисленных в описи сочинений считалось неизвестными. Всего было перечислено около трех десятков рукописных книг — своего рода «византийская коллекция» древнегреческих и древнеримских классиков.

* * *

Вот эту коллекцию, на мой взгляд, и следует считать тем, что было потом названо «библиотекой Ивана Грозного». Такова моя версия. Повторяю: по моему мнению, библиотекой Ивана Грозного надо называть не огромное книжное собрание, не гигантскую сокровищницу московских государей, а те три десятка рукописей, перечисленных в описи неизвестного немецкого пастора. Они могли составлять как бы отдельную византийскую коллекцию в книгохранилище московских государей. Эта библиотека, в которой могло быть и 800 и более книг, никуда не пропала

и никем не пряталась. Часть книг погибла, а часть дошла до наших дней и не представляет собой никакой тайны. А вот византийская коллекция книг, которые являются уникальными произведениями, могла быть показана Максиму Греку и затем еще пятерым иностранцам.

Но обратим внимание на сам факт показа библиотеки. Что это было? С какой целью показывались бесценные книги этим пятерым прибалтийским немцам? Якобы с целью перевода. Но разве царь не мог найти других переводчиков? Проблема важная, и она могла решаться на самом высоком уровне, с тщательным подбором лиц и детальным ознакомлением с книжными сокровищами и т. д. Но в самом факте показа есть что-то вызывающее сомнение. Потому я и высказываю свое предположение: этот показ был мистификацией царя, проведенной с определенной целью.

Что же увидели пятеро прибалтийских немцев, что им было показано? Они свидетельствуют: это было подземное помещение из двух (или трех) залов — здесь разночтения. И в нем — множество книг и сундуков. Но ведь естественно, им показывали не все, а какую-то часть и, скорее всего, именно уникальную византийскую коллекцию. В сундуках могло быть что угодно. Сотни книг могли быть совсем не уникальными, а распространенными в те времена сочинениями. Меж тем создавалось впечатление: все, хранящееся здесь и увиденное — уникально. Для чего же царь пошел на такого рода мистификацию? Для того, чтобы потрясенные увиденным, иностранцы, уехав на Запад, распространили молву о бесценных и гигантских книжных сокровищах царя. Это бы способствовало престижу московского государя на Западе. И лица для показа здесь были выбраны не случайно — это не ученые и не официальные представители (например, послы), которые могли заподозрить подлог и разоблачить мистификацию. Царь предпочитал показать свои книжные сокровища лицам не самого высокого уровня, их легче мистифицировать, они легче поверят. Царь создавал легенду о себе, преследуя вполне реальную политическую цель — рост престижа. И он этой цели достиг — легенда о величайшей библиотеке быта создана.

* * *

Профессиональный поиск библиотеки первым начал в XIX веке немец, уже упоминавшийся профессор Дерптского университета Вальтер Фридрих Клоссиус, философ и

юрист. До своего прибытия в Дерпт он работал в архивах Германии, Голландии, Франции, Италии и совершил несколько ценных исторических находок. Прибыв в Дерпт, он в 1828 году отправил на имя императора Николая I просьбу о проведении им подобной научной работы в России и получил императорское «соизволение». И вот тут судьба преподносит ему невероятный сюрприз: он видит у своего коллеги по Дерптскому университету профессора Дабелова список бесценных античных книг. Дабелов, как уже говорилось, не обращает на эту опись особого внимания, а вот Клоссиус потрясен. Он пишет в величайшем волнении: «Вот список творений, которые, во всяком случае, если даже и отнести иное к неточности и неосведомленности автора, должен возбудить величайшие ожидания... Такое собрание позволило бы России возродить для Европы времена князей Медичи, Петрарки и Боккаччио, когда из пыли библиотек были извлечены невероятные сокровища».

Но у профессора Дабелова имеется лишь копия, сделанная с оригинала XVI века. Где же сам оригинал?

Дабелов утверждал, что он, сняв копию с описи, отослал ее обратно в Пярну, откуда она была получена. Он мог вспомнить лишь то, что список состоял из двух страниц, написанных на пожелтевшей бумаге неразборчивым почерком. Клоссиус ринулся в Пярну, нетерпение не давало ему покоя. Он считал, что находится на пороге потрясающего открытия. Но его ждало новое потрясение — в Пярнском архиве оригинала не оказалось. Он бесследно исчез...

Это был пример той странной мистики, той необъяснимой загадки, которая неизменно сопровождает поиск великой библиотеки. Она словно заколдована. Кажется, что след найден и библиотека почти найдена. Остается сделать последний шаг. И вдруг все рушится в самый последний момент. Библиотека пропадает, как мираж, и все начинается сначала. И это — мистификация какой-то сверхчеловеческой воли...

Но если посчитать пярнусский список библиотеки фальшивкой, мистификацией, то следует перечеркнуть все и опять возвратиться к мысли, что либерера Грозного — миф. Как-то объяснить историю с пропажей пярнусского списка я, конечно, не могу. Но во мне жила внутренняя уверенность, что я иду по верному пути.

И мне психологически была понятна уверенность Клоссиуса, который, столкнувшись с непонятным исчезнове-

нием пярнусского списка, не пал духом, а начал планомерный поиск библиотеки по книгохранилищам, известным библиотекам и монастырям.

Но так ничего и не нашел.

«Убедившись только через семь лет после своего приезда в Россию в бесплодности дальнейших поисков, Клоссиус решил, наконец, признать, что книгохранилище Ивана Грозного «не смогло спастись от губельных опустошений, испытанных Россией в прежние времена. Оно исчезло, не оставив никаких следов». (Пересветов Р. По следам находок и утрат. М., 1963) То есть Клоссиус продолжал верить в библиотеку до конца, но он пришел к выводу, что она погибла во время пожара (опустошительных пожаров было много).

Его поиски через полвека продолжил другой немецкий ученый, профессор Эдуард Тремер, специалист по античной мифологии, по различным спискам творений Гомера. Тремер, приехавший в Россию в 1891 году как раз по поводу одного из редких списков «Илиады», столкнулся с материалами, оставшимися от Клоссиуса. И посчитал, что вывод о гибели библиотеки мог быть ошибочным. И тоже, захваченный тайной либерей, начал ее поиск. Увы! Его огромный труд снова же ни к чему не привел. Опять процитирую Р. Пересветова: «Считая, что после Клоссиуса, ограничившегося наземными поисками книжных сокровищ Ивана Грозного в московских библиотеках, ничего не было сделано для «выяснения судьбы утерянного клада», Тремер в одной из своих последних бесед с русскими учеными высказал убеждение, что теперь этим должны заняться московские археологи. Ведь в этом случае, напомнил он, дело идет не об обычных научных расследованиях, заслуживающих внимания только небольшого кружка специалистов, а о забытом сокровище, потеря которого должна печалить весь образованный мир и открытие которого обогатило бы Россию новой славой».

А что же русские ученые? Среди них не было единства. Профессор Н. П. Лихачев в 1893 году выступил со специальным докладом, в котором попытался отделить реальное от мифического, и пришел к выводу, что библиотека Ивана Грозного существовала. Видные историки И. Е. Забелин и А. И. Соболевский призывали начать раскопки в Кремле по поиску библиотеки. Вместе с тем появился солидный труд С. А. Белокурова «О библиотеке московских царей в XVI столетии», в котором на основании анализа

множества исторических фактов делался вывод: «Никакой библиотеки в Москве не было и быть не могло».

Поражает полярность взглядов видных специалистов. Поэтому в своих рассуждениях я и пытаюсь совместить их точки зрения. Каждый из них, по моему мнению, в чем-то по-своему был прав. Одних вела вера, других — неверие.

* * *

Человеком пламенной веры в либерею стал Игнатий Стеллецкий, сын сельского псаломщика, выпускник Киевской духовной академии. Отказавшийся от сана священника, он был весь захвачен страстью к археологии и предпринял титанические усилия, чтобы «раскопать» библиотеку Ивана Грозного. Еще в царское время он развил бурную деятельность по организации раскопок в Кремле, но добиться этого ему так и не удалось. Он продолжал свою неистовую компанию и в советское время. И это кажется невероятным, но все же добился проведения частичных раскопок в Кремле в 1933-1934 годах. Эти раскопки принесли немало любопытного по исследованию подземного Кремля. Но великая либерея так и не была найдена. Стеллецкий умер в 1949 году, так и не достигнув своей мечты, которой он отдал всю свою жизнь. И с болью и искренним сочувствием думаешь, какое разочарование он должен был испытывать, умирая.

Прошло много лет. И вот в 1963 году была официально создана научная комиссия под руководством академика М.Н. Тихомирова, цель которой был поиск библиотеки Ивана Грозного. Такое случилось впервые — поиски либереи должны были вестись официально на самом высочайшем уровне — научном и государственном. Академик Тихомиров был уверен в успехе. Он писал: «Может быть, сокровища царской библиотеки лежат еще в подземельях Кремля и ждут только, чтобы смелая рука попробовала их отыскать».

Но эта комиссия так не успела развернуть свою деятельность. Ее покровитель — А. Аджубей — после снятия Хрущева потерял свое влияние, комиссия не получила настоящей поддержки и ее деятельность сошла на нет.

* * *

Конечно, мой поиск можно считать наивным. Кто я такой по сравнению с теми крупными специалистами, ака-

демиками, глубокими знатоками истории, которые бились над раскрытием тайны библиотеки и так и не смогли разгадать ее... Но ведь Шлиман до раскопок Трои тоже был дилетантом. И прежде чем раскопать Трою, создал свою версию, совершил открытие в своем мозгу. Именно так и совершается открытие.

Потому я осмеливаюсь предложить свою версию. И пытаюсь представить логику Ивана Грозного.

Иван Васильевич, мистифицировав пятерых немцев, должен был придерживаться какой-то логики по отношению своей либерее. Какой же?

Бессмысленно, обладая подлинными сокровищами, закрывать их, прятать, скрывать. И увозить куда-то из Москвы.

Но если речь идет, как я предполагаю, о «византийской коллекции», о нескольких десятках рукописей, то их можно хранить в тайнике и в Москве, и в каком-то другом месте. И тут возможны самые разные варианты. В том числе не исключено, что царь мог увезти эти рукописи с собой в Вологду. Но для чего их везти в Вологду? В чем здесь логика? В качестве одной из версий можно предположить следующий ход его рассуждений.

В Вологде велось мощное строительство и был построен новый царский дворец. И небольшая, но ценнейшая библиотека могла украсить это царское помещение. Более того, Вологда могла быть лишь транзитным пунктом для дальнейшей перевозки библиотеки в Кирилло-Белозерский монастырь.

Возвращаюсь к навязчивой идее царя — принять постриг в Кирилловской обители. Разумеется, это тоже была мистификация, психологическая игра с самим собой. И с теми, кто его окружал. Впоследствии даже великий Пушкин, знакомясь с историческими документами, поверил в искренность намерений царя и рассказал об этом устами своего Пимена в «Борисе Годунове». Даже Пушкин оказался обманутым мистификацией Ивана Грозного. На мой взгляд, царь никогда бы по доброй воле не отказался от самодержавной власти. Но он в глубине души признавал себя великим грешником и таким образом как бы оставлял для себя шанс спастись. И, умирая, он так и сделал — объявил о своем постриге в чернецы Кирилловской обители. Но это — умирая, испытывая ужас перед концом...

Тем не менее и в добром здравии он об этом задумывался. Ему казалось, что он способен к праведной мо-

нашеской жизни. А монаху не нужны никакие сокровища, кроме икон и книг. И вполне возможно в случае пострига он намеревался перевезти библиотеку в Кириллов монастырь. Кстати, эта обитель как раз была известна как крупный книжный центр, славилась своими собраниями книг и рукописей, своими авторами, переписчиками, переводчиками. А до поры до времени библиотека могла находиться в вологодском царском дворце. Дальнейшие обстоятельства личной жизни царя, его внезапный отъезд из Вологды все изменили. Перед его отъездом либеререя могла быть спрятана в тайнике дворца, скорее всего в его подвале.

После кончины царя о библиотеке могли забыть или просто не знать, государь не любил делиться своими секретами. Так что книжные сокровища могли остаться не обнаруженными. Ведь все, что было связано с именем царя, вызывало ужас. И хотя в Вологде не было опричного террора, царь и здесь вел себя соответственно. Достаточно сказать, что недовольный, как ему казалось, медленным строительством Софийского собора он однажды (так сказать, для ускорения) приказал повесить десять строителей. Отсюда ужас перед государем и всем, чем памятно его имя. Ни к чему не прикасались, ничего не трогали, даже после смерти царя. Полностью построенный Софийский собор семнадцать лет простоял неосвященным. Не исключено, что боялись обследовать и царский дворец.

Но народная молва из поколения в поколение гласила: в Вологде Иван Грозный спрятал какие-то свои сокровища. Я придерживаюсь прежней точки зрения — огромное книжное собрание, тем более сокровищница, в Вологде находиться никогда не могло. А вот три десятка книг — это другое дело. И не исключено, что в таком виде библиотека Ивана Грозного находится в Вологде до сих пор, в глубине земли на месте бывшего дворца.

Но где размещался этот дворец? Вот это точно неизвестно. Г. Лукомский в книге «Вологда о ее старине» (СПб., 1914) указывает: «Недалеко от «архиепископова двора... стоял деревянный дворец Ивана Грозного». Исследователь вологодской архитектуры М. Фехнер в книге «Вологда» (М., 1956) пишет: «Примерно на том месте, где теперь стоит б. Покровская церковь (на Маяковского) был выстроен царский деревянный дворец, существовавший еще в начале XVII в.»

Раскопки и обследования Соборной горки в Вологде проводились неоднократно. Именно здесь искали сокровища царя, в том числе и его библиотеку. Но искать, на мой взгляд, надо было в другом месте — там, где находился царский дворец. Однако раскопки здесь были невозможны. Это место было густо застроено, здесь был возведен и храм Покрова. Но библиотека Ивана Грозного (то есть около трех десятков уникальных книг), на мой взгляд, могла быть сокрыта именно здесь, что и повторяю, заканчивая свое повествование.

* * *

Конечно, в моих словах о том, что я нашел библиотеку Ивана Грозного, есть самоирония. Но свою версию по раскрытию тайны библиотеки-легенды я, действительно, нашел. Главное в ней — предположение о мистификации царя.

Способность к мистификации — редкий дар, свойственный немногим писателям. А Иван Грозный являлся, так сказать, не только композитором, но, как известно, и писателем, автором нескольких сочинений. И ему был дан этот дар. Обладая им тоже, я сквозь время, как мне кажется, разгадал это в Иване Грозном и понял его замысел, его мистификацию. Отсюда моя литературная версия о разгадке тайны великой библиотеки, великой мистификации. Это пример писательской работы.

«НЕ ГОВОРИТЬ НИКОМУ»

На коленях прошу вас не говорить никому об этом глупом происшествии.

Е. Хитрово, из письма к Пушкину

Писатели и авантюристы — подчас родственные души. В литературе, в самой ее основе, нередко можно усмотреть нечто неожиданное, рискованное, способное все поставить на карту. И не случайно крупные писатели так часто обращались к образам авантюристов, делая их героями своих произведений. Об этом можно написать обширнейшую и увлекательнейшую книгу. Тема эта неисчерпаема.

И безусловно, она имеет отношение к Пушкину.

Как известно, через десять лет после написания «Бориса Годунова» Пушкин подсказал Гоголю сюжет «Ревизора». Кажется, что ничего общего между пушкинской трагедией и гоголевской комедией совершенно не было и быть не могло. Но Пушкин ведь тоже называл свою пьесу — «комедией». И что-то отдаленно похожее в проблематике просматривается. В «Годунове» тема — власть и народ, в «Ревизоре» — власть и чиновничество, то есть в широком смысле — власть и люди. И, наконец, в обеих пьесах огромное значение имеет тема самозванства. И там и здесь среди главных действующих лиц — самозванцы, авантюристы. Откуда это? Конечно, из истории, из действительности. И вместе с тем из души, из своего «я». Сошлюсь на авторитеты.

Борис Бурсов в своем известном труде «Судьба Пушкина» (Л.: Сов. пис., 1986) впервые, хотя и вскользь, сказал о том, что шло вразрез с идейными установками советского времени: Пушкин питал большой интерес к авантюристам, и в этом было нечто личное, биографическое. Поэтому поэт зачастую не осуждает самозванца в «Годунове» и, более того, вкладывает в его уста некоторые свои собственные мысли. Не случайно, как подчеркивает Бурсов, Пушкин называет Отрепьева «милым авантюристом»,

а Е. Маймин в книге «Пушкин. Жизнь и творчество» (М.: Наука, 1981) отмечает, что в некоторых высказываниях Дмитрия в пьесе, «особенно в словах: «Я верую в пророчества питов» — звучит собственная пушкинская вера, собственное живое его волнение. И это позволяет Пушкину разделять с Дмитрием иные его взгляды и идеи».

А если отвлечься от литературы и присмотреться к личной жизни Пушкина, то в ней тоже можно найти неожиданные, рискованные, авантюрные поступки. Притом факты-то все известны, просто на них надо посмотреть под этим углом зрения.

Безусловно, Пушкин мог вести себя и держаться очень различно. И значимо, как это соответствовало званию первого поэта России. И отрешенно, ведь уже во время создания «Бориса Годунова» он отчетливо осознал, что «может творить» в полном уединении и отрешении от мирских дел. Но вот наступал момент, когда Пушкину уже требовалось другое. Жажда авантюры, риска, новизны охватывала его, и он полностью отдавался ей.

Так, к примеру, было с ним весной 1829 года, когда он отправился в свое «путешествие в Арзрум». И уже в Тифлисе принялся куролесить, удивляя и поражая всех, кто его знал. По свидетельству современника, «ежедневно производил он странности и шалости, ни на кого не обращая внимания». Вот идет по улице, «обнявшись с татаринном», а вот «якшается с грязным рабочим», то носится по армянскому базару, вытворяя черте-те что, и производит другие «поражающие вещи».

А далее, оказавшись на театре военных действий против турок, уже поражает военных. Его тщательно берегли, но все же однажды не усмотрели. В одном из боевых столкновений Пушкин, схватив пику убитого казака, помчался один на турецких всадников. Казаки были «чрезвычайно изумлены, увидев перед собой незнакомого героя в круглой шляпе и бурке». Все же его догнали, остановили.

А вот другого рода — совершенно невероятная любовная авантюра Пушкина, в духе куртуазных романов. О ней писал Бартенев со слов близкого знакомого Пушкина Нащокина (В. Вересаев. Пушкин в жизни):

«Пушкин сообщал этот рассказ за тайну Нащокину и даже не хотел на первый раз сказать имени действующего лица, обещал открыть его после. В Петербурге, при дворе была одна дама, друг императрицы, стоявшая на высокой

ступени придворного и светского значения. Муж ее был гораздо старше ее, и, несмотря на то, ее молодые лета не были опозорены молвою; она была безукоризненна Эта блистательная, безукоризненная дама, наконец, поддалась обаянию поэта и назначила ему свидание в своем доме. Вечером Пушкину удалось пробраться в ее великолепный дворец: по условию, он лег под диван в гостиной и должен был дожидаться ее приезда домой. Долго лежал он, теряя терпение, но оставить дело было уже невозможно, воротиться назад — опасно. Наконец, после долгих ожиданий, он слышит, подъехала карета»

Дама приехала — в сопровождении фрейлины, своей приятельницы. Женщины поговорили немного, и фрейлина уехала. «Вы здесь?» — с волнением спросила дама. «И Пушкин был перед нею. Быстро проходило время в наслаждениях. Наконец Пушкин как-то случайно подошел к окну, отдернул занавес и с ужасом видит, что уже совсем рассвело, уже белый день. Как быть? Смущенная хозяйка ведет его к стеклянным дверям выхода, но люди уже встали. У самых дверей они встречают дворецкого, итальянца (печки уже топят). Эта встреча до того поразила хозяйку, что ей сделалось дурно; она готова была лишиться чувств, но Пушкин, сжав ей крепко руку, умолял ее отложить обморок до другого времени, а теперь выпустить его, как для него, так и для самой себя».

Хозяйка в этой критической ситуации позвала свою служанку, умелую в подобных амурных делах француженку. И француженка решилась на крайнюю дерзость — она повела Пушкина за собой прямо через комнаты мужа дамы.

«Тот еще спал. Шум шагов его разбудил. Его кровать была за ширмами. Из-за ширм он спросил: «Кто здесь?» — «Это — я», — отвечала ловкая наперсница и провела Пушкина в сени, откуда он свободно вышел». Все окончилось вполне благополучно.

Как отнестись к такому рассказу, уже очень похожему на типичный анекдот о спрятавшемся любовнике и растяпе-муже? Рассказывали нам о нем люди известные — Нащокин и Бартенов. Но так ли было на самом деле?

Пушкин был горазд на выдумку. И вполне вероятно, что в истории с диваном, по мнению Леонида Гроссмана, «Пушкин художественно мистифицировал Нащокина, также как он увлекательно сочинял о себе небылицы детям или, по примеру Дельвига, сообщал приятелям «отчаянные анекдоты» о своих похождениях».

Однако есть версия, что все это было на самом деле. Называется даже и имя дамы — это внучка Кутузова, красавица Долли — Дарья Федоровна Фикельмон (Тизенгаузен).

А несколько лет перед тем Пушкин (извините) «улестил» ее мать, Елизавету Михайловну Хитрово в первом замужестве Тизенгаузен, дочь великого Кутузова.

Как известно, Александр Сергеевич благоговейно относился к памяти великого полководца Кутузова (вспомним «Перед гробницею святой...»). Но вот по отношению его дочери и внучки у поэта никакой святости не было, напротив.

Кстати, первый муж Елизаветы Михайловны граф Федор Иванович Тизенгаузен, отец Долли, погибший в битве под Аустерлицем, совершил подвиг, который Лев Толстой впоследствии в «Войне и мире» «приписал» Андрею Болконскому.

Елизавета Михайловна была уже в возрасте, когда Александр Сергеевич «улестил» ее. И она, не желавшая смириться со своей осенью, потеряла голову, страстно влюбилась в Пушкина, без конца писала ему пламенные письма, которые Александр Сергеевич «смеясь, бросал в огонь, не читая» (Н. Смирнов). Впрочем, он «не мог решиться огорчить ее», всегда хорошо к ней относился. Увы! Ей этого было мало. Узнав о намерении Пушкина жениться на Гончаровой, Елизавета Михайловна бешено ревновала его к прекрасной молоденькой Натали. Ревновать Пушкина к собственной дочери ей, естественно, не приходило в голову.

А вот теперь об очень серьезном факте. И я полностью оставляю фривольный, иронический тон. Что там было, чего не было и прятался ли Пушкин под диваном — не мне судить. Но хочу обратить особое внимание на то обстоятельство, что Елизавета Михайловна Хитрово в ноябре 1836 года оказалась в числе тех, кто получил гнусную анонимку о «приеме» Пушкина в «орден рогоносцев». И испугалась, решив, что Пушкин подумает, будто эту анонимку из любовной ревности написала она. Это лишний раз свидетельствует, что подобное — было делом рук женщины. Но другой женщины. Елизавета Михайловна словно специально подсказывала Пушкину — за анонимкой «ищите женщину». И нет ответа, почему этому не внял Пушкин, почему он не раскрутил нить интриги и не вывел на чистую воду интриганку.

А мать и дочь, Елизавета Михайловна и Доли, были искренними друзьями Пушкина и горько оплакали его гибель.

СМЕРТНЫЕ СТУПЕНИ

...четыре смертные ступени...

Александр Пушкин

В этом повествовании — несколько разных сюжетов, они вполне самостоятельны и являют собой различные картинки из давно ушедшей жизни. Но они все объединены пушкинской темой и как бы вытекают один из другого. Все это — лишь отдельные моменты, отдельные детали, но, на мой взгляд, показывая, в чем иногда ошибался, в чем был неправ Пушкин, они как ступени, постепенно вели к его гибели. А для меня это — как бы ступени в моем понимании некоторых обстоятельств жизни и гибели гения.

Но начну повествование издалека. С рассказа об одном, до конца так и не проясненном убийстве, случившемся на Вологодской земле.

ВЫСТРЕЛЫ ИЗ ЗАСАДЫ

Утром 24 мая 1809 года вологодский помещик Александр Михайлович Межаков выехал с кучером для осмотра посевных работ. Ничто не предвещало ни малейшей беды.

Межаков мог считаться крупнейшим вологодским магнатом, богатейшим в губернии человеком. Но только в личной судьбе у Александра Михайловича удачи не было. Жена его, красавица Варвара, изменяла ему. Не потому ли так суров он был нравом в последнее время?

Кучер повернул к лесу. Межаков приказал: «Останови». Слез с тарантаса, пошел к лесу пешком, двигался уверенно, будто к назначенному месту. И тут из кустов раздались два выстрела.

Межаков рухнул на землю. Обомлевший кучер бросился на помощь. Подбежал, нагнулся над распростертым баринном.

Александр Межаков не подавал признаков жизни.

Кучер, весь дрожа, понес барина к повозке, начал взваливать на тарантас. Лошадь захрапела, дернулась. Тело барина свалилось в грязь. С огромным трудом кучер, сам весь в грязи и крови, все же водворил мертвеца в тарантас.

Когда подъезжали к усадьбе, увидел далеко на пригорке силуэт всадницы. Подумал: «Кажись, Варвара Михайловна». Всадница повернулась и исчезла.

Спотыкаясь, кучер внес убитого во дворец. Сбежались все обитатели. Всех охватил ужас. Происшедшее представлялось невозможным. Казалось бы, кто посмел поднять руку на самого могущественного из вологодских помещиков? Кто мог?

Богатство и власть, какими обладал Межаков, делали его как бы стоящим над большинством смертных. И великолепный дом-дворец в Никольском, на Уфтюге, который начал строить его отец, а доканчивал в соответствии со своим вкусом он, свидетельствовал: равных ему в Вологодской губернии нет. Более сорока залов и комнат в итальянском стиле, с лепными украшениями, скульптурами, росписями, картинная галерея, музыкальный театр с труппою крепостных, обучавшихся в Петербурге, вокруг дворца — чудо-парк с редкими деревьями и растениями, гротами и статуями, оранжереями и прудами, с островом любви, с «античными» развалинами на одном из них. И несметные богатства, принадлежащие ему: более сорока деревень, известный конный завод с английскими выписанными жеребцами, а также винный, кирпичный, керамический, полотняные заводы и взятая на откуп торговля вином на всю губернию, и почта из 72 станций. Может быть, это был величайший вологодский предприниматель и магнат на все времена. Но ничто не помогло ему и не защитило от двух неожиданных выстрелов в упор из засады.

* * *

Началось следствие. Оно следовало версии: убийство Межакова есть крестьянский бунт, возникший из чрезмерной «требовательности» барина к своим крепостным. И логика в том была. Межаков в короткий срок удвоил посеы и утроил поголовье скота. Он много требовал от своих мужиков, считал их слишком ленивыми. И полагал, что с русской ленью должно быть покончено. И жестоко карал нерадивых. Отсюда — бунт.

Пошли аресты. Специальная воинская команда арестовала четырнадцать дворовых. И все казалось верным: под пыткой виновные признались в преступлении. Были названы и стрелявшие. Убийцам выдрали ноздри и приговорили к пожизненной сибирской каторге. Другие участники заговора были пороты кнутом и тоже пошли в Сибирь. Но почему-то никто из следователей не обратил внимания: оброк и барщина у Межакова были не выше, чем в других усадьбах, где бунтов не происходило. В том ли причина? Все ли так очевидно в этом убийстве?

МЕЖАКОВСКИЕ ВЕЧЕРА

Прошло десять лет, трагедия стала забываться. Сын убитого магната Павел Александрович Межаков, наследовавший огромные деньги отца, не имел склонности к предпринимательству и хозяйских талантов отца не наследовал. Он был поэтом. Во всяком случае — искренне считал себя таковым.

«Отечественные записки» характеризовали впоследствии его так: «Вологодский помещик и поэт тогдашнего закала — с обращениями к луне, к лазоревым очам, к утраченным наслаждениям... давал обеды, вечера и ужины всем тогдашним литературным корифеям столицы, которые у него ели, пили и читали свои произведения». Это даже получило свое название — «межаковские литературные вечера».

По обыкновению, Павел Александрович зимою жил в столице, а летом, разумеется, в своей усадьбе — Никольском.

Как поэт, «все, что он оставил потомкам — это две тоненькие книжки стихов: «Уединенный певец» (вышла в 1817 году без имени автора) и «Стихотворения Павла Межакова» (1828)». Так пишет о нем литературовед В.А. Кошелев в книге «Вологодские давности» (Архангельск, 1985). Стихи посредственны, ни одно из его стихотворений до потомков не дошло. Все кануло в лету — до единой строки. Лишь краеведам и «узким специалистам» знакомы его творения. Но и при его жизни их знали мало. Впрочем, он был известен своими литературными связями, имел короткое знакомство с пиитическими знаменитостями: Г.Р.Державиным, И.А.Крыловым, Н.И.Гнедичем, П.А.Вяземским. Восхищался своим земляком-вологжанином

К.Н.Батюшковым. В тридцатые годы познакомился с Н.В.Гоголем.

Однако межаковские литературные вечера в столице знаменитости избегали. Почетным гостем здесь всегда бывал граф Д.И.Хвостов. Как это ни странно. Почему странно? Потому что между Межаковыми и Хвостовыми случилась тяжба. Граф Хвостов имел в Вологодской губернии дальнего родственника — небогатого помещика, с которым отец Павла Александровича, магнат Межаков, затеял земельное судное дело. И разорил его, как Троекуров Дубровского. Но графа Хвостова и П.А.Межакова сблизило святое дело — поэзия.

Граф Хвостов считал себя великим поэтом. Он, по выражению Пушкина, «пел бессмертными стихами». Пушкинская ирония тут в адрес бедного Хвостова вполне очевидна.

Пушкина Межаков (и это делает ему честь) назвал «одному себе лишь равным». Они были лично знакомы. До своего переезда в Петербург, Александр Сергеевич, бывая в столице, любил останавливаться в гостинице «Демут», которая к тому времени принадлежала Межаковым. И, как гласит родовое межаковское предание, здесь он якобы услышал историю тяжбы мелкопоместного Хвостова и магната Межакова. О том, как магнат разорил небогатого соседа, но и сам был убит.

Об этом родовом предании я узнал от современных представителей рода Межаковых — москвички, геолога по профессии Валентины Данильченко и художницы Инны Рау (она вышла за немца и живет ныне в Гамбурге). У меня с ними обеими возникло телефонное и письменное знакомство, а госпожа Рау даже составила родословную героев моей книги «Неразгаданные тайны Пушкина» и прислала мне ее из Гамбурга в Вологду.

Так вот, по семейному преданию Межаковых, Пушкин использовал полученные им от Павла Александровича сведения при написании своего «Дубровского». Но позвольте — в любом научном комментарии к «Дубровскому» утверждается: в основу этого пушкинского сочинения положено подлинное дело мелкого белорусского помещика Островского, который был разорен богатым соседом и, мстя за обиду, стал разбойником. Но ведь одно другому не мешает. Одно другого не исключает. Пушкин мог использовать и то, и другое...

НЕУДАЧИ ГЕНИЯ

Но почему Пушкин забросил своего «Дубровского» на полпути? Почему роман остался не закончен?

Сразу скажу: обращаясь к пушкинскому «Дубровскому», я испытываю внутренний дискомфорт, потому что намерен высказать нечто, идущее вразрез с общим мнением. Я считаю «Дубровского» (простите меня, грешного) литературной неудачей Пушкина. Ах, подобное и говорить и писать вроде бы неловко. Тем паче, что с детства, с подростковых лет я был очарован благородным разбойником Дубровским, его похождениями, их романтической любовью с Машей, в которую сквозь время влюбился вместе с ним. Но, повзрослев и не потеряв до конца очарования навеянного Машенькой, тем не менее я все чаще стал замечать: написанное Пушкиным — тривиальность, литературщина. И стал подумывать — да ведь это скорее всего пушкинская неудача. И, собственно говоря, ничего кошунственного в подобных мнениях не было и нет, ведь и у гения вполне могут быть свои поражения. К тому же я просто высказываю свое мнение.

Кстати, как раз к тому времени, когда Пушкин забросил своего «Дубровского» (это 1833 год), относится и другой литературный провал гения — поэма «Анджело», самое, пожалуй, малоизвестное его сочинение (что вполне, на мой взгляд, справедливо). Чтобы быть понятым, приведу цитату из этюда Б.С. Мейлаха «Загадочная поэма» (Мейлах Б. Талисман. М.: Современник, 1975): «Пушкин изучен более, чем какой-либо другой классик, — пишет Мейлах. — Но и тут есть «белые пятна». Далеко не все еще ясно в биографии великого поэта, в его творческой деятельности. К таким «белым пятнам» относится и поэма Пушкина «Анджело»; связанная с пьесой Шекспира «Мера за меру»... Вскоре после выхода в свет один из критиков назвал поэму «вялой, пустой»... Даже Белинский, так глубоко понимавший пушкинское творчество, в характеристике «Анджело» ошибался. Он видел в ней признак упадка таланта автора. И позже в своем знаменитом цикле статей о Пушкине он сказал об «Анджело»: «Это поэма недостойна таланта Пушкина. Больше о ней нечего сказать».

Шли годы, но поэма не была понята. А.В. Дружинин говорил о ней: «вещь странная, загадочная», и это мнение повторялось не раз».

Вполне можно согласиться с Б.С. Мейлахом, что «Анджело» — одна из литературных загадок Пушкина. Но увы! Вполне резонно согласиться и с мнением Белинского и других критиков, что поэма Пушкину не удалась. Пушкинской легкости стиха в ней как не бывало, стих тяжело-весен, чувства героев искусственны, литературны. И примечательно, поэма написана вслед за заброшенным «Дубровским». Как будто (и в этом тоже загадка) великий талант на какое-то время отказал Пушкину. В чем же дело?

Раздосадованный и раздраженный критикой, Пушкин не хотел признавать свою неудачу с «Анджело». Он даже заявил Нащокину: «Наши критики не обратили внимание на эту пьесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучшего я не написал».

Получается, что «Анджело» для автора — лучшее его сочинение. Конечно, нет. Это наверняка сказано в сердцах.

Между тем Пушкин, вероятно, сам признал неудачу с «Дубровским». Не случайно «Дубровский» не окончен. Пушкин почувствовал, что фальшивит. И бросил свой роман. Как же это произошло?

Как это ни странно, Пушкин, владея социально острым, чисто русским материалом, попытался выразить его в жанре традиционного (и даже уже устаревшего) романа «о благородном разбойнике». А это было, чтиво для массового, невзыскательного читателя.

Свою мысль подкреплю работой петербургского литературоведа Е.О. Ларионовой «Реликты разбойничьего романа в творчестве Пушкина». Вот именно — реликты. Вернее и крепче не скажешь. Исследователь (справедливо) пишет: «Разбойничий» роман уже в 1810-х годах был достоянием самого неискушенного читателя... Разбойничий роман опускается в область коммерческой развлекательной литературы, и обращение Пушкина в начале 1830-х годов к столь архаичной жанровой схеме кажется почти невероятным...» Невероятно, но факт. Видимо, Пушкин хотел написать своего рода «бестселлер» того времени и использовал при написании «общие места» и ходульные литературные приемы: переодевание героя, укрывательство под чужим именем, романтическую любовь, «описание лагеря разбойников, нападение на карету в лесу, сражение с правительственными войсками». Отсюда — неудача. Появление подобной статьи Е.О. Ларионовой —

своего рода знак освобождения от «стояния на коленях» перед Пушкиным. Кстати, она напечатана в сборнике «Пушкин и другие» (Новгород, 1997), посвященном 60-летию главного, так сказать, пушкиниста наших дней С.А. Фомичева.

Безусловно, Россия имеет великую Пушкинистику, которая начала создаваться после смерти поэта и достигла своих вершин после революции. Она, как и творчество Пушкина, — наше национальное достояние. Но безусловно, что в советской Пушкинистике было много догматического, и это сказывается до сих пор. Потому и остаются в Пушкиниане, по словам Б.С. Мейлаха, «белые пятна». Потому и нужны новые идеи. Тот же Мейлах, заявив, что «Анджело» — «загадочная поэма» и она не была понята, предлагает такую разгадку: в ней, мол, раскрыты «сущность тирании, неограниченной власти деспота, отношения власти и народа». Причем проводится еще параллель и с николаевской Россией. Конечно, в чем-то Мейлах прав. Но перед нами — чисто советское истолкование. Вряд ли Пушкин был движим подобными идеями, хотя он и осуждал деспотизм и жестокость тирании. Уверен, что Пушкина волновало все же другое. Об этом свидетельствует сам по себе сюжет «Анджело». Основная интрига поэмы в том, как тиран Анджело пытается любой ценой заполучить невинность красавицы Изабеллы. При чем не останавливается ни перед чем, даже перед преступлением.

Прямо скажем, тема для Пушкина не случайная и не безразличная. Что можно себе позволить с женщиной и женщинами — это для Пушкина была интимно-личная проблема. Он уже высказал ее в своем гениальном «Каменном госте». Платить за вседозволенность с женщинами все равно и неизбежно придется: Дон-Гуан проваливается в ад. В «Анджело» несколько иная трактовка этой темы. Из нее, видимо, вытекает и общая для Пушкина тема вседозволенности (задолго до Достоевского). Она есть, на мой взгляд, и в «Дубровском». Ведь Троекуров может себе позволить все, а вот Дубровский, даже став разбойником, этого не может. Для него нравственная граница существует, и он ее не перейдет. И, конечно, ценность неоконченного романа в том, что в «Дубровском» заключен живой и социально острый житейский материал. В вымышленной схеме разбойничьего романа есть прекрасно выписанные, взятые из жизни страницы: отно-

шения крестьян и помещиков, усадебный быт, лихоимство чиновников, всевластие и вседозволенность Троекурова. Подобное вполне могло быть и на вологодской земле. Так же, как Троекуров, мог вести себя и действовать магнат Межаков.

ОЛЬГА МЕЖАКОВА И ДАНИЛЕВСКИЙ

Шли 50-е годы. В усадьбе Межаковых происходили уже совсем другие события, и они связаны с романом, переживаемым Ольгой Межаковой, правнучкой убитого магната, и Николаем Данилевским, ссыльным — в Вологодскую губернию за участие в тайном обществе, ставшим впоследствии известным мыслителем и ученым. Это достойно особого рассказа, и я обращаюсь к нему, временно оставив тему пушкинского «Дубровского» и его прототипов. Но поведу этот рассказ не сам, а предоставлю слово правнучке Данилевского — Валентине Данильченко (о ней уже шла речь). Она, когда я работал в газете «Русский Север», прислала мне воспоминания о своем знаменитом прадеде, и я частично опубликовал их тогда. А теперь включаю фрагменты этих воспоминаний в свое повествование. Итак, вспоминает Валентина Данильченко.

Есть в Вологодском историко-архитектурном музее-заповеднике картина известного академика живописи, вышедшего из крестьян, П. Тюрин «Дети А.П.Межакова». Среди этих детей — моя прабабушка Ольга. Родилась она в 1838 году в селе Никольское, что в 80-ти верстах к северу от Вологды.

Наш род Межаковых известен с 1612 года, когда донской атаман Филат Межаков присоединился со своим отрядом к войску Минина и Пожарского и участвовал в изгнании поляков из Москвы, а в 1613 году поддержал вступление на трон Михаила Романова. За свои заслуги он получил село Никольское и окрестные земли. В нашем роду были и государственные деятели, и ученые, и поэты, и писатели. А затем с нами породнился знаменитый философ Данилевский. Произошло это благодаря моей прабабушке Ольге Межаковой.

Детство Олечки Межаковой прошло в роскошной усадьбе, с уникальным парком, богатейшей библиотекой, картинной галереей, собственным театром и церковью. Ольга говорила свободно на французском и немецком языках, полу-

чила хорошее домашнее образование, умела отлично рисовать и много читала.

В те далекие времена молодые девушки увлекались вышивкой, а те, кто умел, расписывали себе в приданое фарфоровую посуду. Оля Межакова долго и с любовью трудилась над сервизом, который состоял из 56 предметов и который, выйдя замуж, она взяла с собой в Крым. От этого красивой работы сервиза остались лишь молочник, он у мамы в Петербурге, и большое блюдо, оно в хорошем состоянии и висит в моей гостиной над камином. На блюде цветы в разных композициях — пастельных тонов, от желто-розового до сиренево-голубого, с болотно-зеленоватыми стебельками и листочками. Им больше 136 лет.

Отец Оли Межаковой, Александр Павлович Межаков (1812—1859), родовитый вологодский помещик опубликовал много научных работ о животном и растительном мире, долгие годы культивировал Никольский приусадебный парк.

Получив домашнее образование, А.П. Межаков девятнадцатилетним юношей приезжает в Петербург поступать в университет и останавливается в легендарной гостинице «Демут», здесь он знакомится с Юлией Францевной Тиран, дочерью владелицы отеля, и женится на ней. Так этот отель перешел во владения нашего рода. Этот престижный отель был одним из излюбленных мест литературной элиты России. Здесь в 1828 году Пушкин написал поэму «Полтава». Великий поэт, до своей женитьбы был частым гостем в трактире при гостинице, где писал стихи, кутил, играл в карты. Демутовский трактир им упоминается в повести «Станционный смотритель». По всей вероятности, в трактире, на одной из вечеринок, Пушкин услышал от самого же Александра Павловича Межакова историю неравной борьбы его деда Александра Павловича Межакова (1753—1809), известного вологодского магната, с подпоручиком Иваном Хвостовым, в которой сильный «топит» слабого. Они стали прототипами Троекурова и обедневшего Дубровского.

Блистательный отель моих предков был любим не только Пушкиным, который после свадьбы привез сюда свою красавицу жену Наталью. В «Демуте» останавливались наездами в Петербург И.С. Тургенев, А.С. Грибоедов, П.Я. Чаадаев, Н.В. Гоголь и многие другие знаменитые постояльцы.

Дочь Юлии Францевны Тиран и Александра Павловича Межакова — моя прабабушка, названная в честь своей ба-

бушки, Ольги Ивановны Брянчаниновой, Олей, была стройной осанки и очень женственной.

И вот в Никольском появляется гость, знакомый П.А. Межакова (о котором речь шла выше) Н.Я. Данилевский. Он был холост, его первая жена умерла от холеры, не прожив с ним года. Несомненно, гость очень интриговал воображение юной Ольги Межаковой. Он после суда по делу петрашевцев, о чем уже упоминалось, проведя 100 дней в Петропавловской крепости, был выслан в Вологду под секретный надзор. Резолюцию со словами: «Чем умнее и образованнее человек, тем он может быть опаснее» — наложил лично император Николай I. Это произошло в 1849 году. Село Никольское и дом Межаковых полюбили Н.Я. Данилевскому. Здесь он увлекся юной Ольгой, а отец ее, Александр Павлович Межаков, стал его близким другом. Общего у них было много: знатоки и любители природы, высокообразованные люди, они насаждали новые растения в никольском парке, превращая его в уникальный ансамбль природных красот.

Прошли годы, ссылка закончилась. Н.Я. Данилевский ездил из одной экспедиции в другую, но забыть Никольское не смог. Нежные чувства и воля судьбы определили будущее двух замечательных людей. В октябре 1861 года состоялась свадьба Ольги Александровны и Николая Яковлевича. Став женой выдающегося человека, Ольга Александровна была не только верным другом, но и помощницей, непрременной участницей научных экспедиций Н.Я. Данилевского.

Н.Я. Данилевский стал автором известной книги «Россия и Европа», его нередко называли «русским гением».

Ольга Александровна была любящей матерью. Кроме своих пятерых детей воспитала еще двух девочек и одного мальчика. Всем дала хорошее образование. Она умела создать уют дома и сплотить большую семью. Ее доброту помнили все, кто ее знал. Ольга Александровна Данилевская была человеком редких душевных качеств.

Постепенно Данилевские осели в Крыму. Их имение Мшатка, в переводе с греческого значит «Срединная», свое название получило от горы в Крыму, между Форосом и Ялтой. Дом Данилевских был очень любим. Здесь гостили и бывали поэты, писатели, художники, историки, общественные деятели — Лев Толстой, Аполлон Майков, Николай Страхов, Петр Семенов-Тянь-Шанский и другие. Друзья общались, переписывались.

Побывав после смерти мужа в гостях у Льва Толстого и его жены, О.А. Межакова восторженно пишет об этом

Н.Н. Страхову. В письме к Л.Н. Толстому от 25 апреля 1887 года Н.Н. Страхов вспоминает: «Вчера только получил я письмо от О.А. Данилевской, где она рассказывает, как она у вас была в Москве, с большой радостью и любовью к Вам и графине. Как все это хорошо. Глубоко трогает меня эта женщина.... Про Вас она пишет, что не любить Вас невозможно».

Н.Н. Страхов часто бывал у моих прадедушки и прабабушки в гостях. О чем делился в своих письмах с Л.Н. Толстым: «Весь этот быт Данилевских — тоже для меня очарование. А Ольга Александровна и своими суждениями и своей жизнью трогает меня очень глубоко...»

О.А. Данилевская-Межакова прожила со своим любимым мужем Н.Я. Данилевским 24 года и 6 дней. 22 октября 1885 года, во время своей последней экспедиции на Гохча, Н.Я. Данилевский скончался от сердечного приступа.

Тело дорогого мужа О.А. Данилевская перевезла в Миатку и похоронила в так называемом «Кипарисовом зале». Моей прабабушке было 47 лет, когда она облачилась в траурные одежды, и обычно была во всем черном. В 1910 году О.А. Данилевская-Межакова уснула вечным сном. Ее похоронили в семейной усыпальнице, в «Кипарисовом зале», рядом с мужем.

В советское время могилы Николая Яковлевича и Ольги Александровны Данилевских были залиты бетоном. Здесь играли в футбол и стояли палатки туристов. В последнее время общественность поставила вопрос о восстановлении этих могил и увековечении памяти Н.Я. Данилевского. В 1997 году установили камень с надписью, что здесь будет построена часовня «в знак увековечения памяти великого славянского философа и ученого Николая Яковлевича Данилевского».

* * *

Хотелось бы кратко сказать также о работах Н.Я. Данилевского, получивших всемирную известность. Его книга «Россия и Европа» была впервые издана в 1871 году и вызвала широкую полемику. Ф.М. Достоевский отзывался о ней так: «Да ведь это будущая настольная книга всех русских надолго; и как много способствует тому язык и ясность его, популярность его, несмотря на строго научный прием». Жена Достоевского Анна Григорьевна вспоминает: «В конце зимы 1872 г. Федору Михайловичу удалось встретиться с Николаем Яковлевичем Данилевским, фурьеристом. Федор Михайлович был в восторге от книги Данилевского «Россия и Европа».

Оба — и Данилевский и Достоевский — как известно, были осуждены по делу Петрашевского.

Последние годы жизни Данилевский работал над двухтомником «Дарвинизм — критическое исследование», где он подверг уничтожающей критике учение Дарвина об естественном отборе. Происхождение видов Данилевский объяснял деятельностью высшего разума.

Л. Н. Толстой живо интересовался мнением Данилевского по этим проблемам, а также высоко оценивал его идеи, изложенные в книге «Россия и Европа». Летом 1885 года, будучи в Крыму, великий писатель навестил «мишатского затворника», как он его называл, и целый день провел в гостях у Данилевских.

Через год после смерти ученого А. А. Фет, побывавший на его могиле, написал стихотворение «Памяти Данилевского».

Прошли годы, и Россия очнулась от «великого дурмана». Крымский центр гуманитарных исследований, руководимый профессором В. П. Казариным, начиная с 1994 года проводит в Мишатке научные чтения, посвященные Данилевскому.

После более чем столетнего перерыва, в 1991 и 1995 годах, переиздана книга «Россия и Европа». Ее содержание настолько многопланово, что может служить не только предметом исследования для философов, политологов, историков, но и быть интересным для любого образованного человека.

Основа книги — учение о культурно-исторических типах, которое кратко может быть сведено к следующим положениям.

Всемирной истории, как единой линии общественного прогресса не существует. Основными носителями исторической жизни являются культурно-исторические типы (цивилизации), отличающиеся друг от друга своим особым смыслом, красотой и внутренней структурой. Данилевский выделяет в хронологическом порядке десять культурно-исторических типов.

Одна из главных идей книги — это предостережение об опасности денационализации культуры, отрыва от национальных истоков. Раньше большинства своих современников русский мыслитель понял, ради того, чтобы «культурная сила» не иссякла в человечестве вообще, необходимо противостоять власти одного культурно-исторического типа. «Всемирная монархия, всемирная ли республика, всемирное ли господство одной системы государств — одного культурно-исторического типа, одинаково вредны и опасны для прогрессивного хода истории», — прозорливо указывал Данилевский.

В. Я. Данильченко, правнучка Данилевского

К воспоминаниям Валентины Данильченко следует добавить: все же главной идее Данилевского, что Россия должна объединить всех славян и стать во главе Всеславянского союза, не суждено в наше время сбыться. Напротив, после распада Советского Союза славянские народы оказались в различных лагерях, в различных государствах. Особенно трагична судьба Югославии. И остается надеяться только на будущее...

ВОЛОГОДСКИЕ ТРОЕКУРОВ И ДУБРОВСКИЙ?..

Но возвращаюсь к теме пушкинского «Дубровского». Именно правнучки Н.Я.Данилевского В.Данильченко и И.Рау свидетельствовали о семейном предании Межаковых, будто Пушкин мог использовать при написании романа и трагическую историю, связанную с магнатом Межаковым. Это не исключено.

Парадокс, но след убийства вологодского магната дотянулся до нашего времени. В советский период для местных историков это был классический пример борьбы угнетенного крестьянства с крепостником-помещиком. Вологодские краеведы долгие годы писали так: убит возмущенными крестьянами, которых возглавил приказчик Аскирит Николаев, мол, не выдержали жестокой эксплуатации крепостника-помещика.

Первой подвергла сомнению эту версию в девяностые годы современная представительница рода Межаковых москвичка О.И.Шафранова. Она посчитала главной причиной убийства магната личный конфликт между супругами Межаковыми. Варвара Михайловна Межакова ушла к другому, муж начал ее преследовать, и в результате, по этой версии, все кончилось убийством Межакова, видимо, нанятыми убийцами. Так ли это?

В 1995 году кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Вологодского музея-заповедника М.Е. Даен высказала другую версию в статье «Тайна одного портрета, или «Вологодский Троекуров» (Русский Север. 1996). Дело в том, что в Вологодском музее-заповеднике хранится портрет уже старого, обрюзгшего, но еще крепкого, с острыми, буравящими глазками Александра Михайловича Межакова кисти неизвестного художника. Портрет отнюдь не выдающийся, однако отличающийся весьма странными особенностями, которые, как отмечает М.Е. Даен, дали основание предположить «что в портрете заключается тай-

на». В августе 1995 года известный вологодский реставратор Н.И.Федышин сделал с портрета рентгенограмму — и на рентгеновском снимке из-за изображения Межакова выступило совершенно другое лицо — стройный молодой человек в военной форме.

И возник вопрос — зачем это было сделано? Зачем было записывать лицо молодого человека и наносить по изображению портрет старика Межакова? М.Е. Даен пишет: «Вероятно, в данном случае мы имеем дело с некоей интригой, в результате которой жертвой стал молодой военный». Своего рода месть победителя, так как лицо рисовалось прямо по лицу побежденного врага.

М.Е. Даен высказывает предположение, что это мог быть закрасенный портрет мелкого помещика Петра Хвостова, у которого Межаков в 1797 году с помощью подделки выиграл суд и отобрал его имение.

«В связи с этим, — пишет М.Е. Даен, — невольно вспоминаешь конфликт всесильного генерал-аншефа Троекурова и гордого, но обедневшего столбового дворянина гвардии поручика Андрея Ивановича Дубровского, ставшего его жертвой».

Кстати, у разоренного Межаковым помещика Хвостова был также сын (возможно, это он первоначально изображен на портрете). Это семейство находилось в родстве с «великим графоманом» графом Хвостовым. Но ничто не помогло. Межаков оказался сильнее.

* * *

Если даже посчитать, что «Дубровский» — литературная неудача Пушкина, то все равно неудача гения имеет особое значение. Тем более что образы неоконченного пушкинского романа вошли в наше сознание, стали как живые для нас. Созданы бесчисленные иллюстрации, фильмы, спектакли. Наверное, обращение к жанру разбойничьего романа было литературной ошибкой для Пушкина. Что из того теперь...

Ведь это написал сам Пушкин. Но...

На мой взгляд, отдельные литературные неудачи Пушкина, как это было с «Дубровским» и «Анджело», нападки и непонимание критики, заявлявшей, что он исписался, содействовали тому сложному психологическому состоянию Александра Сергеевича, которое затем привело к внутреннему срыву и, в конечном итоге, к самой дуэли.

Другой важнейшей причиной кризиса стали отношения с женщинами (в том числе с женой). И среди женщин была та, единственная, которая знала о предстоящей дуэли. О ней много писали, но сказано далеко не все...

ЗИЗИ

Осенью 1895 года вологжанин Юлий Михайлович Зубов посетил псковское имение своих родственников Голубово. Юлий Зубов был личностью незаурядной. Являясь помещиком Кадниковского уезда Вологодской губернии, он сумел стать известным путешественником, объехать полмира. Увлекался авиацией, делавшей тогда первые шаги. В Париже знаменитый авиатор Блерио подарил ему свой памятный значок. Писатель Сергей Марков пишет: «Юлий Зубов путешествовал по дальним странам, побывал даже на Канарских островах. Он был еще где-то на островах Океании и якобы оттуда привез таитянку, и был страшный скандал, когда губернатор пригласил его на бал. Когда в швейцарской с таитянки сняли плащ, то она оказалась в первозданной красоте и ее пришлось вместе с Зубовым удалять с бала.

Действительно, Зубов был человек невероятной, фантастической жизни, как говорили, пробовавший даже изобретать летательные аппараты. К тому же Зубов являлся страстным поклонником творчества Пушкина и очень гордился, что его дальняя родственница Зизи Вульф-Вревская имела какие-то особые отношения с Пушкиным. И интересовался всем, что связано с этим. Имение Голубово как раз хранило следы Пушкина и Зизи.

Зубов гостил в имении у своей тетушки. И она показала ему принадлежавшую теперь ей бесценную пушкинскую реликвию — первое издание четвертой и пятой глав «Евгения Онегина» с автографом Пушкина. Зубов написал об этом так: «Моя тетушка была Евпраксия Николаевна, урожденная Вульф, с которой Пушкин списал свою Татьяну или Ольгу. Тетушка показывала мне экземпляр «Евгения Онегина» издания 1828 года на серейшей бумаге с собственноручною на нем подписью Пушкина: «Евпраксии Николаевне Вульф от автора. Твоя от твоих».

В пушкинском автографе, видимо, заключалась какая-то загадка. Почему Пушкин написал слова, взятые из молитвы? Зубов ничего на этот счет не указывает. Загадка

остается, пройдя сквозь время, и ныне. «Вот уже более столетия исследователей интригует загадочная подпись «Твоя от твоих». Общий смысл выражения, взятого из молитвы, более или менее ясен: «тобой внушенное — к тебе возвращается». Сложнее с конкретным содержанием, вложенным Пушкиным в дарственную подпись» (Кунин В. Друзья Пушкина. Т. 2. М., 1987).

А что же Зизи? На первый взгляд, в их отношениях с Пушкиным все очень просто, легко и объяснимо. На его глазах «гадкий утенок» Зизи превратилась в прелестную семнадцатилетнюю девушку, веселую, жизнерадостную, кокетливую, забавную, без каких-то особых проблем. Может быть, она подсказала поэту в чем-то образ Ольги в его великом романе в стихах. Зизи, как пишет П.В. Анненков, «была душою веселого общества, собиравшегося по временам в Тригорском; она играла перед ним арии Россини, мастерски варила жженку и являлась первою во всех предприятиях по части удовольствий». И Пушкин посвящает ей свои стихи: «Если жизнь тебя обманет...» или это — светлое и веселое:

Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец —
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

Шутливые строки, но все же чувствуется в них что-то любовное. А далее будут «невинные» строки в пятой главе «Евгения Онегина».

Цимлянское несут уже;
За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобно талии твоей,
Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!

Что же это, как не признание в любви, хотя и облаченное в веселую, светлую шутку? Но не случайно и мать Зизи, а затем и жена Пушкина будут ревновать ее к нему. А Вульф заметит, что Зизи была увлечена Пушкиным. Вульф такое не стал бы замечать напрасно. Правда, Осипова будет утверждать, что Пушкин любил ее дочь, «как нежный брат», но братская любовь между мужчиной и женщиной — чаще всего весьма сомнительна, тем паче при

пушкинской способности постоянно быть эротически влюбленным.

В «донжуанском списке» Пушкина Зизи — тринадцатая (ну и число!) по счету. Это — 1829 год. Натали Гончарова, за которой поэт тогда ухаживал, — на шестнадцатом месте. Эти шестнадцать женских имен к 1829 году — среди бесчисленных увлечений Пушкина — его самые сильные проявления любви. Мимолетные увлечения поэт просто не обозначает.

А потом Пушкин женился, а Зизи вышла замуж за барона Вревского и принялась за «труды материнские». Жизнь взяла свое. Пушкин иронизировал, как воздушная Зизи, имевшая идеальную талию, превратилась в дебелую матрону, многодетную мамашу. Но тем не менее все равно выделял ее и даже в конце 1836 года в письме передавал ей «поклон» «в особенности». В самое тяжелое для себя время, в январе 1837 года, накануне дуэли, Пушкин в Петербурге пришел облегчить свою душу именно к Евпраксии Николаевне. Он «открыл ей свое сердце»; лишь она знала о предстоящей дуэли с Дантесом, и именно она была рядом с поэтом «все последние дни его жизни». Вот такая ответственность, невероятно сложная участь выпала на долю этой женщины. Даже только за это она должна занимать особое место в судьбе Пушкина.

И последнее. Перед смертью Евпраксия Николаевна передала дочери «большую пачку писем к ней Пушкина». Значит, существовала тайная переписка, и большая. Такое не могло быть случайным. Умирая, Евпраксия Николаевна завещала дочери сжечь послания поэта. Конечно, она прекрасно знала, какую огромную ценность представляют собой письма Пушкина. Но ее предсмертная воля могла означать только одно: это были интимные, любовные письма, касающиеся только их двоих, и никого более. И дочь, чтобы не нарушать волю матери, «предала всю пачку писем сожжению».

Таков финал этой любви.

* * *

А может все не так? Ведь В. Вересаев высказывает другую точку зрения. Говоря о любовных приключениях Пушкина, Вересаев пишет: «Перед нами то дерзкий и бесстыдный сатир, то застенчивый до смешного мальчик, то «рыцарь бедный», пламенеющий чистой любовью к той, «кого

назвать не смеет». Какова же была его любовь к Евпраксии?» И, ссылаясь на одно весьма двусмысленное место в дневнике Вульфа, брата Зизи и пушкинского доверенного приятеля, склоняется к мысли, что, скорее всего, Пушкин соблазнил Зизи и у них была плотская связь.

Собственно на само Тригорское, его нравы и пушкинскую роль в Тригорском можно посмотреть совершенно различно.

Вот две противоположные точки зрения, обе — крайние.

Юрий Нагибин — из дневника:

«Поэтичное Тригорское было борделем, тон задавал Пушкин, живший со старухой Осиповой, со всеми ее дочерьми, с сестрами Керн (в соавторстве с Вульфом), с дворовыми девушками — в малой баньке в глубине парка, вообще со всеми существами женского пола, появлявшимися хоть на миг в Тригорском. Высокая порядочность здешних людей имеет тот же пушкинский вывих; тут не противятся властным велениям плоти».

М.И. Семевский — из статьи «Прогулка в Тригорское»:

«Пушкин под кровом Тригорского находит столь живое участие в сфере просвященного семейства Прасковьи Александровны, поэт встречает девушку, исполненную красоты, ума и грации (Евпраксия Николаевна), воспламеняющую его сердце огнем чистой и возвышенной любви; музыка, наука, поэзия, красота, природа — все соединяется в гармоническое целое».

Кто же прав — Нагибин или Семевский? Думаю, как это говорится, истина посередине. Конечно, в записях Нагибина — большая доля цинизма, но есть и доля правды. Кстати, Осипова не была старухой, ей в те времена — чуть за сорок, она — в «соку». И прямо скажем, Пушкин как человек — отнюдь не пример во многих отношениях. Другое дело его творчество. Здесь нам открываются высшие примеры красоты и плотской, и духовной.

А в жизни, видимо, было много тайного, грешного: и мать, и дочь, и племянница — Керн. В последний период, вероятно, две сестры: жена Натали и ее сестра Александрина. И он чувствовал — Дон-Гуана ждет расплата. Шаги командора уже слышны.

Но почему она, Зизи, ничего не сделала, чтобы предотвратить дуэль? Это осталось тайной.

Может, ничего не могла сделать, как донна Анна...

ПРЕКРАСНАЯ УБИЙЦА ПУШКИНА

За кулисами трагедии, приведшей к гибели гения стоит женщина. Прекрасная убийца Пушкина — так я ее называю. Свою версию я выдвинул и обосновал в книге, составляющей первую часть моей дилогии — «Неразгаданные тайны Пушкина». Это — Идалия Полетика. Но что же мною сказано нового? Ведь про Идалию Полетику писали все, кто обращался к теме дуэли Пушкина с Дантесом. Но никто из исследователей (вероятно — никто) не указал конкретно на роль Полетики в гибели поэта. Об этой коварной красавице написано очень много, но расплывчато, уклончиво: мол, да — она сыграла какую-то неблагоприятную роль в том, что произошло. И Полетика всегда оставалась как бы в стороне от роковой дуэли. По моей версии, она — главная виновница.

Думается, что большинство исследователей как бы недооценивают Полетику. Анна Ахматова относится к ней с презрением, упоминая лишь о «змеином шипении» красавицы Идалии. Есть и другая точка зрения. С.Абрамович пишет: «Имя этой женщины не раз упоминается биографами поэта, но всегда с оттенком недоумения. И это не удивительно. Дошедшие до нас свидетельства о ее отношениях с Пушкиным достаточно противоречивы, что связать их, видимо, не представляется возможным. В истории взаимоотношений Полетики с Пушкиным есть какая-то загадка, которую пока не удалось прояснить».

По моей версии, прояснить это вполне возможно. И в этой книге я уточняю, расширяю, поясняю свою версию. Но сначала следует повторить все развитие трагических событий, приведших к роковой дуэли. Я пишу об этом в повести, которая открывает мою книгу. Но теперь — мой рассказ полностью документален.

Конечно, дуэли и смерти Пушкина, как и интриге, этому предшествующей, посвящено огромное количество работ нескольких поколений пушкинистов. Любой, даже мелкий факт, относящийся к этой теме, рассмотрен, изучен, прокомментирован. Классическим является труд П. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» (первое издание 1916—1917 гг.). В наше время появилось и получило широкую известность исследование С. Абрамович «Предыстория последней дуэли Пушкина» (С.-Пб., 1994; первое издание, под названием «Пушкин в 1836 году»). Но даже такой, избегающий всякой сенсационности, добросове-

стейший и тонкий исследователь, как Стелла Абрамович, указывает, что в этой трагедии, приведшей к дуэли и смерти Пушкина, «с самого начала было много неясного и даже загадочного». И следует добавить, что это неясное и загадочное остается до сих пор. Более того, то, что считалось Щеголевым бесспорным и доказанным, ныне уже таковым не является. Загадочность не только не устранена, вроде бы даже возросла. Когда и как это началось? Все исследователи единодушны в том, что в роковом ходе обстоятельств особое значение имели события, происходившие в ноябре 1836 года. И среди этих событий — особое место занимает свидание Н.Н. Пушкиной с Дантесом, устроенное именно Полетикой на ее квартире.

* * *

2 ноября состоялось свидание Натали Пушкиной с Жоржем Дантесом на квартире Идалии Полетики в кавалергардских казармах. Видимо, неожиданное для Натальи Николаевны. Она поехала в гости к Идалии Полетике по ее приглашению. Но когда вошла в квартиру, то выяснилось, что хозяйки дома нет, а в квартире находится один Дантес. Это свидание охранял на улице около квартиры (есть такая версия) любовник Идалии — Петр Ланской. В будущем второй муж Натальи Николаевны, горячо любимый ею (она будет называть его — «мой золотой муж»).

Что же произошло в квартире? Натали впоследствии рассказала В. Вяземской, что Дантес вынул пистолет и грозил застрелиться, если она «не отдаст ему себя». Скандальная, пикантная ситуация. Отдайся Натали Дантесу, иначе произойдет трагедия. Что же делать Натали?

* * *

Но, вероятно, прежде, чем говорить о том, что происходило далее на квартире Полетики между Натальей Николаевной и Дантесом, следует хотя бы кратко вернуться на некоторое время назад, к январю 1836 года, к началу их сложных и бурных отношений.

Именно тогда, в январе 1836 года Дантес начал настойчивые и открытые ухаживания за Натали. К тому времени он уже был известной фигурой в петербургском обществе.

Французский подданный, уроженец Эльзаса, он прибыл в Россию, «на поиск счастья и чинов» в 1833 году, имея рекомендательное письмо прусского наследного принца Вильгельма (в Пруссии ему тем не менее не нашлось «подходящего» места из-за его претензий). Понравился Николаю I и был зачислен в кавалергардский полк. «Он был сначала так беден, что сидел большей частью дома. Императрица Александра Федоровна, шеф кавалергардов, назначила ему денег из своей шкатулки» (П. Бартенев). Однако превращение бедного француза в блестящего кавалергарда, первого красавца на вечерах, соблазнителя женщин, «рубаху-парня» среди кавалергардов произошло очень быстро. Л. Абрамович пишет: «Ближайший приятель Дантеса А. Трубецкой впоследствии рассказывал, что у молодого француза было множество романов во время его пребывания в Петербурге. Трубецкой вспоминал: «Дантес постоянно ухаживал за дамами, постоянный успех в дамском обществе избаловал его: он относился к дамам вообще, как иностранец, смелее, развязнее, чем мы, русские... если хотите, нахальнее, наглее» И все это искусство оболъщения обрушилось на Натали. В ее увлечении Дантесом было, конечно, что-то очень естественное: они составляли «идеальную», красивейшую пару на балах.

В январе 1836 года Дантес пишет о своей любви голландскому посланнику Геккерну: «...Я безумно влюблен. Да, безумно, так как я не знаю, как быть, я тебе ее не назову, потому что письмо может затеряться, но вспомни самое прелестное создание в Петербурге и ты будешь знать ее имя. Но всего ужаснее в моем положении то, что она тоже любит меня и мы не можем видеться до сих пор, так как муж бешено ревнив...» Письмо заканчивается такими словами: «До свидания, дорогой мой, будь снисходителен к моей новой страсти, потому что тебя я также люблю от всего сердца».

Обратим внимание на последние слова. Что это за просьба о снисхождении к «новой страсти» и что это за любовь Дантеса к Геккерну? Покровитель Дантеса, голландский посланник Геккерн в мае 1836 года официально «усыновил» его. Что кроется за всем этим? Скорее всего то, что они состояли в гомосексуальной связи.

Во всяком случае об этом ходили слухи. Упомянувшийся выше Трубецкой вспоминал: «Не знаю, как сказать: он ли жил с Геккерном, или Геккерн жил с ним... В то

время в высшем обществе было развито бургство. Судя по тому, что Дантес постоянно ухаживал за дамами, надо полагать, что в сношениях с Геккерном он играл только пассивную роль. Он был очень красив...» Говоря современным языком, Дантес был бисексуален.

А вот точка зрения современного исследователя: «Состоявшие в безнравственной интимной связи, эти люди готовы были замарать кого угодно, не считаясь с честью и достоинством русских дворян, чтобы скрыть свои пороки и взаимоотношения. Жертвой их стала первая красавица Петербурга и поэт — ее муж. Долгие ухаживания и «безумная страсть» Дантеса стоили недорого» (В. Кунин. Последний год жизни Пушкина. М., 1988).

Конечно, наши чувства по отношению к Дантесу понятны; для нас он — убийца величайшего национального поэта, который никогда в России не будет прощен. Но наше негодование против убийцы Пушкина не должно лишать нас объективности по отношению к нему. Пока лишь можно утверждать: все пушкинисты по отношению к Дантесу необъективны, и это объяснимо. Но тем не менее — только из нравственного негодования — вряд ли нужно отрицать, что Дантес мог быть какое-то время действительно влюблен в Натали. И это вполне могло сочетаться в нем и с гомосексуальными склонностями, и волокитством за другими женщинами (в частности, за княжной Барятинской, о чем пишет С. Абрамович).

По моему мнению, Дантес был вполне искренен, когда писал Геккерну об объяснении, которое состоялось у него с Натали в феврале 1836 года:

«Она сказала мне, я люблю вас так, как никогда не любила, но не просите у меня никогда большего, чем мое сердце, потому что все остальное мне не принадлежит, и я не могу быть счастливой иначе, чем уважать свой долг. Пожалейте меня и любите меня всегда так, как вы любите сейчас, моя любовь будет вашей наградой. Право, я упал бы к ее ногам, чтобы их целовать, если бы я был один, и уверяю тебя, что с этого дня моя любовь к ней еще возросла, но теперь это не то же самое: я ее уважаю, почитаю, как уважают и почитают существо, к которому вся ваша жизнь привязана».

Мне кажется — вот он, высший человеческий взлет Дантеса. Он принимает решение — поступить благородно и самоотверженно. И если бы так произошло, дуэли бы не было. Трагедии бы не произошло.

А сам Дантес вошел бы в историю как достойный человек, способный к поступку нравственной пробы. Правда, в таком случае он не получил бы своей преступной славы. В Наталью Николаевну влюблялись многие, но мы даже не знаем их имен. И Дантеса бы знали только литературоведы, «узкие» специалисты, поступи он так, как писал.

Но «суждены нам благие порывы...» Дантес не удержался на уровне своего порыва. «В 20-х числах октября наступил кризис в отношениях между Н. Н. Пушкиной и Дантесом» (С. Абрамович). Дантесу уже мало любящего сердца Натали, он стал добиваться большего. А Наталья Николаевна отрезвела, испугалась, поняла, что все это чревато опасностью для ее семейной жизни. И Дантесу было отказано от дома.

И тогда в ход был пущен низкий шантаж. Когда Дантес заболел, «старик Геккерн сказал госпоже Пушкиной, что он умирает из-за нее, заклинал ее спасти его сына» (А. Карамзин), склонял ее «изменить своему долгу» (П. Вяземский). Но тогда этот шантаж не прошел.

У Дантеса и Геккерна ничего не получилось. И вот 2 ноября на квартире Полетики Дантес прибегает к новому шантажу.

Такое Наталья Николаевна не могла себе вообразить: она одна в квартире с Дантесом, и он с пистолетом в руках грозит застрелиться, если она не отдастся ему.

«Пушкина не знала, куда ей деваться от его настояний; она ломала себе руки и стала говорить как можно громче. По счастью, ничего не подозревавшая дочь хозяйки дома явилась в комнату, и гостья бросилась к ней» (Вяземская). Так Натали «вырвалась» из рук Дантеса и, если верить рассказам Вяземской, явилась к ней «вся впопыхах и смятении чувств». (В. Кунин. Последний год жизни Пушкина.) Мужу она в этот день ничего не сказала.

А 3 ноября кем-то неизвестным или неизвестными в издевательском тоне был написан грязный пасквиль — «диплом» о принятии Пушкина в «орден рогоносцев», размножен в семи или восьми экземплярах и разослан друзьям поэта. 4 ноября Пушкин получил пасквиль, «у него состоялось объяснение с Натальей Николаевной... Зная ее, Пушкин поверил ей безусловно» (С. Абрамович). Поэт послал вызов Дантесу и обвинил в написании пасквиля Геккерна.

Собственно, никто в свете не сомневался, что именно голландский посланник Геккерн вел коварную интригу про-

тив Пушкина. Об этом, к примеру, говорится даже в письме Николая I брату. Царь писал: «Порицание поведения Геккерна справедливо и заслуженно; он точно вел себя как гнусная каналья. Сам сводничал Дантесу в отсутствии Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто умирал к ней любовью... Жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведения обоих». И обвинение в адрес Геккерна было естественно и логично.

Не исключено, что голландский барон завел столь сложную интригу против Пушкина и его жены, чтоб избежать любого подозрения в своей гомосексуальной связи с Дантесом, приемным «сыном». Во всяком случае Пушкин был уверен, что автором пасквиля является именно Геккерн.

Но время этого не подтвердило. Подозрение в грязном авторстве пало на двух лиц, близких, разумеется, кругу Геккерна — на Ивана Гагарина и Петра Долгорукова, оба они являли собой личности любопытные, сложные, противоречивые.

Но уже в наше время, в 1966 году, была проведена экспертиза по проверке этой версии. Применялись новейшие методы исследования. Затем, как пишет В. Кунин: «В 1976 году был обнародован результат еще одной экспертизы «диплома ордена рогоносцев». На этот раз киевский специалист С. А. Ципенюк пришел к выводу, что почерк диплома по ряду признаков не схож ни с почерком Гагарина, ни с почерком Долгорукова... После того, как почти 120 лет над ними тяготело страшное обвинение, нужно сказать, наверное, больше: «по настоящему делу Гагарина И. С. и Долгорукова П. В. считать реабилитированными...».

Итак, пасквиль не писали ни Геккерн, ни Дантес, ни их приятели — Гагарин и Долгорукий. Ныне это доказано. Но кто же автор?

«Исследователи разных времен с объяснимой болезненностью воспринимали то обстоятельство, что ни знания пушкинского окружения, ни детальное изучение обстоятельств жизни поэта в 1836—1837 годах, ни почерковые экспертизы, наконец, не дают однозначного ответа на вопрос, кто автор диплома, а называли ряд имен — целый «кандидатский список». В него попали люди по единственному признаку — они ненавидели Пушкина» (В. Кунин). Но ненависть — еще не улика. И тем не менее — исключительная ненависть может быть косвенной уликой. После гибели Пушкина даже его враги ведут себя сдержанно, не-

которым из них свойственен «жалкий лепет оправдания», ведь смерть многое меняет. Но есть в этом «кандидатском списке» лицо, которое, выдавая себя, сразу выделяется из всех неизменной, открытой, невероятной ненавистью к поэту. Такое случайно быть не может. Это и послужило для меня толчком для создания своей версии...

Что превратило приятельницу Пушкина и его жены в лютого врага? Было время, когда Пушкин из Болдино передавал привет Идалии Полетике особо и обещал игриво: «За ее поцелуем вернусь лично». «И эта женщина, к которой он обращался так дружески ласково, весело и шутивно, как оказалось, была его смертельным врагом» (С. Абрамович).

Но отчего? На то есть неопровержимые документальные свидетельства. Такой авторитетный свидетель многих фактов из жизни Пушкина как П. Бартенев указывал, что поэт «не внимал сердечным излипаниям невзрачной Идалии Григорьевны и однажды, едуци с ней в карете, чем-то оскорбил ее». Лишь одно вызывает в этой цитате явное возражение — Бартенев не прав, называя Полетику «невзрачной». По общему мнению, она была очень красива, о чем свидетельствует и ее портрет кисти П. Соколова.

Но чем же Пушкин оскорбил Полетику? Чем можно оскорбить женщину на всю жизнь? Догадаться, во всяком случае предположить, на мой взгляд, несложно. Случилось нечто глубоко личное, способное больно задеть и оскорбить женщину, сразу превратив ее дружеские чувства в глубочайшую вражду. Что же это? Если допустить, что Пушкин покушался на честь Полетики, то у опытной, искушенной в любви светской львицы могла возникнуть обида, которая несомненно прошла бы со временем. Подобное не могло быть причиной бешеной ненависти. Но вот если предположить обратное: Пушкин не ответил на любовное предложение Полетики, не знавшей интимных поражений... В таком случае внезапно возникшая ненависть становится вполне понятной и психологически объяснимой. Может быть, Идалия Полетика была даже по-своему влюблена в Пушкина. Бог весть. Но скорее всего ей могло двигать эротическое любопытство, прихоть, желание любовного приключения. Конечно, Пушкин от подобного не отказывался. Но вот тут что-то не получилось. И Пушкин не выполнил своей мужской роли. Не сумел, не захотел в тот миг, пренебрег? Кто его знает. Но такое женщи-

ны не прощают. И все мгновенно переменилось в душе Полетики. Она пришла в бешенство. И отсюда — жажда мести. Полетика начинает мстить Пушкину и мстит по-женски изощренно. А Пушкин, ослепленный своей ненавистью к Дантесу и Геккерну, не придает этому особого значения, даже не видит этого.

Но, увы, он недооценил эту женщину. То же самое можно сказать и об исследователях его биографии. Все ищут каких-то глобальных причин и крупных фигур. А как раз требуется только одно: посмотреть на роль Идалии Полетики в этой трагедии внимательно, очень серьезно, сделав на этом акцент.

В том, что Идалия Полетика была способна к сложной интриге и изощренной мести, не сомневались ни современники, ни исследователи последующих времен. Точную психологическую характеристику дает ей Л. Гроссман в своем романе «Записки д'Аршиака»: «Идалия Полетика принадлежит к типу тех живых, подвижных и разговорчивых женщин, которым свойственны обычно рискованные похождения и смелые светские интриги. Южный темперамент превращает их жизнь в богатую эротическую эпопею, а личные столкновения заставляют их сплести сложные и таинственные, в которых находят себе выход их честолюбие, вражда, ненависть, а подчас и жестокая мстительность. К такому типу женщин принадлежали Екатерина Медичи, Елизавета Английская и Марина Мнишек... Она одерживала бесчисленные победы или же искусно заплетала тайные нити своих домашних заговоров».

Кажется, впервые на Идалию Полетику серьезное внимание обратил писатель Борис Ласкин. В своей статье «Дело» Идалии Полетики» (журнал «Вопросы литературы». 1980. №6) и в книге «Вечности заложник» (М.: Сов. писатель, 1991) он делает из Идалии Полетики чуть ли не главную фигуру в интриге против Пушкина. Но, при всех обширнейших знаниях и находках Б.Ласкина в Пушкинистике, его версия, на мой взгляд, является просто фантастической. По этой версии, Дантес питал тайную страсть не к Наталии Николаевне, а к Идалие Полетике, и именно Идалия Полетика совместно с Дантесом, по мнению Б.Ласкина, затеяла сложную интригу против жены Пушкина для отвода глаз, для того, чтобы скрыть свой любовный роман от «света» и от мужа Идалии, прямого начальника Дантеса. Отдавая должное оригинальности мысли автора, искренне считаю, что доказать подобное невозмож-

но. «Дело» Идалии Полетики несомненно, было, но заключалось оно совершенно в другом. О чем и говорится в моей книге.

Во мне нет ни малейшего намерения в чем-то очернить Идалию Полетику. Отдаю должное ее уму, ироничности, свободе и раскованности в поведении и, конечно, красоте. Более того, признаюсь, что, впервые увидев ее портрет кисти П.Соколова, испытал неотразимое обаяние этой «зловещей красавицы». Так называл ее известный литературовед И.Зильберштейн, который привез на родину 1966 году из Парижа, из коллекции бывшего белого офицера А.Попова этот портрет Идалии. Зильберштейн называл его «шедевром русской акварельной живописи» и, в эмоциях столь мне понятных, так писал о нем: «Полетика, рыжеволосая красавица в горностаевом палантине, смотрит прямо на нас. Оторваться от ее лица невозможно. («Огонек». 1966. № 47). Зильберштейн тоже задавался вопросом: «В чем загадка отношений Пушкина и этой женщины?» И, вероятно, был на самом пороге разгадки, написав: «В литературе существует авторитетное свидетельство о том, что когда-то Пушкин не внял «сердечным излияниям» Идалии Григорьевны и «однажды, едуци с ней в карете, чем-то оскорбил ее». Кажется, до разгадки нужно было сделать всего лишь шаг, но Зильберштейн почему-то его не сделал.

Еще одна цитата из П.Бартенева: «Есть повод думать, что Пушкин, зная свойства Идалии, оскорблял ее, и она из мести была сочинительницей анонимных писем, из-за которых произошел поединок». Кажется, все очевидно, объяснимо, круг замкнулся. Но ведь свидетельства П.Бартенева известны каждому, кто писал о дуэли Пушкина. Почему же пушкинисты как бы проходят мимо... На то, думается, есть свои причины. В том числе и психологические. Как уже говорилось, в гибели Пушкина все ищут глобальных причин. Раньше такая глобальная причина находилась — заговор двора и света. Ныне она отпала, но традиция осталась. И главное, видимо, пушкинисты считают свидетельства Бартенева недостаточными для доказательства вины Полетики. И это можно понять. Ученый должен иметь дело лишь с точными и убедительными фактами. Но писатель выходит за эти рамки. Писатель тоже — исследователь, но прежде всего людской психологии и в своей работе факты сочетает с интуицией и психологическим анализом.

Разумеется, о том, что произошло в карете, доподлинно неизвестно. П. Бартенев, встречавшийся с Италией Полетикой записал ее рассказ, и разумеется, версия Италии очень любопытна. Бартенев свидетельствует: «Она рассказывает, что однажды они ехали в карете и напротив сидел Пушкин. Он позволил себе схватить ее за ногу». Затем, якобы по настоянию Натальи Николаевны, он просил у Италии прощения. То есть, якобы, Н.Н. Пушкина тоже была в карете.

Но сама Италия здесь совсем ненадежный источник. И Бартенев, видимо, полностью не поверил ей, для него — произошедшее в карете являлось как бы продолжением того, что произошло между Пушкиным и Полетикой ранее и связано с тем, что поэт не «внял ее сердечным излияниям». А ведь Пушкин мог в эмоциях допустить любую, даже оскорбительную выходку.

Но если это верно, то возникает новый вопрос — почему Пушкин отказался от красивой женщины? Это было так не свойственно ему. Он от красавиц не отказывался.

У меня есть следующее объяснение: Пушкину бывшая приятельница Италия стала неприятна из-за своих близких отношений с Дантесом, который был отвратителен для него. Свою неприязнь к Дантесу он переносил на все, связанное с ним, и на всех, кто с ним был связан.

Конечно, можно и не придавать особого значения тому, что произошло в карете. Не исключено даже, что это — своего рода легенда. Ведь в книге С.Абрамович убедительно доказана несостоятельность другой версии: о том, что, якобы, причиной конфликта между поэтом и Италией послужил мадригал, написанный в качестве шутки 1 апреля. Ныне это отрицается.

Но невозможно отрицать свидетельство Бартенева. Оно очень логично: Пушкин отказался от Полетики, и она, охваченная чувством мести, стала «сочинительницей анонимных писем» (вернее, одного письма — то есть пасквиля). Вся совокупность известных ныне сведений, в том числе косвенных и различных деталей, психологических моментов подтверждает это.

Психологически можно объяснить, почему именно 3 ноября, как это доказали новейшие исследования, был написан пасквиль и при каких обстоятельствах он был написан. Вспомним, 2 ноября на квартире Полетики рухнул план по соблазнению Натальи Николаевны Пушкиной. А ведь это был план: Италия, обманом заманив Наталью Ни-

колаевну к себе на квартиру, оставила ее наедине с Дантесом. Подчеркиваю: все это было подстроено.

Но не получилось. И в эмоциональной обстановке неудачи для интриганов могло возникнуть желание сразу же взять реванш любой ценой, пойти на новую крайность и выдать желаемое за действительное. Не удалось сделать Пушкина рогоносцем, так все равно объявим его таковым. На мой взгляд, то, что «диплом рогоносца» был написан уже на следующий день после неудачи Дантеса на квартире Полетики, что эти даты стоят рядом — вряд ли случайность.

И более того, уже тогда были названы и исполнители, те, кто под диктовку Полетики мог писать и переписывать пасквиль (есть версия и о разных почерках в некоторых экземплярах «диплома»). Об этом открыто сказал современник происходившего — князь Трубецкой. Он свидетельствовал, хотя и смягченно, как бы выдавая все за шутку, но свидетельствовал же: «В то время несколько шалунов из молодежи, — между прочим, Урусов, Опочинин, Строганов, мой кузен, — стали рассылать анонимные письма по мужьям-рогоносцам. В числе многих получил такое письмо и Пушкин».

Написать пасквиль под диктовку Полетики мог любой из многих ее поклонников. В том числе — лицо малоизвестное, которое может навсегда остаться неизвестным.

Нельзя не учитывать личных чувств Идалии Полетики к Жоржу Дантесу. Здесь можно предположить не только дружбу. Вот Дантес уже после дуэли посажен на гауптвахту, судьба его неясна, и Идалия испытывает за него тревогу. Его высылка из России тоже тревожит ее. Она пишет ему письма и записки на гауптвахту, и в них прорывается отнюдь не только дружеское чувство. Вот цитата из одного ее письма: «Я сержусь на вас, друг мой, за то, что думаете, будто стоит вам уехать, и я забуду о вашем существовании. Это доказывает, что вы меня плохо знаете, потому что если я уж люблю, то люблю крепко и навсегда».

А что же заговор против Пушкина? Существовал ли он? В том виде, как это рисовалось в советской литературе («Наемника безжалостную руку наводит на поэта Николай» — Э. Багрицкий), разумеется, нет. Тем не менее такой заговор, вдохновляемый, видимо, Полетикой, против Пушкина был — в аристократической светской среде и прежде всего среди кавалергардов, друзей Дантеса, высту-

павших за «честь полка». И можно согласиться с П. Щеголевым: «Спаянные общими вкусами, общими эротическими забавами, связанные «нежными узами» взаимной мужской влюбленности, молодые люди — все высокой аристократической марки — легко и беспечно составили злой умысел на честь — потом оказалось — и на жизнь Пушкина». Этот поединок Пушкина со светом (вспомним лермонтовское: «Восстал он против мнений света») закончился гибелью поэта, но вместе с тем — и его моральной победой. «Он победил и время, и пространство... — писала Анна Ахматова. — В дворцовых залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные тени изгнаны оттуда навсегда. Про их великолепные дворцы и особняки говорят: здесь бывал Пушкин, или: здесь не бывал Пушкин».

И о том, что Пушкин морально победил, Идалия Полетика прекрасно понимала. Отсюда — ее возрастающая ненависть. «С годами ненависть Полетики к Пушкину приобрела характер какого-то яростного озлобления против всего, что было связано с памятью о нем. На старости лет она даже не пыталась это скрыть. Узнав, что в Одессе, где она доживала свой век, сооружается памятник поэту, Идалия кричала, что поедет туда только для того, чтобы плюнуть на стацию» (С. Абрамович).

Конечно, в дуэли и смерти поэта в широком смысле воплотился «конфликт Пушкина с миром» (Б. Бурсов «Судьба Пушкина»), обществом, светом. А свет в том же знаменитом лермонтовском стихотворении — это прежде всего людское общество, так сказать, высшая чернь. Причины гибели гения — глобальны, но поводом для трагедии могла быть интрига женщины.

* * *

Полетика бурно переживала за Дантеса. Но можно предположить, что, затеявая интригу против Пушкина, она не предполагала, какую трагедию это вызовет. Дуэль (а значит, и гибель Пушкина) видимо, стала для нее страшной неожиданностью. И в письме к Дантесу о происшедшем она написала так: «Это — не сон, но дурной сон, если не сказать кошмар». Разумеется, это ее не оправдывает.

СЕМЬЯ ПРЕКРАСНОЙ УБИЙЦЫ

Но если исходить из того, что прекрасная Идалия является вместе с Дантесом убийцей Пушкина, возникает вопрос — было ли это случайным. Или все же это не случайно. И вот тут любопытно взглянуть на то семейство, из которого Идалия вышла. Что было характерно в таком семействе по отношению к Пушкину? Под таким углом зрения и посмотрим на всю семью Строгановых, из которой происходит прекрасная Идалия. Правда, отношения Пушкина со Строгановыми подробно рассмотрены Б.Ласкиным, но повторяю, что я все, связанное со Строгановыми, рассматриваю под углом зрения гибели Пушкина. Конечно, при этом придется обратиться к некоторым известным моментам. Итак, глава фамилии... Граф Григорий Александрович Строганов (1770—1857) — лицо историческое, государственная персона, личность колоритная, и в XVIII и XIX веках. Он прожил 87 лет, выдвинулся еще в эпоху Екатерины Великой, последовательно пережив и Екатерину, и Павла, и Александра I и Николая I, в его жизнь полностью вошло и пушкинское время. Начало его карьеры было дипломатическим, в Англии, затем он являлся российским посланником в Испании, Швеции и Турции. Был известным дипломатом, но не менее известен стал своими любовными победами. Его называли русским Дон-Жуаном, он начал свой поход по соблазнению иностранок еще в Англии и продолжил его по Европе. В Англии он хорошо знал другого великого соблазнителя и великого поэта — Байрона. И в известной байроновской поэме «Дон-Жуан» Строганов упомянут как любовный авторитет. Он в совершенстве владел «наукой страсти» и не всегда отнюдь нежной.

И это считалось большим достоинством для мужчины. По существу «наукой страсти» занимались если не все мужчины, то, видимо, большинство. Вспомним, что являлось основным занятием еще до встречи с Татьяной Лариной Евгения Онегина, что «знал он тверже всех наук, что было для него измлада и труд, и мука, и отрада, что занимало целый день его тоскующую лень». Главное занятие («труд») Евгения Онегина — любовные отношения с прекрасным полом. Он очаровывал, соблазнял, играл, обманывал, «умом и страстью» побеждал и прочее. Граф Строганов сочетал «науку страсти» с дипломатической деятельностью весьма гармонично. То и другое дополняло друг друга.

С успехом ведя дипломатические дела в Испании, Строганов в числе прочих соблазнил жену графа д'Эга, дочь знаменитой португальской поэтессы, маркизы Леоноры д'Альмейда. От связи с графиней д'Эга родилась «незаконная» дочь Идалия (год ее рождения неизвестен, приблизительно 1807—1810 год). В 1824 году умерла жена Строганова, и граф узаконил свои отношения с прекрасной португалкой, в России ее звали Юлией Петровной. Идалия стала законной дочерью, то есть была удочерена графом.

После женитьбы Пушкина Строганов стал его родственником, так как являлся двоюродным дядей жены поэта Натальи Николаевны.

До этого у Строганова и Пушкина были весьма непростые отношения, вызванные, так сказать, идейными разногласиями. Присмотримся к фактам. Строганов был членом Верховного суда над декабристами и голосовал за смертную казнь пятерым декабристам. Известно, как болезненно перенес Пушкин смертный приговор им и казнь.

Далее, в 1828 году как член Государственного совета Строганов принимал участие в осуждении пушкинского «цареубийственного» стихотворения «Андрей Шенье» и подписал протокол над учреждением секретного надзора над поэтом. Казалось бы, что Строганов и Пушкин могли быть противниками. Но в жизни все нередко бывает сложнее. Став родственниками, хотя и дальними, Пушкин и Строганов наладили свои отношения. По свидетельству современника, поэт и граф часто беседовали, поэт интересовал нравы екатерининского времени и многое другое. А старый граф многое мог рассказать.

В 1834 году Строганов предупреждает поэта, что за границей, в так называемом «Франкфуртском журнале», напечатана от имени Пушкина фальшивка, некая «сказочка» с резкой критикой самодержавия. И посылает поэту это провокационное издание для ознакомления. Пушкин благодарит его за это. Парадокс: граф разоблачает фальшивку против Пушкина, не подозревая, что его дочь вскоре породит другую фальшивку, анонимный пасквиль, который нанесет Пушкину смертельный удар.

Анонимный пасквиль сделал свое черное дело, привел к резкому столкновению Пушкина с Геккерном и Дантесом. И в этой раскаленной обстановке граф Строганов полностью встает на сторону последних. Он всячески будет содействовать женитьбе Дантеса на Екатерине Гончаровой, вмес-

те с женой они явятся посаженными отцом и матерью на этой свадьбе. Затем он даст роскошный обед в честь молодоженов. На обед приглашен и Пушкин, граф намеревался помирить его с Дантесом, но поэт отказался мириться...

А когда Пушкин направил оскорбительное письмо Геккерну, то, по воспоминаниям Данзаса, «Геккерн бросился за советом к графу Строганову» — что же делать? И Строганов посоветовал вызвать Пушкина на дуэль.

Вот он — важнейший момент, вот показатель, который говорит о многом... Совет графа — дуэль.

А ведь граф был высокообразованным человеком, высоко ценил талант Пушкина. Но понятия дворянской чести для него оказались выше. Если верна моя версия об авторстве Идалии анонимного пасквиля, то можно сказать: дочь спровоцировала дуэль Пушкина, а отец «благословил» поединок.

Правда, после дуэли Строгановы в смятенных чувствах бросились в дом Пушкина. По свидетельству В. Жуковского, граф и графиня Строгановы находились в доме и у постели умиравшего поэта «неотлучно». Но что было в душах у этих людей у смертного одра поэта?

Обратим внимание, графиня Строганова послала графу Бенкендорфу записку с просьбой прислать в дом Пушкина жандармов. Подобное могло быть неслучайным. Есть версия, что склонная к авантюризму бывшая португальская графиня, ставшая затем русской графиней и статс-дамой, Юлия Петровна являлась секретным агентом III отделения и имела свои личные отношения с Бенкендорфом. Правда, свою просьбу о присылке жандармов она объясняла необходимостью оградить Наталью Николаевну «от беспрестанно приходивших студентов». Б. Ласкин даже высказал предположение, что Юлия Петровна в шпионском рвении выследила, как Жуковский вынес из кабинета Пушкина какие-то пять пакетов (император уже приказал опечатать кабинет) и донесла об этом Бенкендорфу. Исследователь ссылается на запись в дневнике А. И. Тургенева: «Жук. о шпионах, о графине Струг., о 3—5 пакетах, вынесенных из кабинета П. Жук-м. Подозрение». И это серьезное подозрение и обвинение.

Более того, Б. Ласкин фактически выдвигает версию о «строгановском заговоре» против Пушкина. Исследователь (в том и еще одно отличие между его и моей версиями) не связывает написание пасквиля с Идалией, но предполагает, что дочь могла рассказать отцу о скандальном свидании

Натальи Николаевны и Дантеса на ее квартире. Это было чревато неприятностями могло получить шокирующую огласку. Б.Ласкин пишет: «Опасность повисла над всем кланом графа, над репутацией его семьи, а значит, и его самого. Опытный дипломат Строганов, мастер интриги, лично оценил происшедшее» и вступил в сговор с Геккерном с целью «полной дезинформации общества». Конечно, эта версия Б.Ласкина кажется слишком смелой, но в ней есть своя логика. И еще одна деталь... Брат Идалии А.Г.Строганов тоже ездил в дом к умиравшему Пушкину, но увидел там, по свидетельству П.Бартенева, «разбойничьи лица» и «сволочь». А впоследствии Строганов-младший назвал поэта «шельмой».

Это означает лишь одно: в семействе Строгановых существовала скрытая фамильная враждебность к Пушкину. О том сохранилось убедительное свидетельство — письмо Строганова Геккерну, написанное уже после похорон убитого поэта и осуждения Дантеса. В этом письме, как это ни чудовишно, Строганов называет мертвого Пушкина «наказанным преступником», а Дантеса «невинно осужденным». Вот так...

Но «яблоко от яблони»... Вполне можно предположить, что прекрасная Идалия могла унаследовать эту фамильную враждебность к Пушкину, которая первоначально таилась в душе, а затем, в силу личных обстоятельств, выиграла с огромной силой... Разумеется, доказать подобное нельзя, но все это логично укладывается в общую психологическую картину происшедшей трагедии.

Конечно, сам по себе славный род Строгановых, основоположниками которого были знаменитые русские купцы и промышленники, организаторы похода Ермака и покорения Сибири, много сделал и много значил для России. Он выдвинул ряд выдающихся русских деятелей.

Но в пушкинское время этот род воплощал то, что называли тогда «светом». И как раз все выше сказанное дает наглядное представление о столкновении поэта со «светом» (в данном случае со Строгановыми). Это было трагическое столкновение гениальной личности и общества, в котором не могли совместиться представления, взгляды, чувства. Это было трагическое столкновение отчасти разных миров. И предъявляя столь серьезное обвинение, хотя и сквозь десятилетия и века, не только прекрасной Идалии но и ее отцу, и всей семье Строгановых, я хотел быть объективных: они не хотели смерти Пушкина, они не могли

представить столь трагических последствий, фактически «не ведали, что творили». После гибели поэта Григорий Александрович Строганов проявил порядочность и благородство, оплатил похороны и хотел, чтобы они прошли «возможно торжественнее». П.Вяземский писал: «После смерти Пушкина нашли только 300 рублей денег во всем доме. Старый граф Строганов, родственник г-жи Пушкиной, поспешил объявить, что он берет на себя издержки по похоронам». И впоследствии он помогал семье покойного поэта, за что Наталья Николаевна была ему очень благодарна.

А вот Идалию Полетику вдова поэта уже не пускала в свой дом и, разумеется, не простила.

Конечно, Идалия могла предположить, что когда-то истина все равно раскроется. Это могло вызвать либо раскаяние, либо еще большее озлобление. С Идалией произошло последнее. Она унесла свою тайну в могилу. Но ныне, как мне думается, ее тайна раскрыта. И неужели это сделал я? Неужели я причастился к раскрытию этой тайны.

СКОРЬБЬ

Большинство просвещенных (и не только) русских людей воспринимало гибель Пушкина как национальную трагедию. Свидетельств об этом — великое множество. Вот одно из них — письмо студента Е.Г.Осокина из Петербурга своему отцу, священнику в Вологодскую губернию. Кто он — этот студент?

В энциклопедии Брокгауза и Ефрона значится Е.Г.Осокин, выпускник Главного педагогического института в Петербурге, сын священника в Вологодской губернии, впоследствии профессор финансового права, декан Казанского университета. Он — автор ряда научных работ. Но это будет впоследствии.

А пока студент Главного педагогического института Осокин 1 февраля 1837 года пишет своему отцу, сельскому священнику, в частности, следующее:

«Спешу сообщить Вам новость самую неприятную для русских: у нас нет Пушкина — несчастное происшествие лишило Россию лучшего литератора. Пушкин убит на дуэли. Расскажу Вам подробности...»

Далее Осокин ссылается на рассказ одного из своих знакомых, который хорошо знал П.Вяземского и слышал о

происшедшем с его слов. В пересказе событий о дуэли Пушкина и ее причинах есть ряд неточностей (все же это — устная молва). Но смысл событий изложен верно, и говорится о народной скорби по поэту. Осокин пишет:

«Бездна народа, и знатных и незнатных, около дому и в доме, и плач, и стоны, раздирающие душу. Брат мой был также, мне не суждено было видеть великого литератора и поплакать над его гробом...» А вот отклик другого современника: «И сотой доли не могу выразить своей скорби... Когда я творил, я видел, перед собой только Пушкина. Ничто мне были все толки, я плевал на презренную чернь, известную под именем публики; мне дорого было его вечное и непреложное слово».

Это слова Гоголя.

И последующее мое повествование — о Гоголе. После трагедии речь пойдет о комедии, о «Ревизоре», о Хлестакове.

ХЛЕСТАКОВ В УСТЮЖНЕ

Эта устюженская история известна во всем литературном мире. Я занимаюсь ею с семидесятых годов. В этом моем повествовании обобщено все, что было написано ранее и дается новая версия — о литературном «прототипе» знаменитого монолога Хлестакова.

Краткая биография «Вологодского Хлестакова» — Платона Волкова такова: Платон Григорьевич Волков (1799 или 1800 — 16.03.1850), помещик, поэт, журналист, переводчик, издатель. Как пишет о нем известный литературовед В. Э. Вацура (Русские писатели. Биографический словарь. М.: Совет. энциклопедия, 1989): «Сын помещика Вологодской губернии. Воспитывался у иезуитов. В 1813 канцелярист в департаменте герольдии... С 1822 подпоручик в отставке...» Печатал стихи в столичных изданиях: «Благонамеренном», «Северных цветах», «Русском инвалиде», «Библиотеке для чтения» и др. Написал сцену «Ум не помога» в подражание «Горю от ума» Грибоедова, первую главу «повести в стихах» «Признание на тридцатом году жизни» (в подражание «Евгению Онегину» Пушкина), рецензию на «Бориса Годунова». Издавал два журнала (кратковременные издания). Служил на многих должностях в Петербурге, Вологде, Грязовце. Прославился своими авантюрами. И, в первую очередь, авантюрой 1829 года в Устюжне, о чем стало известно Гоголю.

Литература о Николае Васильевиче Гоголе, конечно, совершенно необозрима. И кажется, что написать о нем фактически ни одного нового слова просто невозможно. Но я беру на себя дерзость утверждать, что скажу в этом очерке нечто совершенно новое, о чем в необозримой Гоголеаде никогда не говорилось. А именно: о литературном

«прототипе» знаменитого монолога Хлестакова. К тому же в своем повествовании, обращаясь к известным фактам создания Гоголем «Ревизора», я рассматриваю их в связи с реальным фактом устюженского лжеревизорства в 1829 году и обобщаю все написанное о реальном прототипе Хлестакова — Платоне Волкове.

ХЛЕСТАКОВ ПИШЕТ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

Представьте себе, что Хлестаков решил написать поэму. Что же в таком случае он может сочинить? Разумеется, нового, своего «Евгения Онегина». Ведь он же «с Пушкиным на дружеской ноге». Так что держись, «брат Пушкин»!

И так оно и было в реальной жизни. Вологжанин Платон Волков (он был и поэт, и издатель, и критик, и одновременно — авантюрист, мошенник, плут), задумав написать нечто выдающееся, особенное, что могло его утвердить и прославить в литературе, решил, видимо, посоперничать с самим Пушкиным. Пушкин в то время работал над новыми главами «Евгения Онегина», и первые главы «романа в стихах» уже имели огромный успех. И Платон Волков решил написать своего, так сказать, вологодского «Евгения Онегина». И накатал онегинской строфой первую главу своего сочинения «Признание на тридцатом году жизни» и издал его в 1828 году в Санкт-Петербурге¹, видимо, рассчитывая на успех и овации. Однако оваций не последовало.

«Московский вестник» в 1828 году написал: «Критика усмотрела в повести Волкова «описание проказ какого-то шалуна» и сожалела о подражании («Жаль, потому что по некоторым стихам в авторе замечен талант»). Цитату заимствую из книги В.В. Гуры «Времен соединенье» (Архангельск, 1985). Далее В. Гура писал: «Молодой С. Шевырев, начинавший в это время выступать как критик, словно бы извинялся за автора «Признания» и считал, что ему «не стоило бы, кажется, труда признаваться в таких шалостях перед публикой».

И поделом. Ведь многое в волковской поэме смахивало по существу на пародию, хотя автор писал вполне серьезно. И как бы сравнивал свою жизнь, начиная с ранних лет, с жизнью Евгению Онегина.

¹ Более подробно обо всем этом — в книге «Неразгаданные тайны Пушкина» (М.: Современник, 1998).

В училище у де ла Шеза
Я был изрядная повеса,
Уроков никогда не знал,
Зато прелестно танцевал.

.
И хоть тогда я молод был,
Но ласки дамские любил.

Эту любовь к дамским ласкам Волков свято и не свято пронес через всю свою жизнь. Пережив много любовных приключений и житейских передраг, он к тридцати годам почти пушкинскими словами мог пуститься в философию и определить, в чем заключено человеческое счастье.

Блажен, блажен, кому судьбами
Душа не пылкая дана:
Кто не знакомился с мечтами,
Кто карт не знал, не пил вина,
И с грешниками не дружился:
Кто не истратился душой,
Кто был по вкусу холостой
Или по выгодам женился.

.
Блажен! Он в юности своей
Не знал ни пламени страстей,
Ни к славе гордого порыва, —
И жизнь его была счастлива:
Он постоянное любил,
Он ассигнации копил.

Тут все ясно. Невооруженным, как говорится, глазом в этих поэтических строках очевиден Пушкин. Но ведь Волков был связан не только с Пушкиным, но и с Гоголем, и главным образом с ним. Потому перехожу к Гоголю.

Мне пришла мысль сравнить волковскую поэму с знаменитым монологом Хлестакова в «Ревизоре», и я был поражен, как многое в них совпадает. Ведь Хлестаков у Гоголя говорит почти волковскими словами, во всяком случае весьма похожими. И тут уже не до иронии. Ведь поэма Волкова написана за восемь лет до «Ревизора».

Так возникла моя сенсация, о которой в Гоголеаде, как уже говорилось, никто не писал. Я пришел к выводу, что Гоголь при написании монолога Хлестакова мог пародировать поэму Волкова. Ведь текстовые совпадения, по моему мнению, налицо, а подобное не может быть случайно. Потому я выдвигаю следующую версию: не только сам Волков послужил Гоголю в качестве прототипа Хлестакова (о чем уже писалось), но и его поэма стала отчасти в чем-то «прототипом» «Ревизора». Вероятно, «Ревизор» в ка-

кой-то мере (пусть даже малой) вышел и из реальных пождений Волкова и из его поэмы.

Что же она собой представляет? Поэма Волкова впервые после 1828 года (правда с сокращениями) была напечатана в 1998 году в моей книге «Неразгаданные тайны Пушкина», то есть 170 лет спустя.

Значительная часть ее являет собой хвастливый монолог «маленького человека» о воображаемой им «прекрасной жизни». Вот, к примеру, его стол. На этом столе нет хлестаковского арбуза в семьсот рублей и супа, приехавшего в кастрюльке прямо из Парижа. Все реальнее, по-русски. Но не хуже, чем у Хлестакова, совсем не хуже.

Бывало стол всегда огромный.
Каких тут не было затей!
Всегда уха из стерлядей,
Всегда запасы осетрины,
И птиц дворовых, и дичины
(Ах, вспомнить не могу без слез,
Я сколько денег в кухню снес).
Десерт выписывал бывало
С нарочными издалека.
И — словом — только молока
Лишь птичьего недоставало...

Итак, «Ревизор» в чем-то «вышел» из волковской поэмы.

Весь образ жизни лирического героя волковской поэмы предвосхищает хлестаковский. Хотя у Волкова нет тридцати пяти тысячи курьеров, и во дворец он не ездит, но народ от него в восторге, и выезжает он в отменном экипаже.

Бывало выеду как я,
Что за лихая четверня!
Что за лакеи! Как одеты!
И что мне стоили кареты!
Коляски, дрожки и ландо!
О! Много, много! Но зато
Уж выеду ли прокатиться —
Народ глазеет и за мной
Бежит послушную толпой.
А сердце так и веселится!

Далее в поэме следует еще одно признание: «Я щеголь первостатейный», и приводится целый перечень лучших портных, шляпников, сапожников Санкт-Петербурга. Волков называет магазин Моничети, портных Тейла, Флорье, Костелани и других, которые якобы его обслуживали. Опи-

сывается его роскошная дача — «огромный дом», который ломится от роскоши... Этого в жизни Платона Волкова, разумеется, не было а были долги, усадьба, пошедшая с молотка, укрывательство от кредиторов и прочее и прочее. А всего этого так хотелось. И в своих мечтах о «прекрасной жизни» Волков предвосхитил Хлестакова, как и предвосхитил его лжеревизорство. Потому, ничего не утверждая, повторю свое предположение, что Гоголь, прочитав поэму Волкова, мог ее «использовать» уже в устах вымышленного им Хлестакова.

Но как и почему это могло произойти? Обратимся к конкретным фактам.

В 1828 году, когда увидела свет поэма Волкова, молодой Гоголь вряд ли знал о ней. Тогда он, в самом конце 1828 года, только приехал в Петербург, и в литературном мире был никто. А Волков уже печатался, в том числе в столичных альманахах. Можно предположить, что Гоголь обратил внимание на Волкова гораздо позднее, когда уже получил известность, когда у него появились противники — Сенковский, Булгарин. Они были достаточно авторитетны и сильны, потому Гоголь опасался прямого конфликта с ними. А вот Волков являлся лишь их мелким подручным, и по нему вполне было можно проехаться, пародировать его, вставить в комедию. В какой-то мере подобное можно, видимо, воспринимать одним из фактов литературной борьбы.

Конечно, нельзя считать поэму Волкова только лирической автобиографией. Это попытка создать художественное сочинение. Лирический герой поэмы, написанный с долей иронии, носит вымышленное имя Вадима. В ней есть вымышленные герои — помещик Чарин, его дочь Полина, намечена любовная интрига. Но некоторые фактические моменты жизни героя поэмы и автора явно совпадают. Гоголь вполне мог иметь в виду при замысле комедии конкретного адресата.

И все же мне кажется, что «Ревизор» начался для Гоголя с поступка, или происшествия, в котором был замешан он сам. Посему снова обращаюсь к тому, о чем писал ранее, обобщая все сказанное.

ГОГОЛЬ И ХЛЕСТАКОВ

Август 1835 года. Двое молодых людей в статском платье едут из Киева в Москву. Чуть опережая их, едет от станции к станции еще один молодой человек. Он распро-

страняет на станции молву, вызывая трепет станционных зрителей, — едет важное лицо, инкогнито, ревизор.

Благодаря такой молве, двое молодых людей в статском не знают отказа в лошадях. Перепуганные станционные зрители лебезят и заискивают перед ними. Можно себе представить, как, отъехав от очередной станции, эти двое весело хохочут. Один из них — Гоголь. Это — его выдумка.

Еще не написано ни строчки из будущей комедии «Ревизор». Такой комедии еще не существует... Однако ее сюжет уже проигрывается в жизни. В путевом листе Гоголя значилось: «адъюнкт-профессор», что принималось обыкновенно сбитыми с толку зрителями чуть не за адъютанта его императорского величества. Гоголь держал себя, конечно, как частное лицо, но при этом, будто из простого любопытства, спрашивал: «Покажите, пожалуйста, если можно, какие здесь лошади: я бы хотел посмотреть их...» (По воспоминаниям одного из друзей Гоголя А. С. Данилевского.)

Гоголь был склонен к мистификации, любил выдавать себя за кого-то другого и делал это с подлинным актерским мастерством. Вот что вспоминает критик П. В. Анненков: «Гоголь, по характеру своему, старался действовать на толпу и внешним своим существованием: он любил показать себя в некоторой таинственной перспективе... Так, после издания «Вечеров», проезжая через Москву, он на заставе устроил дело так, чтоб прописаться и попасть в «Московские ведомости» не «коллежским регистратором», каковым он был, а «коллежским ассессором». — Это надо, — говорил он приятелю, его сопровождавшему». Более того, как заметил В. В. Вересаев — в «Московских ведомостях» за 1832 год среди приезжих нет фамилии Гоголя. Но числится «коллежский ассессор Ковалев», то есть герой будущей гоголевской повести «Нос». вполне вероятно, что писатель выдал себя... за своего будущего литературного героя. Гоголь был в это время полон сил и надежд. Он уже познал литературный успех. Ему уже видится авантюрный сюжет — для комедии или повести. В одном из писем он восклицает: «Ради Бога, дайте нам русских характеров, нас самих... как наших плутов...»

И «плутовской» сюжет ему дает Пушкин.

Каждый школьник теперь знает — сюжет «Ревизора» подсказан Гоголю Пушкиным. «Мысль «Ревизора» принадлежит Пушкину», — так написал Гоголь в «Авторской исповеди».

Гоголь не просто сообщал, что Пушкин дал ему сюжет «Ревизора», а также «Мертвых душ», он вкладывал в это особый смысл. «Принадлежит Пушкину» — значит, как бы передано, завещано им, значит, имеет особое значение.

7 октября 1835 года Гоголь пишет Пушкину, уехавшему в деревню: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русский чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию. Если сего не случится, то у меня пройдет даром время, и я не знаю, что делать тогда с моими обстоятельствами... Сделайте же милость, дайте сюжет; духом будет комедия из пяти актов, и, клянусь, куда смешней черта».

23 октября Пушкин вернулся в Петербург, и вскоре состоялась его встреча с Гоголем. При встрече Пушкин рассказал Гоголю «русский чисто анекдот» — сюжет будущего «Ревизора». Об этом пишут все исследователи. Но что же было рассказано? Об этом нет единого мнения...

Но если сопоставить свидетельства современников (Анненкова, Бартенева, Соллогуба и других), а также мнения исследователей, то можно предположить, что Пушкин дал Гоголю саму идею комедии и рассказал не один, а даже несколько «анекдотов» о мнимых ревизорах, в том числе и о себе самом.

Был с Пушкиным такой случай... В 1833 году, когда поэт ездил собирать материалы по истории Пугачева, нижегородский губернатор никак не мог поверить, что он путешествует именно с такой целью, и ловко заподозрил, что имеется «тайное поручение» от правительства выявлять «сведения о неисправностях». Поэт немало смеялся над такой губернаторской «проницательностью» и, очевидно, с удовольствием поделился своими воспоминаниями с Гоголем. Помимо этого, Пушкин рассказал ему об издателе «Отечественных записок» и знаменито врале Павле Петровиче Свиньине, который однажды в Бессарабии выдал себя за знатное лицо.

Пушкин, возможно, сам собирался написать такой сюжет: не случайно он сделал в своих планах такую запись: «Криспин приезжает в губернию на ярмарку — его принимают за... (неразборчивое слово). Губернатор — честный дурак, — губернаторша с ним кокетничает, — Криспин сватается за дочь». Криспин — это, вероятно, Свиньин, над фанфаронством которого поэт весело потешался и «в честь» которого даже написал «детскую сказочку» — «Ма-

ленький лжец». Но почему-то Пушкин все же не стал писать сюжет о лжеревизоре и перепоручил его Гоголю.

И еще одно важное для нас свидетельство В. Соллогуба. Соллогуб ничего не пишет о Свиньине. Но указывает, что «Пушкин рассказал Гоголю про случай, бывший в городе Устюжне Новгородской губ., о каком проезжем господине, выдавшем себя за чиновника министерства и обобравшем всех городских жителей». «На этих двух данных (случай в Устюжне и случай с Пушкиным), — пишет Соллогуб, — задуман был «Ревизор», коего Пушкин называл себя всегда крестным отцом».

Помимо того, сама ситуация была типична. Российская империя погрязла во взятках и злоупотреблениях. И повсюду местное начальство, имевшее «рыльце в пушку», смертельно боялось ревизоров. А император Николай I имел страсть инкогнито рассылать ревизоров по разным местам. Так и возникли в провинции «анекдоты»: кого-то со страху приняли за ревизора, а кто-то сам за него себя выдал. Как уже упоминалось ранее, Гоголь однажды устроил мистификацию в дороге, с успехом распространяя слух, что «едет ревизор».

И все же «Ревизор» «подказан» Пушкиным... Объяснить это можно только так: Гоголь поверил в значимость сюжета после слов Пушкина. Гоголь как бы воспринял нечто важное от Пушкина...

А. С. И Н. В.

Но вот здесь — «стоп-кадр». Исследователи отмечают, что сюжет о лжеревизоре и лжеревизорстве появился в литературе еще до Гоголя. И к тому же Гоголь явно и сознательно преувеличил роль Пушкина в создании «Ревизора». Человек мифов, он создавал свой миф о Пушкине, уверяя всех, что без Александра Сергеевича его творчество не могло состояться, что он бросил бы писать и т.д. Приведу на этот счет обширную цитату из опуса такого глубокого исследователя как К. Мочульский. «Возникает вопрос: какую же роль играл Пушкин в истории творчества Гоголя? Что он дал ему сюжеты «Ревизор» и «Мертвых душ» — подтверждается рядом свидетельств. Но мало правдоподобно, чтобы автор «Поэта и черни» внушил Гоголю моральное направление творчества, что без вмешательства Пушкина Гоголь бросил бы писать. К самому факту близкой дружбы Гоголя с Пушкиным последние биографы его (В. Кал-

лаш, Б. Лукьяновский, А. Долинин и В. Гиппиус) относятся недоверчиво. Связь между писателями, по-видимому, была самая внешняя». (Мочульский К. Гоголь, Соловьев, Достоевский. М.: Республика, 1995).

Вряд ли дружбе Пушкина и Гоголя могло содействовать обстоятельство, что Белинский уже в 1835 году утверждал, будто Гоголь превзошел Пушкина, и провозгласил Николая Васильевича «главою литературы, главою поэтов». Это было очевидно несправедливо. Добавим к тому и свидетельство П.В. Анненкова: «Известно, что Гоголь взял у Пушкина мысль «Ревизора» и «Мертвых душ», но менее известно, что Пушкин совсем неохотно уступил ему свое достояние. В кругу своих домашних Пушкин говорил смеясь: «С этим малороссом надо быть осторожнее: он обирает меня так, что и кричать нельзя».

И, конечно, у Пушкина и Гоголя совершенно различным, если не сказать — противоположным, было мироощущение.

ГОГОЛЬ И ЧЕРТ

Обойтись мне без собственного уяснения и хотя бы самого краткого упоминания, что собой представляло мироощущение Гоголя перед «Ревизором», пожалуй, нельзя. Вот о Пушкине в этом плане можно не говорить. При всех его внутренних противоречиях пушкинская Вселенная по-античному гармонична. А гоголевская Вселенная расколота и дьявольски раздираема. Немыслимый парадокс: поэт смеха, самый веселый писатель в русской литературе, Гоголь перед созданием «Ревизора» «видит мир во власти темных сил и с беспощадной наблюдательностью следит за борьбой человека и дьявола». Это я снова цитирую К. Мочульского.

«Из страшного мира, в котором властвует зло и царит смерть, уйти некуда... Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна живут в невинности и блаженстве. И вот «злой дух» проникает в их рай под видом тощей, одичавшей кошки — входит смерть и страдание. Для изображения темных сил Гоголь не нуждается больше в масках украинского вертепа, но куда страшнее мяуканье серенькой кошечки, предвещающей смерть...» Вспомним, ведьма в «Майской ночи» тоже крадется к своей жертве в виде кошки. Теперь обратимся к Владимиру Набокову, его исследованию «Николай Гоголь». Набоков, в частности, пишет о Гоголе следующее: «В детстве он задушил и закопал в землю голод-

ную, пугливую кошку не потому, что был от природы жесток, а потому, что мягкая вертлявость бедного животного вызывала у него тошноту. Как-то вечером он рассказывал Пушкину, что самое забавное зрелище, какое ему пришлось видеть, — это судорожные скачки кота по раскаленной крыше горящего дома, и, верно, недаром: вид дьявола, пляшущего от боли посреди той стихии, в которой он привык мучить человеческие души, казался боявшемуся ада Гоголю на редкость комическим парадоксом».

Дьявол у Гоголя вторгся не только во Вселенную, он вторгся в нашу душу. А, подчиняя душу, он вторгается и в творчество. Гоголь пишет об этом с ужасом, он потрясается «ужасному могуществу беса»: «Он во 'все силится проникнуть: в наши дела, в наши мысли и даже в самое вдохновение художника».

В Гоголе сталкивались две противоположные стихии: стихия смеха и стихия ужаса. Год создания «Ревизора», то есть тридцать шестой год, Гоголь называл «великим переломом, великой эпохой моей жизни». Но этот перелом намечился еще в конце тридцать пятого года, когда Гоголь писал комедию, когда он первым смеялся над Хлестаковым, городничим и прочими.

Комедия писалась легко — «одним духом».

К 6 декабря 1835 года уже вторая черновая редакция «Ревизора» была завершена. Опирался ли Гоголь при создании своего творения на что-то конкретное? Вспомним слова Соллогуба, что Пушкин рассказал Гоголю «про случай, бывший в городе Устюжне...» Какое же значение именно тот «случай» имел для Гоголя и его «Ревизора»?

На эти вопросы дали ответы вологодские краеведы.

ПОРТРЕТ ГОРОДНИЧЕГО

Есть основание думать, что Пушкин знал откуда-то о конкретном, действительном случае в Устюжне и о том рассказал Гоголю, чем тот заинтересовался. Литературоведы, занимавшиеся «Ревизором», всегда предполагали, что в основу комедии могло быть положено действительное происшествие, случившееся в уездном городке Устюжне (в те времена эта Новгородская губерния, ныне — Вологодская область). Но что на самом деле тогда произошло в Устюжне? Вот этого никто не знал.

Именно в Устюжне нашелся энтузиаст — краевед А.А.Поздеев, который поставил своей целью раскрыть устюженс-

кую загадку, связанную с созданием «Ревизора». Он начал свой поиск еще до войны и продолжил его в послевоенное время.

Андрей Александрович Поздеев (1881—1975) — лицо замечательное, подобно В. К. Панову — уникальное. Выпускник Петроградского историко-филологического факультета, он волей судьбы оказался в трагическом 1918 году в Устюжне, преподавал здесь русский язык и литературу и совершил многие краеведческие открытия. Настоящий интеллигент, он был человек разнообразных дарований. Играл на сцене и поставил в Устюжне со своими учениками «Ревизора». Хорошо знал музыку и умело исполнял классические произведения на фортепьяно. И был, в первую очередь, прекрасный педагог. Вологодский профессор П. А. Колесников так сказал о нем: «Андрей Александрович был не просто учителем, но учителем — ученым, педагогом от Бога».

Устюженская журналистка Л. Валдаева приводит в своем очерке о Поздееве такой факт: когда во время репрессий, в 1938 году, он попал под следствие, то однажды на улице ученики окружили «подследственного» учителя, внесли его на руках в школу, спрашивая, когда он вернется к ним. Всеобщая любовь в Устюжне к Поздееву, видимо, повлияла, его не репрессировали. Авторитет Поздеева был велик, не случайно ему в Устюжну писали такие выдающиеся люди, как К. Чуковский, Д. Благой, В. Лацис и другие.

К великому сожалению, я не знал Андрея Александровича и вот только недавно, побывав в Устюжне, как бы прошел по его следам. С чего он начал?

В поисках краеведа, как ни парадоксально, ему помог последний владелец усадьбы Даниловское, умерший еще в 1920 году, критик Ф. Д. Батюшков. Об этом Поздеев писал так: «В 1913 году был напечатан фельетон Ф. Д. Батюшкова «Знал ли Гоголь Россию?» (Речь. 1913. № 301). Отметим, что Ф. Д. Батюшков принадлежал к числу землевладельцев Устюженского уезда (унаследовал после поэта К. Н. Батюшкова и этнографа П. Н. Батюшкова усадьбу Даниловское). В этом фельетоне Батюшков сослался еще на один источник, подтверждающий «сообщения Соллогуба». Таким источником оказались показания «местных старожил»».

Далее краевед рассуждал так: если в Устюжне не осталось сведений о проезжем лжеревизоре, то должны были

остаться сведения о местном городничем, устюженском Сквозник-Дмухановском. Поздеев поднял архивные данные о всех городничих Устюжны того времени. Наиболее «подходящем кандидатом» из них оказался Иван Александрович Макшеев, бывший градоначальником в 20—30-е годы прошлого века. Однако, как пишет петербургская исследовательница Л. Добринская в очерке «Как был одурачен городничий», Макшеевых в городе не оказалось. Но старожилы вспомнили генерал-лейтенанта Алексея Ивановича Макшеева. Похоже, что он был сыном городничего. Он преподавал в Петербурге в Академии Генерального штаба. Поздеев поехал в Ленинград. И там он узнал, что на Петроградской стороне живет будто бы восьмидесятилетняя дочь географа».

Интуиция не обманула краеведа. Старая петербуржка Наталья Алексеевна Макшеева, которую он разыскал, подтвердила, что ее дед, Иван Александрович Макшеев, служивший в Устюжне городничим, действительно был одурачен каким-то проходимцем, и в их семейном роду сохранилось предание, что он, их предок, «попал» в комедию Гоголя, хотя и несправедливо, поскольку был достойным человеком и ничем не напоминал Сквозник-Дмухановского. Наталья Алексеевна Макшеева рассказала все это краеведу без особого энтузиазма: все же дело касалось чести рода... Но можно себе представить радость краеведа. Слова Соллогуба подтвердились: «ревизор» действовал именно в Устюжне. А. А. Поздееву казалось, что он нашел то, что долго без успеха искали литературоведы.

Наталья Алексеевна сообщила также, что у одной из ее родственниц хранится портрет городничего Макшеева, а у другой — запрос губернатора Новгородской губернии к городничему о происшествии в Устюжне. В Новгородской области Поздеев нашел семидесятилетнюю Евгению Алексеевну Синявину, происходившую из рода Макшеевых, и у нее обнаружил этот ценнейший документ — запрос новгородского губернатора А. Денфера устюженскому городничему Ивану Александровичу Макшееву.

Опубликовав этот ценнейший документ, а также другие материалы из архива Макшеевых (Литературный архив. М.; Л., 1953. №4), Поздеев вспоминал о своих находках так:

«...Две родственницы Макшеева передали мне портрет городничего Макшеева, заявив при этом: «Это тот, о котором Гоголь писал... Смотрите, не вздумайте в музей от-

давать, лучше в печке сожгите». Это странное требование, разумеется, не было выполнено. Затем одна из дочерей профессора Макшеева подарила мне публикуемые здесь документы, а другая в своем письме написала мне: «Я боялась лишь одного, — чтобы честное имя бабушки не подвергалось нареканию». В настоящее время никого из них уже нет в живых».

Так стали возникать некоторые разногласия между Поздеевым и представителями рода Макшеевых. Поздеев стремился установить связь между найденными материалами и гоголевским «Ревизором». Потому краевед напечатал эти материалы, а портрет городничего передал в Ленинград, в Институт русской литературы (Пушкинский Дом), где он хранится и ныне. А Макшеевы как раз не были заинтересованы в том, чтобы была установлена связь этих материалов с «Ревизором» Гоголя, опасаясь, что таким образом на родовую честь падет пятно, ибо никакого отношения к гоголевскому Сквозник-Дмухановскому они иметь не хотели.

Это отчетливо проявилось в так называемой «Заметке», написанной еще в 1891 году сыном городничего А.И. Макшеевым. Она озаглавлена так: «Заметка, касающаяся «Ревизора» Гоголя».

Вот некоторые выдержки из нее. Автор писал:

«В печати не раз повторялось известие, что происшествие, послужившее сюжетом для комедии Гоголя «Ревизор», случилось в городе Устюжна Новгородской губернии. Перед появлением «Ревизора», то есть в конце двадцатых и начале тридцатых годов нынешнего столетия, городничим в Устюжне был мой отец, человек в высокой степени добрый, мягкий и честный, не имевший ничего общего с Сквозник-Дмухановским». Но подобным опровержением сын подводил отца; впечатление возникло как раз обратное. Тем не менее автор и далее продолжает опровергать, в том числе Гоголя. «Никакого попечителя богоугодных заведений не было, по крайней мере в таких городах, как Устюжна, потому что не было самих богоугодных заведений. Учитель истории не только не воодушевлялся в своих рассказах до ломания стульев, но и ничего не рассказывал и ограничивал свою деятельность спрашиванием заданного урока в конце и поркою тут же посреди класса не выучившего урока.

Добчинский и Бобчинский — лица, выдуманные ради комизма. С другой стороны, в комедии нет крупных деятелей в дореформенном уезде, как исправник, секретари, предводитель дворянства, стряпчий, откупщик и проч.».

Тем не менее автор в конце заметки неожиданно заключал: «Анекдот этот мог быть связан с городом Устюжной».

Защищая честь отца, А. И. Макшеев, разумеется, был во многом прав. Его отец на самом деле внешне ничем не походил на незабвенного Антона Антоновича Сквозник-Дмухановского. По правде говоря, никто такого сходства с реальным городничим и литературным образом не устанавливал. Лишь сами по себе «свидетельства» сына как раз, исходя от обратного, могли навести на подобные подозрения... А биография у устюженского городничего была вполне достойная.

И. А. Макшеев был гвардии капитаном Кексгольмского полка, за храбрость в битве при Бородине награжден шпагой, отличился и при осаде Данцига. После ранения ушел в отставку и в 1824 году получил должность городничего в Устюжне. Но вскоре «влип» в эту историю с лжеревизором.

Его женой была двоюродная племянница знаменитого Аракчеева. Аракчеевы имели устюженские корни. Являлись типичными мелкопоместными провинциальными дворянами, отличались простотой нравов. В экспозиции живописи Устюженского краеведческого музея имеются портреты молодого Аракчеева (кисти И. Лампи) и его сестры. Аракчеевы были бедны, это лишь впоследствии А. А. Аракчеев достиг огромной власти и больших богатств.

Как пишет Поздеев, жена устюженского городничего в молодые годы «в бедности вынуждена была выполнять все полевые работы, в чем достигла совершенства. Характер имела в зрелые годы суровый и взыскательный».

Что-то в ней было аракчеевское, и, имея такие родственные связи, И. А. Макшеев, видимо, мог не опасаться особых неприятностей со стороны начальства. Так это и произошло. Никаких последствий он после аферы с лжеревизором не имел.

А. И. Макшеев (1822—1892) — сын устюженского городничего, который пытался обелить память отца, был интересным человеком, он почитается в Устюжне в качестве знатного земляка. О нем стоит сказать особо. Он закончил Аракчеевский корпус, а затем еще два учебных заведения, в том числе Академию Генерального штаба. Но, будучи высокопоставленным офицером, отличался либеральными взглядами, был близок даже к некоторым петрашевцам.

Он сочетал военную карьеру с научной деятельностью. Во время Аральской экспедиции А. И. Макшеев сблизился с ссыльным Тарасом Григорьевичем Шевченко. Мариэтта Шагинян в своей книге о великом украинском поэте, в частности, писала: «Блестящий молодой ученый, штабс-капитан Генштаба Макшеев предложил Шевченко свою войлочную кибитку на все время пути». Сын устюженского городничего, болезненно переживавшего то, что его отец «попал» в «Ревизора», много помогал другому великому литератору — Шевченко. Шевченко нарисовал его портрет, но, увы, он не сохранился. Впоследствии А. И. Макшеев стал профессором, крупным ученым-географом. Перед смертью он завещал похоронить его на родине. И его воля была исполнена. Он был похоронен близ Устюжны, в селе Ильинском.

Увы! В советское время могила его была разрушена, могильная плита пошла на фундамент при постройке одного из домов. В 1995 году при разборке дома плиту обнаружили и могилу А. И. Макшеева восстановили, хотя, конечно, условно — место подлинного захоронения уже забыто.

Поздеев в свое время написал прекрасный очерк о Макшееве-сыне, воздав ему должное. Однако определенная настороженность со стороны современных представителей рода Макшеевых, живущих в Петербурге, к открытиям Поздеева существует до сих пор. Выдвигается даже версия, что на найденном портрете изображен не устюженский городничий, а какое-то неизвестное лицо. Но думается, что Поздеев был прав.

А устюженские старожилы до сих пор вспоминают старую гостиницу, ныне не существующую, где в одном из номеров останавливался гоголевский «Хлестаков».

Но кто он был такой? Что он собой представлял — тот самый «проезжий господин», одурачивший устюженского городничего, оставалось неизвестно. Поздеев высказал несколько предположений, но все они документально не подтвердились. Тем не менее важнейшей заслугой краеведа явилось то, что он, как уже говорилось, нашел и опубликовал запрос Новгородского губернатора Денфера устюженскому городничему Макшееву по поводу происшествия в Устюжне. Вот текст запроса:

«20 мая 1829 года. Милостивый Государь мой Иван Александрович!

Известясь частно, что проезжающий из Вологды на собственных лошадях и в карете некто в партикулярном пла-

тье с Мальтийским знаком проживает во вмененном Вам граде 5 дней, о причине столь долгого его нахождения, ниже того, к какому он классу принадлежит, никто из жителей и даже Вы не знаете, почему необходимою имею иметь от Вас сведения, по какому случаю проживал в Устюжне, не входил ли в общественные собрания и не обращал ли он какого-либо внимания на какие-нибудь предметы, если же он и ныне находится в Устюжне, спросите его, и меня без промедления времени уведомите.

С почтением имею честь быть, Милостивый Государь мой, Ваш покорный слуга — Август Денфер».

Итак, это была большая удача. Было доказано, что случай в Устюжне, о котором, по словам Соллогуба, Пушкин рассказал Гоголю, был на самом деле!

Но все же каковы были подробности того, что происходило в Устюжне в 1829 году? Что ответил устюженский городничий Новгородскому губернатору? Этими сведениями Поздеев не располагал. Нить поиска оборвалась.

Поздееву, сделавшему почин в розыске столь уникальных материалов, найти желаемое так и не удалось... Однако воздадим должное его труду, упорству, его многолетним поискам. Дело, начатое им, суждено было продолжить другому краеведу, которому и улыбнулась удача.

Это сделал вологжанин Владимир Капитонович Панов. Именно он разыскал уникальные материалы о «вологодском Хлестакове» — Платоне Волкове.

Теперь, думается, настало время подробнее рассказать о В. К. Панове.

Пановы были обыкновенной рабочей семьей. Отец Владимира Капитоновича — бывший крестьянин, потом рабочий-железнодорожник, мать — домохозяйка. Простая, многодетная семья среднего достатка. Пановы имели свой дом на окраине Вологды.

Но необычным было то, как уже выше говорилось, что в этом доме в первые годы нашего века снимали комнаты или столовались известные литераторы: А. Ремизов — крупный русский писатель; А. Амфитеатров — прозаик, театрал, критик; П. Щеголев — в будущем известный пушкинист, на которого я часто ссылаюсь; дочь Г. Успенского — Вера Савинкова (жена знаменитого террориста Бориса Савинкова) и другие. Всем им нравилось у Пановых — комнаты у них сдавались дешево, а обеды были вкусные. Юношей Владимир Панов прислушивался к разговорам этих людей, и глубокий интерес к истории и литературе зародился в его душе.

Владимир Капитонович особенно часто и охотно вспоминал об Алексее Михайловиче Ремизове. Ремизов подолгу разговаривал с юным Пановым. Разумеется, юноша не представлял, что имеет дело с крупным русским писателем. Никто этого тогда не представлял.

В доме Пановых состоялась женитьба Ремизова на политссыльной Серафиме Довгелло, ставшей верной спутницей писателя.

Вологда оказала самое благоприятное влияние на Ремизова. В своей автобиографической рукописи «Иверень» (хранится в Пушкинском Доме) он пишет: «Нигде во всем мире нет такого неба, как в Вологде, и где вы найдете такие краски, как реки красятся — только вологодские...» Вологодской природе посвящены многие восторженные слова Ремизова. Интересно и его описание Вологды, как своеобразного культурного центра, возникшего в результате политссылки. «Все книги, выходявшие в России, в первую голову посылались в Вологду... к тому П. Е. Щеголеву. И было известно все, что творится на белом свете. Из Арзамаса писал Горький, из Полтавы — Короленко, из Петербурга — Д. В. Философов, он высылал «Мир искусства»... и из Москвы — В. Я. Брюсов, Ю. К. Балтрушайтис и Леонид Андреев. Между Парижем, Цюрихом, Женевой и Вологдой был «подлинно прямой провод».

Вот в такой обстановке проходила юность Владимира Панова. И это, несомненно, сказалось на его формировании.

Шли годы. Железнодорожный техник В. Панов стал активным участником революционных событий 1905 года в Вологде и лишь чудом избежал каторги. В годы советской власти он много лет работал на железной дороге, занимал ряд ответственных постов, стал почетным железнодорожником. Но литература, история, краеведение — было делом его души. Он всю жизнь собирал историко-литературные редкие материалы, просиживая все свободное время в архивах, ведя переписку с писателями, издателями, историками.

Когда В. К. Панов ушел на пенсию, он полностью погрузился в собирательство материалов по истории и литературе. Создал на своей квартире интересный архив, сделал несколько литературных находок. Достаточно сказать, что в свои 90 лет он опубликовал архивные материалы о классике английской литературы, поляке по национальности, Джозефе Конраде (родители писателя с маленьким

сыном находились в ссылке в 60-е годы XIX века в Вологде), за что получил благодарственное письмо из Польши от известного польского писателя Я. Ивашкевича и из Канады от исследователя творчества Д. Конрада профессора Г. Морфа. О литературных находках краеведа можно рассказывать многое. Но среди них особое место занимают материалы, связанные с «Ревизором», найденные им в 1969 году.

Открытия подобного типа совершаются отчасти случайно. Так было и на этот раз...

Занимаясь историей своей родной деревни Выдрино, где жили его предки — крепостные крестьяне, В. К. Панов установил, что в 30-х годах XIX века на одного из бывших владельцев деревни, вологодского помещика Платона Волкова, жандармами было заведено секретное дело. Краевед узнал, что эти документы находятся в Центральном архиве Октябрьской революции среди материалов в фонде пресловутого шефа русской жандармерии — Бенкендорфа. В. К. Панову было любопытно узнать, чем же бывший владелец его предков, крепостных крестьян, Волков «провинился» перед властями. Краевед поехал в Москву, получил доступ к материалам. И вот, вчитываясь в архивные документы, он с удивлением узнал в вологодском помещике Волкове... знаменитого Хлестакова, героя комедии Гоголя.

ДЕЛО... НА ХЛЕСТАКОВА

«Фонд 109, дело 427...» С удивлением читал В. К. Панов это дело. Знарок краеведения, он сразу понял — перед ним то, что так долго искали.

Множество исследователей прошло мимо этого дела, не увидя в нем связи с «Ревизором» Гоголя. А эта связь при внимательном чтении обнаруживалась сразу. Правда, жандармы, заведшие дело, не интересовались ни в коей мере «Ревизором», их интересовал конкретно Волков, они тщательно собирали на него материалы, тем самым оказывая «добрую услугу» в будущем литературоведению.

В деле П. Волкова находится и копия пресловутого ответа устюженского городничего новгородскому губернатору. Вот его текст. Теперь он известен нам:

«Почтеннейшее письмо Ваше 27 мая имел счастье получить, на которое имею честь донести, что точно 10 мая был приехавши в вверенный мне город отставной подпоручик

вологодский помещик Платон Григорьевич Волков, прибыл в город на почтовых лошадях с Вологодского тракта, а на другой день прибыли его лошади в карете; прислуга при нем: два лакея и кучер; сам был в партикулярном платье, имея Мальтийский знак.

По приезде в город расположился в квартире, а на другой день пригласил к себе штаб-лекаря, брал у него лекарства, за которые его удовлетворил. Я у него был, и он мне объявил, что по случаю болезни пробудет дней пять в городе, в домах был у меня два раза, у г-на исправника, у откупщика и на именинах у штаб-лекаря.

В присутствии не входил, а был у меня в Городническом правлении частно, просил показать ему острог, где смотрел его расположение, и сие делал, по моему заключению, из любопытства, в лазарет его пригласил штаб-лекарь, где он только посмотрел аптеку, в училище духовном и Городовом был сам по себе, в соборе служил молебен и просил протопопа показать ему ризницу, и все оное делал отношением к лицам, до кого касалось, самым вежливым образом, а 17 мая отсюда отправился в С.-Петербург и будет иметь жительство у дяди его Боборыкина в собственном его доме, в Литейной части Фурштадской улицы, близ кирки св. Анны.

Я за нужное не полагал об партикулярном человеке донести до сведения Вашего Превосходительства, зная совершенно, что он не из числа подозрительных людей.

Верно. Правитель канцелярии Троицкой, сверял титулярный советник Глупышев».

Этот документ, наконец-то найденный, в чем-то мог несколько разочаровать. Устюженский городничий И. А. Макшеев сообщал обо всем слишком кратко. И особых сведений из письма не почерпнешь. Городничий пытался замять факты, выгородить себя — не случайно он указывал, что был «в Городническом правлении частно» — то есть частным образом, без его городнического участия. Макшеев хотел придать происшествию безобидный характер. Но начальство «в верхах» не склонно было считать, что все это столь безобидно. «Случаем» заинтересовался сам Бенкендорф, поручив вести дело генерал-майору Балабину. На Волкова было заведено дело под грифом «секретно».

Вероятно, устюженский случай получил какую-то огласку, стал «русским анекдотом», что-то об этом было известно и Пушкину. Но Пушкин, рассказав Гоголю «русский анекдот», видимо, знал о том, что произошло в Ус-

тужне, в самых общих чертах. Однако исследователи давно обратили внимание, что в комедии имеются моменты, которые свидетельствуют о более широкой осведомленности Гоголя. А. М. Докусов и В. Г. Маранцам в книге «Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» в школьном изучении» (Л.: Просвещение, 1975) пишут: «Видимо, Гоголь что-то знал о случае в Устюжне. Вряд ли можно считать случайностью двукратное упоминание об Устюжне в «Тяжбе» («...Знавали ли в Устюженском уезде помещицу Евдокию Малафеевну Жеребцову»; «... оставляю во владение родовое и приобретенное имение мое в Устюженском уезде...»).

В «Мертвых душах» упоминается Весьегонск, находящийся недалеко от Устюжны. Запрос губернатора по своему содержанию, по «духу», по фразеологии, лексике является свидетельством жизненности, правдивости гениальной комедии Гоголя.

Но ведь Гоголь никогда не был в Устюжне. Откуда он мог что-то знать? В. К. Панов выдвинул следующее логическое предположение: Гоголь мог получить самые подробные сведения о случае с мнимым ревизором от генерал-майора Петра Ивановича Балабина; в доме которого был «своим человеком», являясь в свою начальную петербургскую пору домашним учителем. Здесь он давал в свое время уроки младшей дочери Балабиных — Маше.

И логично такое предположение: Гоголь, «получив» сюжет от Пушкина и заинтересовавшись им, мог узнать об устюженском скандале и его участниках от Балабина. А уж Балабин-то «по долгу службы» был осведомлен об этом во всех подробностях и, зная о горячей заинтересованности Гоголя сюжетом, не мог не поделиться своими знаниями с писателем. Ведь именно Балабину было поручено Бенкендорфом конфиденциально вести дело Платона Волкова.

«НЕКТО В ПАРТИКУЛЯРНОМ ПЛАТЬЕ»

В Платоне Волкове есть что-то не только от Хлестакова, но и от Ноздрева.

О нем, как о Ноздреве, можно сказать словами Гоголя: он «был в некотором отношении исторический человек».

Платон Волков не написал каких-либо воспоминаний, не вел дневников, ему было бы это невыгодно. Многие его «деяния» описаны в «жандармском деле», которое хранилось у Балабина, а затем у Бенкендорфа.

О происшествии в Устюжне и самом Волкове некоторые подробности можно узнать из нескольких документов этого жандармского дела.

Хлестаков в комедии стал «реvisorом» в какой-то мере случайно. А вот Волков сознательно одурачил устюженское начальство. И, видимо, существенно обобрал местных чиновников (в этом он уже похож на Хлестакова).

Приехав в Устюжну, Волков действовал весьма решительно. Нацепил на себя Мальтийский орден, хотя ношение этого ордена в России к тому времени было запрещено. И выдал себя за ревизора... корпуса жандармов (так сказать, грозного учреждения). Как докладывал генерал-майор Балабин Бенкендорфу, Волков «выдавал себя за чиновника канцелярии Вашего превосходительства, требовал себе квартиру, продовольствие для людей и лошадей, был на нескольких обедах у разных чиновников, обещал всем свою протекцию и, как говорят, оставлял адреса в канцелярию Вашего превосходительства...» Надо ж... в адрес самого Бенкендорфа. Вот это размах! Хлестаковский — никак не меньше.

Устюженское начальство, перепугавшись, ни на миг не усомнилось, что к ним прибыла важная персона, и пыталось умиловить эту «персону», как могло. Волков, вероятно, хорошо попользовался этим.

В. К. Панов, проследивший жизнь «вологодского Хлестакова», отмечал, что в течении двадцати лет Волковым в какой-то мере занимались все сильные люди того времени: шеф жандармов Бенкендорф, министры внутренних дел Закревский, Толстой, Блудов, архангельский генерал-губернатор Миницкий, которому в то время была подвластна Вологодская губерния, губернаторы и начальники жандармских управлений Вологодской, Владимирской, Костромской губерний. Жандармы вели за ним «негласное наблюдение». Но никаких мер против него предпринято не было.

Внешне Волков ничем не производил впечатление какой-то сомнительной личности. Напротив, и внешностью и манерами он мог очаровывать женщин и воздействовать на мужчин. Граф Д. Толстой, познакомившись с ним в театре, вспоминал об этом так: «...Судя по костюму и манерам, принадлежал к хорошему обществу. Он говорил очень умно и высказывал много вкуса и образованности... Волков был очень красив собою, вкрадчив, умен и обладал положительным дарованием как стихотворец: он осо-

бенно отличался как переводчик. В Санкт-Петербурге он в свое время был вхож в лучшие дома и женился на родной сестре графини Бобринской. В Москве он жил в доме последней, что у Страстного монастыря. Я по его вызову поехал к нему. Это был вполне барский дом, великолепно отделанный, с роскошной мебелью и ливрейной прислугой. Волков как хозяин дома был еще любезнее, чем как собеседник; он угостил меня гастрономическим завтраком, превосходно сервированным, и напоил меня отличным вином. Знакомство наше утвердилось. Волков ездил ко мне, а я к нему: мы сделались друзьями... Не знаю, что нашел во мне Волков; для меня он казался особенно привлекательным своим умом и светской образованностью. Немалую долю привлекательности в моих глазах имело его «литераторство». Я и сам писал стихи; но он их «печатал».

Литератор В. Буркашев характеризовал его так: «Вологодский помещик, довольно представительной наружности». Но отмечал его «резкие» манеры.

О чем свидетельствуют подобные воспоминания о Волкове его современников? Пожалуй, о том, что он, вероятно, был двойственен. Этот умный, красивый, образованный человек с хорошими манерами мог преобразиться в некое подобие Ноздрева — то есть плутовать, являться совсем в ином облике, обманывать, пускаться в сомнительные приключения. Это были две стороны одной натуры. Может, об этом было известно и Гоголю.

ГОГОЛЬ ЗНАЛ ВОЛКОВА

И было еще одно обстоятельство, которое могло привлечь к Волкову внимание Гоголя. И очень важное обстоятельство. Ведь Волков не только ловкий плут, не только — удачливый лжереvizор в Устюжне, он ведь и литератор, он публикует свои стихи в газете «Северная пчела» Фаддея Булгарина и журнале «Библиотека для чтения» Осипа Сенковского. А ведь это — правая, реакционная печать, которая постоянно выступает против Гоголя. Идет литературная борьба... Конечно, Волков — мелкая пешка в этой борьбе, но тем не менее он — «свой» человек в лагере литературных противников Гоголя. Волков — нечто вроде провинциального корреспондента Осипа Сенковского, знаменитого на всю Россию под псевдонимом Барон Брамбеус. А про Барона Брамбеуса следует сказать особо, хотя в последние годы о нем писалось много.

Осип Сенковский — писатель, ученый, востоковед. Человек интересной судьбы. Много путешествовал по Ближнему Востоку и Африке. Помимо европейских языков владел арабским, персидским, турецким, китайским, монгольским, тибетским языками. Опубликовал ряд научных работ по истории филологии Востока. Был блестящим стилистом, создал жанр научно-фантастической повести, являлся великолепным сатириком, умелым журналистом.

В молодости бывший близким Мицкевичу и деятелям польского освободительного движения, сотрудничавший в «Полярной звезде» Бестужева и Рылеева, он впоследствии оказался на самом правом краю русской журналистики, в одной компании с Фаддеем Булгариным.

Ратовавший за опубликование «Горя от ума», Осип Сенковский в то же время выступал с позиций «чистого искусства» против реалистической направленности Гоголя, против его драматургии. И, вероятно, не случайно приблизил к себе столь незначительную фигуру, как Платон Волков, видя в нем, так сказать, человека из широких кругов провинции, а на провинцию Сенковский во многом ориентировался в «Библиотеке для чтения».

Литературная неприязнь Гоголя и Сенковского была велика. Они вели литературную борьбу друг с другом, хотя и отдавали должное друг другу. Кстати, как известно, Сенковский упомянут в «Ревизоре»:

«Хлестаков. У меня легкость необыкновенная в мыслях. Все это, что было под именем барона Брамбеуса, «Фрегат «Надежда» и «Московский телеграф»... все это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи...»

Хлестаков, как нам известно из комедии, и с «Пушкиным был на дружеской ноге». Вспомним, Платон Волков тоже пытался встать «на дружескую ногу» с Пушкиным, осмеливаясь писать свою «повесть в стихах» онегинской строфой, как бы соперничал с великим поэтом.

Но можно ли доказать, что Гоголь знал Волкова? Сам Гоголь об этом ничего не говорил. Прямых доказательств нет. Но вот цитата из упоминавшегося О. Бодянского. Утверждая, что прототипом Хлестакова был Свинын, Бо-

дьянский указывает — Гоголь говорил, «например, о каком-то Волкове». Это для Бодянского Волков мог быть «каким-то». Для Гоголя все могло быть иначе. И эта цитата — бесспорное доказательство, что Гоголь знал Волкова. И, без сомнения, знал о нем.

ПРОТОТИПЫ СМОТРЯТ КОМЕДИЮ

В Петербурге — театральная ажиотаж. Билетов давно нет. Все хотят посмотреть спектакль по новой комедии, о которой уже столько разных слухов. Даже Карамзиным — самим Карамзиным — не досталось билетов.

19 апреля 1836 года — выдающаяся дата в русской культуре. Александринский театр. Первое представление комедии Николая Васильевича Гоголя «Ревизор».

Спектакль начался. Как же он проходил? Исследователи часто цитируют воспоминания критика П. В. Анненкова. Вот что он вспоминал: «Уже после первого акта недоумение было написано на всех лицах... По окончании акта прежнее недоумение уже переродилось во всеобщее негодование, которое довершено было пятым актом... Общий голос, слышавшийся по всем сторонам избранной публики, был: «Это — невозможность, клевета и фарс».

Значит, провал? Многие из «избранной публики» комедию не приняли. Но большинству зрителей она понравилась. Правда, никто не посчитал «Ревизора» событием, никто не понял, что значит эта комедия для русской сцены и русской культуры. Это выяснит потом сама жизнь.

Император, по словам актера Петра Каратыгина, во время представления «от души смеялся», а по окончании спектакля сказал: «Ну и пьеска! Всем досталось, а мне более всех!» Император никак не предполагал, что комедия «ревизует» порядок в России. Император хотел быть сам первым «ревизором» в России. И он обязал своих чиновников смотреть «Ревизора». Многие из них смотрели и морщились... Реакция на комедию была пестрой, сложной, противоречивой. Но о «Ревизоре» говорили все.

Правая печать обрушилась на Гоголя — мол, очернил действительность, оклеветал Россию. Яростно нападал на «Ревизора» Барон Брамбеус (О. Сенковский). В частности, он пытался доказать, что в «Ревизоре» «нет ни завяз-

ки, ни развязки потому, что это история одного известного случая, а не художественное создание...»

Обратим внимание — Сенковский пишет об «истории одного известного случая». Что же это за история? Что же за случай? Никаких указаний не дается. Но случай в Устюжне, «героем» которого является вологодский «корреспондент» Сенковского, его «приближенный» Платон Волков, действительно стал «известен» (о нем, к примеру, знал и Пушкин). Конечно, прямого вывода не делаем. Но такой вывод все же возможен.

Около «Ревизора» кипели страсти. Гоголь переносил все выпады против него очень болезненно. Глядя со стороны, можно расположить участников всех этих событий как бы на «разных этажах» одного здания. Первый, нижний, «этаж» — Волков, Булгарин, множество лиц, давших фактуру для фантазии писателя, — людей мелких, ничтожных, со своими маленькими целями, со своими подлостями и понятиями. Второй, средний, «этаж» — император, первый жандарм России, Бенкендорф, Сенковский, с его журналистикой, «просвещенная публика» с «просвещенными» суждениями.

Третий этаж — выше всех — гений, настоящий художник, со своими мечтами, поисками, метаниями, странностями, противоречиями, не понятными остальным, живущий своей жизнью, не понятной подчас себе самому.

Уже с премьеры «Ревизора» возникло противоречие между Гоголем и большинством публики, даже его сторонниками. Гоголь считал, что большинство воспринимает его комедию не так, как она была задумана, что его призыв к нравственному усовершенствованию, к тому, чтобы ревизовать собственные души, не был понят.

Внутренний кризис, трагедия его души уже тогда надвигалась на писателя. Пройдут годы, и в «Завещании» раздастся больной крик Гоголя, обращенный ко всем нам:

«Соотечественники! Страшно!.. Замирает от ужаса душа... Соотечественники! Я вас любил, — любил той любовью, которую не высказывают, которую мне дал Бог, за которую благодарю Его, как за лучшее благодеяние, потому что любовь эта была мне в радость и утешение среди наитягчайших моих страданий».

Какие слова... Сколько в них трагедии...

«Ревизор» в 40—50-е годы пошел по всей России. Без него русская сцена уже не мыслилась. В 1852 году «Ревизор» был поставлен в Вологде, шел он недолго, но в 1854 году был возобновлен. Правда, к этому времени Платона Волкова уже не было в живых. Он закончил свое бурное и брэнное существование в 1850 году. Ушел он из жизни, оставив кучу долгов. Его имение пошло с молотка.

Но ведь должны же быть какие-то «последствия» в Вологде, связанные с постановкой «Ревизора». Мне казалось, должно было возникнуть нечто особенное, неожиданное.

— Владимир Капитонович, — сказал я Панову. — Ищите. Что-то должно обнаружиться. Хотя что-то должно дойти до наших дней.

И он снова начал поиски. И кое-что нашел.

...Толстый том «Вологодских губернских ведомостей» за 1854 год. Номер от 3 декабря. В нем рецензия на постановку в Вологде «Ревизора». И знакомая подпись под рецензией... Волков. Только не Платон Волков, а Юрий Волков. Кто это? Племянник «вологодского Хлестакова»? Именно он написал рецензию не постановку «Ревизора» в Вологде.

Вот выписки из этой рецензии: «Пользуемся случаем высказать свой взгляд на пиесы Гоголя вообще и на «Ревизора» в особенности... Что глубоко огорчает нас, усердных почитателей великого таланта этого писателя?.. Это отсутствие всякого теплого чувства в создании задуманных им личностей...»

Итак, автор рецензии хотел бы, чтобы Гоголь проявил «теплое чувство» к своим персонажам, скорее всего — к Хлестакову. Что ж... понять племянника «вологодского Хлестакова» можно, но вот только согласиться с ним нельзя.

Далее автор рецензии честно признается, что «личности Хлестакова и слуги Осипа, по нашему мнению, совершенно возможны». Он подробно разбирает образ «Хлестакова и отмечает отличную игру вологодского актера Трусова в этой роли.

Что же собой представлял Ю. Волков? Обратимся к его личности. Вологжанин Ю. А. Волков (1824—1862) — журналист, критик, писатель, краевед. Личность довольно любопытная. Его имя совершенно забыто в Вологде, между тем о нем следует знать.

Начинал он свою журналистскую и литературную деятельность несколько в духе дядюшки. Отличался «легкостью мысли», склонностью к правым воззрениям. Но постепенно Ю. Волков сложился как достаточно интересный литератор. Он обладал живым метким словом. В его статьях, рассказах, стихах — довольно любопытная картина жизни вологодского общества середины прошлого века. Ю. Волкова можно считать основоположником театральной критики в Вологде. Его театральные рецензии с момента возникновения постоянной театральной труппы в Вологде — наиболее достоверный и подчас единственный источник по истории Вологодского театра того времени. Взгляды Ю. Волкова постепенно претерпели значительное изменение, он отказался от своих консервативных воззрений, довольно точно оценивал литературные события. В конце 50-х годов Ю. А. Волков переехал в Петербург, стал столичным журналистом, много писал и печатался. Характерный случай: издатель «Отечественных записок» А. А. Краевский предложил ему написать разгромную статью о Достоевском в журнале «Время». Но Ю. Волков отказался это сделать. Он писал: «Ход журнала очень силен... Достоевские сами работники спорные, и за них много молодых бойцов нового поколения».

Впоследствии Ю. Волков уехал за границу и основал в Берлине газету «Русский листок».

Что касается Н. В. Гоголя, то Ю. Волков, несмотря на некоторые критические нотки, все же всегда отзывался о творчестве великого писателя с большим почтением.

ВОЛОГДА В... «МЕРТВЫХ ДУШАХ»?

Есть даже предположение, что в «Мертвых душах» Гоголь изобразил именно Вологду и вологодское общество.

Не исключено, что Волков и Вологда у него как-то подсознательно вошли в его сочинения. Это доказывает статья исследователя А. Осипшина. Она напечатана в журнале «Наука и жизнь» (1991. №5). В ней автор доказывает, что Чичиков приезжал именно в Вологду и здесь вел свое дело с мертвыми душами.

А каковы его доказательства?

Их весьма много. К примеру географические. Гоголь пишет, что губернский город N «был не во глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц», и приводит два близких ориентира — города Устье-Сысольск и Сольвычегодск.

А оба они входили раньше в Вологодскую губернию. И, сопоставив множество других деталей, исследователь приходит к выводу, что в «Мертвых душах» «я тут, только один губернский город и вижу. А именно: Вологду».

Такое я даже комментировать не берусь.

И думается, поиски еще не окончены, эта история еще будет иметь продолжение и новых авторов.

В заключение этой повести у меня есть повод вернуться к Пушкину в связи с «вологодским Хлестаковым» — Платоном Волковым и пересказать еще один «русский чисто анекдот». И здесь всплывает фигура Булгарина. Кстати, ему власти поручили написать отзыв «О Борисе Годунове», и Булгарин написал отзыв, похожий на донос («Царская власть представлена в ужасном виде» и прочее). Это имело тяжелые последствия для пушкинской трагедии.

«АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН, МНОГО, ГОВОРЯТ, ХОХОТАВШИЙ»

Александр Сергеевич Пушкин шел по Невскому проспекту. И увидел выставленный в книжной лавке Ивана Лисенкова портрет. И не поверил собственным глазам... На портрете была подпись, что это господи Видок. А ведь в печати только что (6 апреля 1830 года) появилась заметка Пушкина «О записках Видока». Она имела большой резонанс. Пушкин протестовал в ней против публикации в России записок Видока, знаменитого французского преступника и шпиона, служившего затем в полиции. Поэт был решительно против издания этих записок, потакавшим дурным вкусам.

Но дело в том, что на портрете был изображен не Видок (в том и фокус), а пушкинский литературный противник — Фаддей Булгарин. И Пушкин весело захохотал остроумной проделке. Поэт, конечно, не знал, что свидетелем всему происходящему явится вологодский помещик Платон Волков.

Пушкин вел словесную дуэль с Фаддеем Булгариным, популярным в те времена литератором и нечистоплотным человеком, доносчиком, агентом Третьего отделения. О том, что Булгарин — агент и доносит в полицию, в литературных кругах знали, и Пушкин, разумеется, его за это открыто презирал.

Вполне допускаю, что и Платон Волков уважал Пушкина гораздо больше своего приятеля Булгарина. Во всяком случае в своих стихах подражал Пушкину и высоко ценил «Бориса Годунова». А как авантюрист и мистификатор, он мог вполне по достоинству оценить проделку, устроенную над Булгариным. Именно со слов Волкова и художника Яненко журналист В. Бурнашев описал этот анекдотический случай.

По описанию Бурнашева, «один из первых покупателей этого портрета, цена которому 5 рублей (синюшка), был Александр Сергеевич Пушкин, много, говорят, хохотавший этой проделке. Потом поэт наш со своей покупкой, не одного, а чуть ли не пятак экземпляров, пошел по Невскому проспекту. На тротуаре он встретил несколько своих приятелей, которых тотчас снабдил этой прелестью, а другим указал адрес Лисенкова». В результате у Лисенкова «не было отбоя от покупателей портрета Видока. Один экземпляр... Пушкин собственноручно прибил гвоздиками в книжном магазине Сленина со строгим запретом «не снимать со стены».

В конце концов в лавку Лисенкова нагрянули сам Булгарин и полиция. Портрет был конфискован, но Булгарина осмеяли на всю столицу... А Платон Волков свидетельствовал о том для истории. Вот вам и «вологодский Хлестаков»!..

ПОТОМКИ

В девяностых годах столичная газета «Известия» неоднократно писала о моих литературных поисках, в том числе и относительно «вологодского Хлестакова» — Платона Волкова (публикации В. Филиппова). И в ответ на эти публикации в Москве объявились потомки Волкова. В «Известиях» появилась такая корреспонденция журналистки Виктории Авербух:

«По преданиям, переживала за Платона вся семья, — сказал в беседе с корреспондентом «Известий» Игорь Волков, пра-пра... внук П. Волкова, живущий сейчас в Москве. — Отец его сердился, мать плакала... Позор...» Но семейная легенда о Платоне бережно хранится и переходит от поколения к поколению, от отца — к сыну Волковых.

Яблоко упало от яблоньки достаточно далеко: потомок «Хлестакова» — доцент кафедры биологии Российского го-

сударственного медицинского университета. Но некий авантюризм унаследовал и Игорь Николаевич. Где он только не был: и с цыганами кочевал, и по Амазонке ездил, и даже через Анды переходил. В походах выучил рецепт приготовления чачи, восемь языков и сделал немало биологических открытий.

В жены он взял дворянку из рода Корниловых. Ее семья бежала от большевиков из Крыма, сменила фамилию на Карениных, решив, что графа Толстого «красные» уж точно не читали. Расчет оказался верным, семейство выжило. И через много лет ветви Волковых и Корниловых-Карениных соединились. Дети уже есть, осталось только общий герб нарисовать».

Так что потомки Платона Волкова ныне живут в Москве.

МАТЬ И ДОЧЬ, или КРАСАВИЦЫ, КОТОРЫЕ НЕ СМОГЛИ ПОЛЮБИТЬ

КРАСАВИЦА АЛЯБЬЕВА

Услышав сильный шум, она заглянула в детскую. Посредине детской прыгала, отчаянно визжа, Оленька. Голова ее была повязана наподобие чалмы полотенцем, она размахивала деревянной шашкой. Напротив, перед строем оловянных солдатиков, стоял Николенька: выставив вперед игрушечную пушку, он громко ухал, изображая пушечные выстрелы.

— Почему такой шум? — строго спросила она.

— Мама, не мешай! — закричала Оленька. — Мы играем в чеченскую войну.

— Она — Шамиль, — пояснил Николенька, — а я — генерал Ермолов.

Николенька рос смелым, буйным мальчиком, но вот дочь...

— Девочкам не пристало играть в мальчишечьи игры, — со строгостью сказала она Оленьке.

— А я хочу, — упрямо заявила дочь. — Я хочу играть в мужские игры. И буду.

В ее любимице дочери иногда проявлялось что-то упрямое, неженское. А ведь, кажется, прелестнейшая девочка, и родилась под счастливой звездой. Сам государь Николай Первый был ее крестным. Император высоко ценил их аристократический дом, брак ее, Александры Алябьевой, с гвардии поручиком Алексеем Киреевым назвал «прекрасным союзом». А когда родилась очаровательная малютка-дочь, вызвался стать ее крестным и пророчески заявил: «Эта девочка еще покажет себя миру».

Что же произошло потом? Когда это все стало проявляться? Почему-то ей особенно в связи с этим памятен

день, когда был закончен портрет... И художник, этот несчастный чеченец, должен был накануне встретиться с архимандритом Игнатием и получить благословение своей работе.

* * *

Встреча состоялась случайно, архимандрит Игнатий был в Москве проездом. И знакомые устроили Захарову эту краткую встречу с ним. Советовали говорить все начистоту, как на исповеди. Захаров так и сделал. Он сказал архимандриту и о своем страхе перед смертью, и о своей страсти к замужней женщине, и о ее портрете, им написанном.

Архимандрит, внимательно выслушав художника, некоторое время молчал. Казалось, он был безучастен к услышанному. Закрыты глаза, испарина на лбу. Вид у архимандрита был явно нездоровый.

Внезапно он, открыв глаза, пронзил острым взглядом собеседника и заговорил со страстью: «Рисование сладострастных картин — великий грех. Блудное разженье и блудные ощущения к всякой женщине, тем паче замужней, — великий грех. Покайтесь. Вот вам моя брошюра в помощь кающимся. В ней описаны восемь главных страстей с их подразделениями и отраслями. Второй по значимости грех: любодеяние. Это и приятие нечистых помыслов, услаждение ими, и нехранение чувств, в особенности осязания. Все то ведет к блуду и прелюбодеянию. И влечет гибель души и тела. Сожгите свой сладострастный портрет, а от предмета свой страсти бегите немедленно. Тем и спасетесь, обратившись к покаянию.

На том и расстались. На другой день Захаров, поколебавшись, повез портрет к Алябьевой.

ПОРТРЕТ

Красный бархат платья. Оголенные прекрасные плечи. Черные длинные волосы, проникновенный взгляд огромных глаз. Спокойное, задумчивое выражение лица.

— Чудесно! — сказала она, вглядываясь в портрет. — Спасибо вам.

— Спасибо вам! — повторил он, с восхищением глядя на нее.

Внезапно смешавшись, она отошла в сторону. Она знала, что он скажет сейчас. И он действительно это сказал:

— Александра Васильевна, моя кисть была не в силах сполна передать вашу классическую красоту. Вы являете то, что так недоставало моему сердцу. В жизни вы прекраснее, чем на моем портрете.

— Петр Захарович, — привыкшая к бесконечным комплиментам, учтиво ответила она. — Я очень рада, что именно вам поручила заказ на свой портрет. Поздравляю вас — вы создали произведение. А для меня этот портрет — на всю жизнь.

— И для меня тоже, — сказал он. И вдруг побледнел, закашлялся. Неестественная бледность, легкий кашель — все это было, когда он делал последние мазки. И вот теперь — как взрыв...

— Вам дурно? — обеспокоилась она.

— Ничего, ничего. Извините... — он пытался сдержать кашель.

У него были больные легкие, об этом знали все. Болезнь то затихала вроде бы, то возобновлялась.

— Петр Захарович, — она говорила с живым участием, — я велю заложить дрожки. Вам надобно в постель...

— Ах, Александра Васильевна... — крайняя досада отразилась на его лице. — Мне так хотелось побыть с вами. Но, пожалуй, в самом деле сейчас — лучше в постель... Пожалуй, я поеду... Извините...

ХУДОЖНИК ИЗ ЧЕЧЕНЦЕВ

Он уехал. Она была расстроена...

Потом долго не могла насмотреться на свой портрет. «Теперь, — думала она, — этот портрет переживет и меня, и мою красоту. А каков он все-таки художник — превосходный... И как его жаль».

Она знала его необыкновенную судьбу. Он сам ей про то рассказывал.

Родом он был горец, чеченец. Он так и подписывал свои работы: «Захаров из чеченцев». Поистине участь его необыкновенна.

...Это было в 1819 году на Кавказе. Русские под предводительством славного генерала Ермолова штурмовали горный аул Дары-Юрт. Аул был в огне. И вот навстречу наступавшим солдатам из горящей сакли выползла смертельно раненая горянка, молодая мать с ребенком, прижатым к груди. И последним умоляющим усилием она протянула своего малыша русским...

Солдаты спасли ребенка, а после боя принесли его в ставку главнокомандующего. На глазах сурового Ермолова выступили слезы.

— Захар! — крикнул он верного казака. — Возьми мальчика. Русским именем его нареки. А когда придет время, спрошу тебя о нем.

Четыре года мальчик, названный Петром, рос в семье казака Захара Недоносова. А пришло время, Ермолов вспомнил о маленьком чеченце, забрал его и отдал на воспитание своим родственникам.

Петруша рано обнаружил способности к живописи. А когда вырос, стал художником, закончил Академию художеств. Теперь он академик живописи. Особенно прославился Петр Захаров своими портретами. Он написал портрет Ермолова, знаменитых литераторов Лермонтова, Некрасова, Грановского и многих других. И вот теперь ее портрет — Александры Алябьевой.

Но признание ему — при всех его блестящих способностях — давалось с огромным трудом. В свете его продолжали считать безродным чеченцем. Он был одинок. И любовь его к миловидной Глашеньке Волковой оказалась несчастливой, родители Глаши выдали замуж ее за француз-эмигранта. Лучше француз, чем чеченец.

Видно, все это сказалось. Он сделался больным.

Ей искренне жаль его. Он так молод, талантлив. Она постоянно показывает ему свое участие... А он — с таким восхищением и страстью — смотрит на нее. И ей, известной красавице, привыкшей к поклонению и обожанию, становится не по себе.

Он зачастил в их дом, благо, предлог есть обоснованный — ее портрет.

Но портрет окончен, денежные расчеты произведены. Что же теперь? Она встречается с ним всегда с живейшим удовольствием. Но...

Она позвонила в колокольчик, сказала вошедшей горничной:

— Лиза, сбегай к батюшке, скажи, я тоже поеду с ним в Вологду...

...На следующий день вместе с отцом, Василием Федоровичем Алябьевым, она выехала из Москвы в Вологду.

Василий Федорович ехал туда по делам (несмотря на почтенный возраст, он был крепок и деятелен). Александра Васильевна объяснилась с ним так: она хочет, пока муж

на маневрах, погостить у вологодских родственников, отдохнуть в деревне.

Но, пожалуй, это было тайное бегство от любовных обстоятельств.

ОНА И ПОЭТЫ

Алябьевы издавна жили в Вологде и имениях окрест ее. Род был именит. С древних времен Алябьевы владели поместьями в Вологодской, Ярославской и Владимирской губерниях.

Помнили донныне в Вологде с почтением Александра Васильевича Алябьева, который, будучи советником Вологодской казенной палаты, принес много пользы в коммерции и таможенном деле, а также был отмечен и добродетелями, и образованностью. После Вологды во многих городах служил Александр Васильевич, стал сенатором, видным государственным мужем, а на склоне лет переехал в Москву. Сын его Александр Александрович Алябьев — известный сочинитель музыки, все знают его знаменитую песню «Соловей», на слова барона Дельвига, вся Россия ее поет. Увы! Александр Александрович попал в опалу, был под арестом, сидел в тюрьме... Таковы прихоти фортуны.

Потому Василий Федорович Алябьев в разговорах старается о своем родстве с опальным сочинителем музыки умалчивать, а подчеркивает, что они «родственники со старшим Алябьевым, отцом, сенатором. А дочь Александра Васильевна, напротив, гордится, что она — родственница, хотя и дальняя, опального автора знаменитого «Соловья». Нравятся Александре Васильевне и многие его романсы на слова Пушкина. Пушкинские пьесы любезны ее сердцу, хотя в молодости она была к ним совершенно равнодушна, а стала вчитываться в них лишь в зрелые годы.

В молодости она, бывало, зачитывалась французскими и английскими романами. В их вологодском имении была довольно обширная библиотека. Василий Федорович, хотя и не признавал никаких романов и терпеть их не мог, все ж хотел слыть помещиком просвещенным — выписывал журналы и покупал новейшие переводы. Тем самым, он считался на всю Вологодскую губернию человеком обширных знаний и, в силу своей образованности, избирался губернским предводителем дворянства.

А дочка Александра, бывало, даже за обедом не могла оторваться от очередного тома, смотрела не на ложку, а в страницу, вызывая то насмешки, то раздражение домашних.

Ах, каким восторженным ужасом наполнялось ее сердце, когда долгими вечерами, при свете трепещущей свечи, под пение горничных в соседней горнице, она полностью погружалась в «Удольфские тайны» госпожи Радклиф или другую столь же замечательную книгу. Воображению ее являлись обольстительные вампиры, искушители-привидения, она испытывала почти обморочное состояние.

Впрочем, воображение ее никогда не было расстроено, она всегда отличалась отменным здоровьем. Тому способствовали и все условия естественной деревенской жизни — чудесная природа, наполненный ароматами лесов и лугов деревенский воздух, густые, жирные вологодские сливки.

В пятнадцать лет она расцвела пышной и редкой красотой, удивлявшей даже родных. Отец повез ее в Москву. Кстати, речь о переезде в первопрестольную шла уже давно. Хотя после московского пожара прошло несколько лет, власти все еще поощряли заселение города, давая разные льготы. И Василий Федорович продал вологодское имение, и они перебрались в Москву.

Через год она появилась в свете и произвела фурор, об ее красоте заговорила вся Москва, узнали и в северной столице. Вяземский назвал ее красотой «классической», в отличие от «романтической», по его мнению, красоты Натальи Гончаровой.

* * *

Ей очень памятен бал — то было в декабре 1828 года — у известного московского танцмейстера Иогеля, на котором она соперничала красотой с Натальей Гончаровой. Им было по шестнадцать, они стали первыми красавицами России, и соперничество их было невольным, не враждебным; они как бы дополняли и оттеняли друг друга.

Она была в алом креповом платье с пунцовой розой в волосах. Наталья была в белом воздушном платье с золотым обручем на голове. И бал, восхищаясь обеими, как бы разделился на две партии, решая, кто же красивее — она или Наталья.

Но вдруг новое волнение пробежало по залу — появился Пушкин. Он был уже знаменит, и опален, и вроде бы

прощен... Но все уже считали: он — первый поэт России, он — главная знаменитость России; за ним ходили толпами, каждое его слово ловили...

И он с жадным интересом посмотрел на нее, Александру Алябьеву. Но потом он увидел Натали. И все решилось.

Нет, она, Александра Алябьева, не была задета тем, что он отдал предпочтение Натали, что он влюбился в Натали... Нет, Пушкин, как мужчина, мало тогда интересовал ее.

Но Натали ее всегда интересовала, с того бала она постоянно о ней спрашивала, следила за ее судьбой. Хотя сама она не пошла бы за Пушкина.

* * *

Пушкин, сватаясь к Натали, писал Бенкендорфу: «Г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел несчастье быть на дурном счету у государя»... Бенкендорф ответил Пушкину, что государь относится к женитьбе Пушкина на Натали Гончаровой «с истинно отеческим благоволением».

А Александра Алябьева с удовольствием узнала, что в пиесе «К вельможе» Пушкин написал про «блеск Алябьевой» и «прелесть Гончаровой». Так что же лучше — «блеск» или «прелесть»?

Всего одна строка, а как она ей польстила!

* * *

И еще один великий поэт написал о ней — Лермонтов. Но то были оскорбительные строки. Они больно ударили ее.

Это было в Благородном собрании на новогоднем маскараде — встречали Новый год. И Лермонтов явился перед всеми в костюме астролога — под мышкой огромная книга. Якобы книга судеб. Лермонтов открыл книгу, стал показывать каждую страницу и читать. В книге были начертаны большие черные кабалистические знаки, а под каждым знаком — стихи, назначенные разным людям. Как сразу все поняли, лермонтовского сочинения. Стихи были шуточные, но с едкостью...

Лермонтов прочитал уже послания «Н.Ф.И.», Бухариной, Трубецкому, Павлову. И объявил: «Алябьевой». Она вздрогнула от неожиданности, но полагала услышать приятный сюрприз.

Устюжна. Центральная часть города

К.Н. Батюшков. 1810

Н.В. Гоголь.
Худ. А.А. Иванов

А.И. Куприн.
Фото 1900-х гг.

Дорога к храму (Благовещенская церковь)

Н.Н. Пушкина.
Портрет В.И. Гау

А.С. Пушкин. И.Л. Линева. 1836—1837

В.А. Жуковский

Медный всадник.
Рис. А.С. Пушкина

Император Николай I

П.В. Долгоруков (Долгорукий)

И.С. Гагарин

Л.-Б. Геккерн

Идалия Полетика
(прекрасная убийца Пушкина)

Жорж Дантес,
убийца Пушкина

Пушкин в гробу. А.А.Козлов, 1837

Устюжна. Панорама города

Торговая площадь

Собор Рождества Богородицы

Казанская церковь.
Изображение Г. А. Строганова

На снимке: американское посольство в Вологде в 1918 году; в центре — посол Д. Фрэнсис; на том же самом месте В. Аринин и посол США Пикеринг семьдесят с лишним лет спустя

Парсуна XVI в. царя Ивана Грозного

Возможно, в этом месте в Вологде таится библиотека Грозного

Ферапонтов монастырь.
Надвратные церкви
Богоявления и
Преподобного
Ферапонта. 1649

Дионисий. Богоматерь
с архангелами Михаилом
и Гавриилом. Фреска в
соборе Рождества
Богородицы. 1502

Кирилло-Белозерский монастырь.
Вид со стороны заснеженного Северского озера

Горицы. Рис. XIX века

Горицы. Современный вид

Преподобный Кирилл Белозерский.
Дионисий Глушицкий. 1424

Афиша первого представления «Ревизора» в Малом театре в Москве. 1836

М.С. Щепкин — городничий

Устюжна, дом городничего, XIX в.

Н.В. Гоголь на репетиции «Ревизора».
Рис. П.А. Каратыгина

Портрет И.А. Макшеева, устюженского городничего

Гоголь 1835 год

Ф.В. Булгарин

С.А. Неёлов — «хлестаковский» тип враля и сердшеда

В.А. Соллогуб

Сын городничего
В.И. Макшеев

В.К. Панов

А.А. Поздеев

Устюжна сегодня

Е.М. Тизенгаузен,
урожденная
Голенищева-Кутузова

Ф.И. Тизенгаузен —
прототип
Андрея Болконского

Е.М. Хитрово, литография
с ориг. В.И. Гау

Д.Ф. Фикельмон, урожденная Тизенгаузен.
Акварель Т. Уинса

Долли Фикельмон. Рис. А.С. Пушкина
из Арзрумской тетради

Гостиница «Демут» в Санкт-Петербурге. Гравюра 30-40-х гг. XIX в.

Ольга Межакова — жена
Н.Я. Данилевского

Н.Я. Данилевский

Е.Н. Вревская, урожденная
Вульф. А.А. Багаев. 1831

Храм в Дуброво, расписанный
И.Л. Линевым. Не сохранился

А.В. Алябьева. П. Захаров. 1845

Ольга Новикова — «русская шпионка»

Ольга Новикова.
Детский портрет

Барский дом в Покровском —
один из шедевров усадебной архитектуры
XIX в., не получивший широкой
известности

Ю.П. Строганова,
предполагаемый агент
III Отделения

И.П. Липранди,
супершпион XIX в.

Ф.М. Достоевский
прапорщик Семипалатинского
гарнизона. Фото сер. 50-х гг.

Гражданская казнь над петрашевцами.
22 декабря 1849 г.

Аврора Шернваль

Ф.М. Достоевский.
К.А. Трутовский. 1848

Рисунки Ф.М. Достоевского на черновике
романа «Преступление и наказание»

Окрестности усадьбы Ермолово

Л.И. Волконская, «маленькая княгиня» в «Войне и мире»

Лев Толстой. Портрет 40-х гг.

А.Ф. Закревская, «медная Венера»

Ф.И. Толстой
«Американец»

Дом на Сивцевом Вражке,
где написана «История
вчерашнего дня»

Ермолово.
Старый дуб

Даниловское.
Музей К.Н. Батюшкова и А.И. Куприна

Людмила Ивановна Любимова,
прототип княжны Веры в
«Гранатовом браслете»

Ф.Д. Батюшков

А.И. Куприн

Вера Уаровна Сипягина-
Лилиенфельд.
Фото 1913—1914 гг.

Гостиная в усадьбе Даниловское

Рисунок К.Н. Батюшкова, сделанный во время психической болезни

К.Н. Батюшков.
Рис. А.С. Пушкина. 1818

Константин
Батюшков-жених

Вологда. Памятник К.Н. Батюшкову

Анна Фурман (Оленина)

А Лермонтов прочитал:

Вам красота, чтобы блеснуть,
Дана;
В глазах душа, чтоб обмануть,
Видна!
Но звал ли вас хоть кто-нибудь:
Она?

Слово «Она» Лермонтов, читая, выделил насмешливым голосом.

Она возмутилась, смешалась. Стоявший рядом с ней ее страстный поклонник, гусар Киреев, прошептал гневно:

— Я его вызову!

— Не смейте, — приказала она ему. — Не смейте, иначе между нами все будет кончено.

Приехав домой, она долго плакала. Лермонтовские стихи испортили ей Новый год... Как он мог поступить столь бестактно?!

Но в глубине души она призналась сама себе — Лермонтов в чем-то был прав. До сих пор она вела жизнь рассеянную, жила светскими удовольствиями, ни в чем из прихотей себе не отказывала, могла и обмануть кого угодно ради прихоти. Ее любили многие, она — никого.

...В том году она вышла замуж за Киреева. И решила изменить свою жизнь.

Она стала читать Батюшкова, Пушкина, Лермонтова. Она теперь выезжала в театр не для того, чтобы показать новое платье, — ради спектакля. Она стала много музицировать и открыла для себя, для души, музыку своего родственника — Александра Алябьева.

Время шло, с годами ее красота изменилась, стала чуть тяжеловата. Но мужчины, как прежде, сходили по ней с ума. Муж ее обожал, она относилась к нему с уважением. Но никого так и не полюбила...

И к Петру Захарову, писавшему ее портрет, она относилась сначала лишь с теплым чувством. Но как-то постепенно, чувствуя на себе его восторженные и страстные взгляды горца, она стала испытывать некоторое волнение. Ведь жизнь уже проходит, как прошла молодость. Она почувствовала — в душе происходит то, чего раньше никогда не было. И, испугавшись, она решила уехать. И подальше. В Вологду.

Первые дни в Вологде — сплошные визиты. Она устала от визитов, приемов, новых знакомств. Женское общество в Вологде выглядело весьма пестро: есть и изысканные туалеты, и умненькие речи, и красивые лица, но другого было больше — крайне смешные претензии, грубоватость, жеманство.

Многие спрашивали ее об Алябьеве-старшем... А ей не хотелось говорить о сенаторе, она могла бы рассказать об Алябьеве-сыне, его музыке, но никто ее про это не спросил. Она — мочи нет — устала от разговоров и была чрезвычайно довольна, когда могла поехать в Покровское, к своим давним приятелям Брянчаниновым.

Уже в дороге она отдыхала душой, с радостью глядя на окрестные леса, цветущие луга, поля, деревеньки, вдыхая аромат трав и цветов. Дорога была неблизкой, двадцать верст по Грязовецкому тракту, и коляска несколько раз увязала в грязи. Но все равно это не утомило ее, а когда впереди, на холме, в зелени парка возникло белое, как мираж, легкое и прекрасное здание усадьбы, сердце Александры Васильевны забилось радостно.

* * *

На следующий день, в прелестную погоду, вместе с Софи, своей давней приятельницей, вышедшей за знатного вологодского барина Брянчанинова, свежая, довольная, она обходила усадьбу и искренне восхищалась всем вокруг.

— Ах, Софи, — говорила она приятельнице, — не знаю, с чем сравнить вашу усадьбу. Это красавица. Ну, право, красавица.

И Софи краснела от удовольствия, но не оспаривала комплимент, точно так она сама считала...

Они стояли на соседнем холме и любовались усадьбой. Светлый нарядный каменный барский дом как-то удивительно входил в окрестную природу, был созвучен и со старым парком, и холмами, перелесками, лугами вокруг, и дальними, по горизонту, лесами. С четырьмя коринфскими колоннами, с изящной баллюстрадой балкона, дом казался музыкальным, хрупким, почти женственным.

— А кто архитектор? — спросила Александра.

— Какой-то Сапожников, — ответила Софи.

— Кто же он?

Софи пожала плечами:

— В том-то и беда, Сашенька. Не знаю, кто он. Приезжий какой-то. Тридцать с лишком лет прошло. Память о нем потерялась. Сапожников — и Сапожников. А кто он был — Бог весть.

— Неужели? — огорчилась Александра. — А какой мастер. Он же создал шедевр. Это ж, наверное, одна из лучших усадеб во всей России.

— Все так, — подтвердила Софи. — А остался неизвестным. Не умеем мы в России ценить таланты.

Переговариваясь, приятельницы спустились в парк: В центре его был залитый солнцем круг, от него лучами расходились липовые аллеи. Все пространство между липами было покрыто цветами, голубыми и лиловыми, высоченными колокольчиками.

— Никогда не видела таких колокольчиков, — восхищалась Александра.

— Да, — кивнула Софи. — Это все наш садовник. Тоже мастер...

Они вышли на большую поляну, обрамленную ивами и акацией.

— Это наш огород, — пояснила Софи. — Здесь все устроено так, чтобы все время грело солнце. Наш садовник выращивает здесь огромных размеров всякие овощи. А вон оранжерея — там вызревают персики...

— Поистине мастер, — сказала Александра.

— Ты начала мне рассказывать про Алябьева, композитора. Ах, Сашенька, его «Соловей» — чудо. И другие романы тоже. Как он? Что с ним было такое? Продолжи, расскажи...

Александр был приятен интерес подружки к Алябьеву, к его музыке.

— Что с ним было, Софи? Хорошо, я продолжу...

И она стала рассказывать об Алябьеве:

— Да, Софи, он ныне один из главных русских талантов. Он очень одарен. И ведь, казалось бы, Софи, Александр Алябьев — баловень судьбы, из блестящей семьи, богат, прекрасно образован, удачлив. Уже в отроческие годы писал музыку, имеющую успех. Во время бонапартова нашествия конечно же вступил в армию, проявил храбрость, дошел до Парижа. Когда вернулся домой, — так он сам говорил, — было у него одно желание: сочинять музыку. И сочинял. Но есть у него неумемная страсть

— карты. И в игре он вспыльчив не в меру, неистов. И была как-то большая игра, крупная ставка. Играли — он, Алябьев, и некие Времев и Шатилов. Проигравший Времев отказался платить. Говорят, дошло до рукоприкладства. Через двое суток Времев умер. И пошел слух: мол, умер от побоев. Алябьева арестовали, заключили в тюрьму. И это было как перелом во всей его судьбе. Нет, его вина потом, во время следствия, была не доказана, более того — была опровергнута. Времев умер от сердечного приступа — это выяснилось. Но Алябьев был все-таки лишен чинов и наград. Его сослали: сначала в Сибирь, потом в Оренбургский край и на Кавказ. На десять лет... Он и сейчас — в опале.

Александра грустно опустила голову.

— Представь себе, Софи, — продолжала она, как бы очнувшись, — его «Соловей» был написан в тюремной камере. А большая часть его музыкальных пьес лежит втуне.

— Втуне? — повторила Софи в раздумье. — Ах, моя милая, все так непросто в жизни. Я как бы продолжу тебя... Вот и литературный талант брата моего мужа, Дмитрия Александровича, пропадает втуне. Слышала ты о нем?

— Немного слышала. Но все же расскажи подробней...

— Что же... теперь моя очередь рассказывать. Ты — о своем родственнике, а я — о своем. Хотя, признаться, рассказать о нем не так просто. Родился он здесь, в Покровском, и усадьбу нашу очень любит. Был назван в честь святого Дмитрия Прилуцкого, но родители, конечно, полагали, что он пойдет по военной части. И, представь себе, он обратил своей серьезностью на себя внимание самого государя. Государь, можно сказать, по-отечески полюбил его. Живя в столице, посещал знаменитый дом Олениных, говорят, прекрасно декламировал стихи. Был знаком с Пушкиным, Батюшковым, Жуковским и многими другими нашими знаменитостями. И все отмечали в нем литературные способности. Но в его душе зрело другое призвание — духовное. Потому он отказался, как ты знаешь, от военной карьеры. И, как его ни уговаривали, включая самого государя, постригся в монахи, приняв имя Игнатия. Сейчас он архимандрит, настоятель Троице-Сергиева монастыря, близ Санкт-Петербурга. И стал уже знаменит своей подвижнической деятельностью.

— И ничего не пишет?

— Как же... пишет, и прекрасным стилем. Но лишь на библейские и церковные сюжеты. А в литературе осуждает многое. Осудил и Онегина, и Печорина, назвал их современными эгоистами, коим никак не должна следовать нынешняя молодежь. В сочинениях Гоголя различает свет, но больше видит тьму. Религиозные искания Гоголя считает душевными, а не духовными. И полагает, что всякое художественное творчество есть просто искус сердца.

— Как это — искус, Софи? А что же, в таком разе, любовь к женщине? Ведь женская красота — тоже дар Божий, достойный воспевания.

Сказав так, она покраснела. Почему-то ей вспомнился Петр Захаров. А вдруг она способна все же полюбить его, чеченца?

* * *

Лето прошло быстро и приятно. Отдохнувшая, с загоревшим лицом, она возвращалась в Москву.

У заставы скопилось много подвод, коляска остановилась и Александра Васильевна увидела проходившего мимо слугу Захарова.

— Любезный! — воскликнула она взволнованно. — Подойди-ка сюда. Ну, скорей, скорей. Как твой барин, господин Захаров?

Слуга насупился:

— Помер барин. Чахотка... Тридцать годов всего-то пожил. Эх!

— Как помер? — не поверила она. — Что ты! Что ты!

— Помер, барыня. Третьего дни похоронили.

Она вышла из коляски, перекрестилась. Потом разрыдалась...

КРАСАВИЦА НОВИКОВА

— Как странно, — подумала она, — в жизни матери был какой-то чеченец, впрочем, одаренный — он прекрасно написал ее портрет. Вот и у меня появляется какой-то кавказец, правда, неизвестный совсем. Мать, видимо, чуть не влюбилась в своего чеченца. Неужели в какого-то кавказца, наконец-то, влюблюсь и я? Вряд ли. Но это какое-то помешательство. Я все время думаю о нем — о никому не известном Хаджи-Гирее. Мне кажется — нас с ним что-то связывает.

Она нервно ходила по номеру — с нетерпением ждала свежих газет, особенно «Таймс». С чтения «Таймс» началось каждое ее утро.

Ольга Новикова, дочь Александры Алябьевой, с 1868 года каждую зиму жила в Лондоне, в отеле «Клиридж». В России она бывала только наездами, с матерью почти не общалась. Лишь к младшему брату Николаю сохранила сердечную привязанность. Но с ним она тоже давно не виделась: он, бесшабашная голова, уехал добровольцем на войну с турками. Конечно, много переживаний она и Николенька доставили матери.

Мать возлагала на дочь особые надежды. У Ольги было все для счастливой, по ее понятиям, и блестящей жизни: изумительная красота, доставшаяся ей в наследство, и редкий дар для женщины — острый, оригинальный ум. С детства она чувствовала себя как рыба в воде в их домашнем салоне, где постоянно собирались сановники, писатели, художники, артисты, и приводила в восторг взрослых своими совсем недетскими суждениями. Мать бывала на седьмом небе, постоянно слыша комплименты дочери — она воплощала не только красоту, но и так называемую «духовность», о которой без конца говорила мать.

Ах, как все было хорошо. Но в дом пришло несчастье: скоропостижно умер отец, всего тридцати семи лет от роду. И мать впоследствии часто говорила ей: «Ах, Ольга, мне не суждено было долгое семейное счастье. И я так хочу, чтобы это счастье сполна узнала ты».

Ольга вышла замуж в девятнадцать лет — за приятного и надежного человека, штаб-офицера Генерального штаба Ивана Новикова. Родила сына. А потом произвела фурор — бросила мужа и малютку-сына и уехала в Лондон.

Свет был потрясен. Мать слегла в постель — поступок дочери казался необъяснимым. Но он был естественен для дочери: к этому времени она поняла, что роль верной жены и заботливой матери — это не для нее. Жить ради мужа, который оказался скучным и обыкновенным человеком, и новорожденного сына, который еще и не был вполне человеком, она не хотела, не могла.

Семейные идеалы матери были ей скучны, представлялись — из другой эпохи. «Духовность» и литературные увлечения матери набили ей оскомину. Она хотела жить

так, как не жил до того времени никто из русских женщин.

Она стала феминисткой, колесила по Европе, появляясь в высшем свете то в Париже, то в Вене, знакомилась с знаменитостями, блистала, разбивала сердца, потом сбегала ото всех на зиму в Лондон. Здесь у нее был постоянный поклонник — старый, но еще крепкий, всех удивлявший своими мужскими кондициями всемогущий премьер-министр Англии сэр Уильям Гладстон.

Газеты гадали, были ли они любовниками... И еще пошел слух, что она русская шпионка. Газета «Ворд» так и написала: «Новикова — платный агент русского правительства. Ее занятие состоит в возбуждении интереса к этой стране (то есть России), одурачивании политических стариков и выведывании полезных сведений». На эту грязную газетку стоило подать в суд, но Ольга Новикова была выше чего-либо подобного.

ВМЕСТЕ СО ВСЕМИ ХРИСТИАНАМИ

Она считала себя женщиной необыкновенной — и ею интересовался не только старик Гладстон. Она переписывалась с Александром Третьим. Император был заинтригован ею, как и многие другие сильные мира сего.

А вот на родине о ней писали дурно. Особенно литераторы, российские знаменитости. Она завела специальный альбом (вот он, на туалетном столике), куда выписывала отзывы о себе этих самых российских властителей душ.

Она листает альбом. Вот Иван Гончаров... его «Обломова» вся Россия читает. А что же про нее он пишет? «Это своего рода блудовство, как публичная женщина, всем служит, не чувствуя ни любви, ни даже побуждения темперамента». Это похлеще, чем Лермонтов писал когда-то о матери. Но о матери восторженно отзывались Вяземский и Пушкин. А о ней... Вот и Лесков вторит Гончарову: «Приедет, бросит взгляд, с одним, другим повидается, «освежит ресурсы» и уедет снова». А Тургенев назвал ее способ жить — «суетой за толстыми щеками». Глупо. Ее щеки совсем и не толстые, а пухленькие, с милыми ямочками... Так-то, Иван Сергеевич.

Все эти отзывы, а также скучнейшая мораль, проповедуемая русской литературой, только укрепляли в ней же-

вание жить не так, как все. И плевать (любимое ее словечко) на всю эту мораль.

А что касается «платного агента», то, признаться, русский посол в Лондоне граф Шувалов ей намекал: мол, послужите Отечеству за весьма приличную плату. Вы, мол, это можете — послужить Отечеству. Она не ответила Шувалову.

Конечно, она многое бы могла. Вот сейчас — Англия поддерживает турок на Балканах. И это напрасно. Можно было бы что-то изменить, на что-то повлиять... Но ведь не будь войны, она ничего бы не узнала о таинственном Хаджи-Гирее. А теперь она читает каждое газетное сообщение о нем и восхищается им. Неужели в мире появился мужчина, которым она способна восхищаться?! Последний его подвиг привел ее в трепет. Он повел в атаку на турецкие укрепления сербский отряд, но пуля попала ему в шею. Залитый кровью, он засмеялся и выкрикнул: «Плевать!» (ее словечко). Но тут вторая пуля попала ему в руку... Третья — в ногу. Тогда он приказал поднять его на руки и нести впереди отряда. Турки бежали... Вот это мужчина!

...Входит горничная. Наконец принесла свежие газеты. Она хватает «Таймс». На первой странице крупно: «Хаджи-Гирей умер от ран. Под этим именем скрывался русский доброволец Николай Киреев».

Это был ее брат.

* * *

В тот день она дала согласие послу Шувалову стать агентом русской разведки. И сделала все, чтобы остановить войну на Балканах. Она стала выдающейся шпионкой, об этом можно написать отдельную книгу. Пользуясь своим влиянием на английских политиков и Гладстона, она (есть такое мнение) четырежды предотвращала конфликты между Англией и Россией. Англия и Россия уже никогда не воевали друг с другом.

Она прожила долгую жизнь. Но постепенно теряла влияние, старела. Умерла в 1925 году в Лондоне, совершенно забытая на родине.

* * *

Но вернусь к теме: почему и мать и дочь, замечательные красавицы, так никого и не смогли полюбить, подтвердив убийственные слова Лермонтова?

Может, виной тому портрет Петра Захарова, который не получил благословения архимандрита Игнатия? Как известно, святитель Игнатий Брянчанинов был канонизирован, а он умел различить, где добро и где зло. Сам портрет Алябьевой чудесно уцелел. Он долгие годы хранился в Грозном, но еще до чеченской войны 1994—1996 годов был перевезен в Москву для частичной реставрации, и это сохранило его.

А может, причина в том, что любовь уже уходила из реальности и наступало время эроса. Но мне самому понятно, что это не является объяснением. Тем не менее, эти странные красавицы, мать и дочь, оставили свой след в нашей истории. Достаточно было одной фразы Пушкина про «блеск Алябьевой», чтобы она навсегда вошла в нашу литературу.

А ее дочь Ольга Новикова сделала немало для того, чтобы сплотить европейцев в борьбе с мусульманской экспансией. И пусть она это делала из личных побуждений: «Я мщу за смерть брата, иначе за него мстить невозможно», — так писала она. Объективно она доказала, что Россия должна быть вместе с Европой, Америкой, ее действия и ныне актуальны. И, несмотря на критические отзывы о ней некоторых наших писателей, ее ценили и с ней переписывались такие выдающиеся, хотя и разные люди, как А.К.Толстой, Ф.И.Тютчев, Ф.М.Достоевский, М.Н.Катков, К.Н.Леонтьев, К.П.Победоносцев, М.Д.Скобелев, В.В.Верещагин, В.С.Соловьев и другие. А это свидетельствует о многом.

ЗАГАДОЧНАЯ СВЯЗЬ, или ЧТО БЫЛО ОБЩЕГО МЕЖДУ ПЕРВЫМ РОССИЙСКИМ СУПЕРШПИОНОМ И КРАСАВИЦЕЙ, КОТОРАЯ НЕСЛА СМЕРТЬ СВОИМ ВОЗЛЮБЛЕННЫМ?

Вдали ваш голос слышу...

Георгий Маслов

В этом повествовании соединены две загадочные личности — мужчина и женщина. Иван Липранди и Аврора Шернваль. Вроде бы их ничто между собой не связывает. И они совершенно не похожи друг на друга.

Тем не менее какая-то «потусторонняя» ниточка, связывающая эти две странные личности, есть. Известно, что Иван Липранди интересовался судьбой знаменитого алмаза «Санси», принадлежащего Авроре. Может, ниточка идет отсюда?

Мой рассказ — и о нем и о ней. Сначала — об Иване Липранди. Затем — об Авроре Шернваль.

ПЕРВЫЙ СУПЕРШПИОН

Какая-то таинственность окружала его судьбу...

Александр Пушкин «Выстрел»

Пушкина влекли загадочные личности. Таковым Иван Липранди был, несомненно. Потому считается, что он послужил Пушкину при создании образа Сильвио в «Выстреле», хотя сам Липранди почему-то свою схожесть с пушкинским героем отрицал.

Кто же он такой — Иван Липранди? Каково отношение к нему сегодня? О нем, разумеется, писали все пушкинисты, касающиеся южной ссылки Пушкина, но делали это вскользь, неохотно, как бы боясь повредить репутации

поэта. И Иван Липранди всегда оставался в какой-то мере «белым пятном» пушкинистики. Лишь в последние годы появились о нем две работы: Н.Эйдельмана «Что и где Липранди?» и Ю.Курочкина «Дело Липранди». Но и в них вопросов оказалось не меньше, чем ответов. В частности, Н.Эйдельман говорит об этом так: «Про Ивана Петровича Липранди писали и не писали. Писали, потому что этого человека никак нельзя исключить из биографии Пушкина, декабристов, петрашевцев, Герцена.

Не писали же в основном по причинам эмоциональным. Вот перечень эпитетов и определений, наиболее употребляемых в статьях и книгах вместе с именем Ивана Липранди: «зловещий, гнусный, реакционный, подлый, авантюрный, таинственный, предатель, доносчик, автор инсинуаций, шпион».

Но отчего же Пушкин, так тонко чувствовавший людей, увлекался Липранди, был дружен с ним и изобразил его впоследствии в образе Сильвио в своем рассказе «Выстрел»? На это предпочитали не отвечать, сознательно избегая подобных вопросов и ответов. Обратимся к фактам.

Безусловно, Пушкина привлекала прежде всего незаурядность Липранди, его таинственный и странный образ, и байроновское одиночество, и храбрость. Снова обращусь к Н.Эйдельману: «Храбрость свою Липранди показывает часто, не забывая об эффекте. Он моложе других, но отчаянно рубится, стреляет, кидается в переделки, лезет в дуэль. Но одной храбрости для успеха недостаточно... Всегда книги. Всегда — новые языки: французский, немецкий, итальянский, латынь, греческий, затем восточные, славянские... Экзотическое испанское имя, романтическая биография, храбрость и образование — этого уже достаточно, чтобы внутренне представить себя выше окружающих».

Сын небогатого испанского эмигранта, заброшенного судьбой в Россию, он грудью проложил себе карьеру, не брезгуя в средствах. Имел боевые заслуги, тем не менее предпочел карьеру не военную, а шпионскую. В очерке Ю.Курочкина о том говорится так: «Со слов самого Липранди, еще 1813 году он стал заведовать тайной политической полицией при армии Воронцова во Франции. Близко общался с известным политическим авантюристом и провокатором Видоком. Три года спустя участвовал в раскрытии тайного антиправительственного общества «Булавок». С начала 1820 года он видный разведчик при штабе

войск в Бессарабии. К концу 1820-х годов он уже настолько известен как теоретик и практик военного и политического шпионажа, что именно ему поручают составить записку «О средствах учреждения высшей тайной заграничной полиции», которая была представлена самому царю и получила «высочайшее одобрение». Он тесно связан с Бенкендорфом. Дружен с Воронцовым и Дубельтом. Все те — неприятные для Пушкина лица (и про Видока поэт будет отзываться с отвращением). Но Пушкин ему полностью доверяет. А когда разлучается с ним, скучает по нему, и так пишет в одном из писем: «Где и что Липранди? Мне брюхом хочется видеть его».

Почему? Выскажу свое предположение. Пушкин во время южной ссылки переживал один из самых противоречивых и опасных периодов своей жизни, сравнимый, пожалуй, лишь с его периодом перед дуэлью. Он нередко психологически оказывался на краю бездны и заглядывал в бездну. Отсюда и его «уроки» атеизма, и богохульство «Гавриилиады» и масонство, и сомнительные знакомства. Пушкина влекут к себе личности «с двойным дном». Он испытывает страсть к Каролине Собаньской, порочной красавице, агенту Третьего отделения, которую он сам называет — «прекрасный демон Каролина». Он дружит с другим «демоном», о котором напишет горькое стихотворение «Демон», — двуличным А. Раевским. Он увлечен и Липранди, ибо, видимо, чувствует — этот человек, честный и добрый в дружбе с ним, что-то таит в себе, скрывает какую-то тайну. Так поэт и характеризует Липранди в своем письме к Вяземскому: «Он мне добрый приятель, и (верная поручка за честь и ум) не любим нашим правительством, и, в свою очередь, не любит его».

Но, позвольте (правда, Пушкин про то не знает), супершпион, глобальные шпионские идеи его одобряет сам император, — не любим... правительством. Как это возможно? Тем не менее все верно. Липранди ведет «двойную игру» во всем, и правительство это чувствует. Липранди даже арестовывают за тесные связи с декабристами, но отпускают, и он проводит огромную агентурную работу, «осваивает все языки Османской империи, принимает и отсылает собственных агентов, заводит важные знакомства и связи среди знатных и влиятельных людей в подчиненных султану областях, подкупает турецкое начальство...» (Н.Эйдельман). Более того, во главе группы авантюристов, переодетых и замаскированных под торговцев, прони-

кает на территорию Османской империи, участвует в перестрелках и рискованных операциях.

Обо всем этом Пушкину известно. С Пушкиным Липранди проявляет лучшие черты своей натуры: ум, сердечность, свободомыслие, незаурядность. Он оставит потомкам в своих воспоминаниях ценнейшие сведения о молдавской ссылке поэта. А Пушкин подарит ему свои прозаические повести на тему молдавской истории (они, увы, утрачены). По словам Вревской, Липранди любил Пушкина «восторженно». А шпионская его деятельность шла своим чередом.

Не исключено, что Пушкин все-таки со временем распознал двойничество Липранди. Во всяком случае в одной из черновых записей поэта, относящихся к Липранди, употреблено слово «рenegатство». Впрочем, непонятно — адресовано ли оно именно к Липранди. Но, как бы там ни было, этот супершпион, столь грешный перед Достоевским, перед Пушкиным чист. Он имел полную возможность следить за Пушкиным и доносить на него, подобное было бы выгодно ему в глазах жандармского начальства, но он этого делать не стал. А судьба потом столкнула его с другим гением — Достоевским.

КАЗНЬ ПЕРВЫХ КОММУНИСТОВ

22 декабря 1849 года в Петербурге была объявлена казнь первых русских коммунистов, членов тайного кружка Петрашевского. Их объявили сторонниками коммунистических идей. На самом деле они увлеклись тем, что предшествовало коммунизму — расплывчатыми социалистическими идеями, но и это считалось преступлением. Совершалась самая первая попытка борьбы с коммунизмом в России. Ах, с кем боролись, господа? Кого считали коммунистами?

* * *

Иван Липранди с напряжением смотрит, как осужденные всходят на эшафот. Обтянутый черным, эшафот в оцеплении войск. Огромный Семеновский плац замер. Площадь заполнена народом.

Дробь барабана. Аудитор с подмостков начинает читать приговор: «Все виноваты в умысле на ниспровержение государственного порядка... Приговорить к смертной казни расстрелянием...»

Иван Липранди стоит в первых рядах толпы. Странное у него чувство: с одной стороны, гордость — это он причастен к раскрытию государственного заговора, а вместе с тем на душе — тяжелая обида. Незаслуженно был отстранен от дела, все заслуги присвоены другим. А ведь именно он, Иван Липранди, выследил заговорщиков, собрал досье на них, каждого квалифицировал как преступника. И теперь всех их знает как близких знакомых. Звучат ему давно известные фамилии: Петрашевский, Момбелли, Григорьев... всех расстрелять. Жаль, конечно. Но сами виноваты.

Аудитор выкрикивает следующую фамилию — Достоевский. «Отставного инженер-поручика Федора Достоевского, двадцати семи лет, за участие в преступных замыслах... подвергнуть смертной казни расстрелянием».

И этого не пожалели, хотя, говорят, талант. Но что делать: в преступное общество Петрашевского попало немало способных людей, и сам Петрашевский весьма умен, но испорчен, несомненно, испорчен коммунистическими идеями до корней волос. И простить его нельзя. Поэта Плещеева тоже расстреливают, хотя простить было можно. А вот этот самый Достоевский, Бог ему судья, занимался бы своей литературой, ведь одарен, написал две повести, наделавшие переполоха в литературных кругах. Одна «Бедные люди» называется, другая — «Двойник». Не правда ли, странное название. Что бы это значило — двойник? Лицемер, что ли? Обманщик? Нет, вроде бы ни то, ни другое... Но наверняка все же не стоило этого Достоевского расстреливать.

На эшафоте началось уже переодевание смертников. Палачи на каждого надели холщовые саваны. Жуть, они еще живы. Им жить еще несколько минут. А их, живых, уже в саваны. Толпа, зашумевшая, заволновавшаяся после чтения приговора, опять замерла. И в замершей тишине вдруг, как нечто невероятное, — громкий хохот. Это смеется осужденный Петрашевский. Он буквально давится от смеха: «Господа! Ну и карнавал! Ну, это же смешно! Как же мы смешны в этих дурацких балахонах!»

С ума сойти! Ну и тип! Его расстреливают, а он — хохотать! Поистине что-то дьявольское есть в этом человеке.

Липранди отводит взгляд и невольно сталкивается со взглядом Достоевского, наполненным такой бесконечной тоской, что это не лучше безумного хохота Петрашевского. Липранди не выдерживает, поворачивается, втискивается в толпу, расталкивая зевак, поспешно удаляется, ух-

дит. Нет, он ни в чем не раскаивается, он их выследил, они — преступники, вина их доказана, они получили по заслугам. И такие писатели, как Достоевский, со своими двойниками не нужны России. Он, Иван Липранди, знает, какая литература нужна России — пушкинская. А литературу Достоевского, с его двойниками, он внутренне отрицает, для него лично вхождение Достоевского в общество петрашевцев и причастность его к коммунистическим идеям не случайна. И, как опытная ищейка, он выслуживал Достоевского и выследил...

ДВОЙНИК

В этом есть своя логика и свой парадокс. На мой взгляд, сам по себе Липранди — двойник, литературный тип произведений Достоевского. Правда в том, что такой тип в жизни существует, русские писатели знали это еще, конечно, до Достоевского.

Русская литература была беременна идеей двойничества. Еще Батюшков в своих записных книжках писал о себе, что в нем сочетаются два человека: «Один добр, прост, весел, услужлив, богобоязлив, откровенен до излишества, щедр, трезв, мил». Другой — «злой, коварный, завистливый, жадный... Этот человек, то есть черный, — прямой урод. Оба человека в одном теле. Как это? Не знаю». «Черный человек» — это впервые не у Есенина, а на столетие раньше — у Батюшкова.

Потом написаны «Герой нашего времени» Лермонтова, «Нос» и «Записки сумасшедшего» Гоголя (у него двойничество принимало странные, причудливые формы). Уже прозвучали стихи Тютчева о хаосе души и ее двойном бытии. Но предстояло еще масштабное литературное открытие типа двойника. И это сделал Достоевский. Он чувствовал себя первооткрывателем такого типа, гордился, верил, что открыл и увидел, чего еще не увидели и не осознали другие, это приводило его в восторг, и он писал с восторгом: «Они увидят, наконец, что такое двойник! И я надеюсь слишком даже заинтересовать, одним словом, вызываю всех на бой... Зачем мне терять превосходную идею, величайший тип по своей социальной важности, который я первый открыл...» Ах, Федор Михайлович, только чему тут радоваться. Конечно, в литературе это — открытие. А вот в жизни-то, какие бездны распахнут вскоре двойники конца XIX — начала XX века: вожди, диктаторы,

революционеры, утописты, — сколько зла они будут творить, провозглашая добро. А Липранди, видимо, открывает в XIX веке галерею российских супершпионов XX века.

Уйдя с Семеновского плаца, Липранди не видел, что произошло буквально через несколько минут...

Когда уже взвод направил дула ружей на приговоренных, на площади появился флигель-адъютант с пакетом. В пакете — рескрипт с помилованием от имени императора. Смертная казнь заменялась каторгой. Чудовищный спектакль с мнимым расстрелом был просто разыгран...

КОНЕЦ СУПЕРШПИОНА

«Для меня дело Петрашевского было пагубно, оно положило предел всей моей службе и было причиной совершенного разорения», — так писал Липранди, считая все происходящее своей жизненной катастрофой: он был отстранен не только от службы — не получил ни денег, ни чина, на что рассчитывал. Никогда не доверявшие ему правительственные круги избавились от него.

Он жил одиноко и замкнуто. Литературою интересовался, однако современная словестность была чужда ему. Выделял он в ней лишь сочинения графа Льва Толстого.

Последние годы его жизнь заполнили литературно-исторические работы. Он написал огромное число исторических сочинений и исследований. Его статьи об Отечественной войне 1812 года использовал Лев Толстой при написании романа «Война и мира». И по его выходе Лев Николаевич послал Липранди экземпляр с автографом: «В знак искреннего уважения и благодарности». Самый достойный факт конца жизни Липранди.

Он умер девяноста лет, в 1880 году, но задолго до кончины ощущал себя вне жизни, написал «Заметки умершего».

РОКОВАЯ АВРОРА

Имя Липранди мне встретилось впоследствии, когда я писал повесть о «роковой Авроре», красавице особо трагической судьбы, которая, по преданию, несла смерть мужчинам.

В ее архиве обнаружены некоторые из его бумаг. «Вот и бумаги Липранди тоже, наверное, связаны с нею, с Авророй», — пишет Ю. Курочкин в книге «Приключения Ма-

донны» (Свердловск, 1973). И я перехожу к рассказу о ней, Авроре. Ее смертельно таинственная судьба давно волновала меня.

* * *

...Итак, ее звали Аврора, родилась в 1809 году в семье выборгского губернатора, девичья ее фамилия Шернваль. Детство и юность провела в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки). Имела сестру Эмилию, тоже красавицу. Эмилия вышла замуж за графа Мусина-Пушкина, и в 1831 году граф привез молодую жену и ее сестру, Аврору, в Санкт-Петербург. В столице красавицы-сестры произвели фурор. Смирнова-Россет, одна из близких приятельниц Пушкина, отличавшаяся большой ироничностью, написала о появлении Авроры Шернваль в столице без всякой иронии: «Тут явилась в свет Аврора в полном расцвете красоты. Особенно у нее был необыкновенный цвет лица, и зубы как жемчуг». А поэт Вяземский (тоже весьма язвительный и ироничный) отметил: «Здесь приезжала финляндская красавица Аврора, воспетая Баратынским...

Нам сияет Аврора
В солнце нужды нам нет:
Для души и для взора...
Есть и пламень и свет.

Обе сестры — и Аврора и Эмилия — вызывали восхищение мужчин. Но их судьбы складывались столь различно.

Эмилия была счастлива в браке, любила мужа, воспитывала детей. А вот в личной жизни Авроры все было ненормально. После нескольких любовных историй, каждая из которых заканчивалась трагически, за ней утвердилась печальная слава роковой красавицы, невольно несущей гибель влюбленным мужчинам. «Считалось, что любовь к Авроре приносит несчастье, сводит в могилу, укорачивает век. В доказательство приводили историю с двумя ее женихами, умершими перед свадьбой... Один из избранников Авроры скончался за час до венчания». Это — цитата из книги современного автора — Л.Третьяковой «Российские богини» (М.: Изограф, 1996).

Тем не менее дань красоте Авроры отдали не только Баратынский, воспевший ее, и Вяземский, но и высоко-нравственный Жуковский и жаждущий сердечных бурь Тютчев. А что же Пушкин?

Многолюбивый Александр Сергеевич неоднократно встречался с Авророй в доме ее сестры и других местах. Однако он был равнодушен к ее замужней сестре, с мужем которой, графом В.А. Мусиным-Пушкиным, находился в родстве и в приятельских отношениях. Но это несколько не мешало его чувствам.

В свете нередко сравнивали красоту Эмилии Мусиной-Пушкиной и Натали Пушкиной, и Пушкин в одном из писем к жене с любопытством спрашивал: «Счастливы ли ты воюешь со своей однофамилицей?»

А одна из любовниц поэта, Долли Фикельмон, не без ревности записала в дневнике, что Мусина-Пушкина «сияет новым блеском, благодаря поклонению, которое ей воздает поэт Пушкин».

Впрочем, у Пушкина был соперник. Тоже поэт. Правда, малоизвестный в то время — Михаил Лермонтов. Он сочинил в честь красавицы мадригал, начинавшийся словами: «Графиня Эмилия белее, чем лилия», а кончавшийся безнадежными строками: «Но сердце Эмилии подобно Бастилии». И эту Бастилию не удалось взять ни Пушкину, ни Лермонтову. Да, сия Бастилия оказалась неприступной.

Пушкин вынужден был довольствоваться приятельскими отношениями с красавицей. Сохранился рисунок князя Гагарина, сделанный в гостинице «Демут», на котором Пушкин изображен в кругу знакомых, и среди них, по всей вероятности, сестры Эмилия и Аврора.

* * *

Существует ли какое-то объяснение летального рока Авроры?

Объяснение может быть самым простым: по воле обстоятельств вокруг Авроры сложился своего рода миф, возникли преувеличения, домыслы, что и привело к тому, что ей стали приписывать зловещий рок, приводящий к смерти близких ей мужчин. Но тем не менее необъяснимые трагические факты имели место. Сама Аврора, обладавшая прекрасным характером и доброй душой, вероятно, вынуждена была в какой-то мере считаться с тем зловещим роком, который тяготел над ней или ей приписывался.

Но вот в 1836 году она встретила Павла Демидова, богатейшего жениха России, представителя великого рода российских предпринимателей, человека многих талантов: он

занимался археологией, коллекционировал древности и живопись, являлся почетным членом Французской академии. Демидов посчитал, что он встретил женщину своей мечты, и, невзирая на советы держаться от нее подальше, сделал ей предложение. А вскоре не только вся Россия, но и вся Европа была потрясена известием: Демидов подарил Авроре великий алмаз «Санси».

* * *

Об этом алмазе — особый рассказ.

Он был привезен в Европу из Индии в XV веке. И с тех пор переходил из рук в руки, принося огромные несчастья своим владельцам. Одно время он принадлежал Карлу Смелому, который с ним никогда не расставался. Но Карл Смелый был убит в битве при Нанси, и солдат-мародер снял великий камень с мертвого тела. Не зная его ценности, он продал алмаз за гульден какому-то пастору. Тот перепродал его за полтора гульдена бродячему торговцу. Так алмаз, стоивший баснословных денег, пошел гулять по рукам бедняков. Наконец, оказался в руках баронов Санси (по их фамилии он и получил свое название). В 1588 году барон Санси отправил сокровище с верным слугой французскому королю. Но слуга в пути был схвачен разбойниками и убит. Казалось, алмаз потерян безвозвратно. Однако, веривший в преданность своего слуги, барон Санси догадался выкопать труп из могилы, и при вскрытии алмаз был обнаружен в желудке. Слуга все-таки успел проглотить алмаз. Затем алмаз стал собственностью французских королей. Но все же Павел Демидов, уплатив огромную сумму, купил «Санси». И подарил Авроре.

И она не устояла — вышла за Демидова замуж. Брак оказался несчастливым. И, увы! Как и следовало ожидать, Павел Демидов вскоре умер от болезни легких... Аврора Демидова осталась наследницей огромного состояния и сама взялась за управление знаменитыми демидовскими заводами, проявляя недюжинное умение. Много занималась благотворительностью. Была, по словам Мамина-Сибиряка, «необыкновенно приветлива со всеми».

В 1846 году в свои тридцать семь лет Аврора снова выходит замуж, как бы бросая вызов року, за молодого гвардейского офицера Андрея Карамзина, сына великого историографа. Это был умный человек, тонкий, глубокий, боготворивший жену. С началом Крымской войны он был

назначен командиром гусарского эскадрона. Эскадрон попал в засаду. Раненый Карамзин был взят в плен. Один из турок попытался отобрать у пленного медальон с изображением жены. Карамзин выхватил у турка из-за пояса саблю и зарубил его на месте. Турки зверски изрубили Андрея Карамзина.

Так несчастная Аврора снова пережила личную трагедию. И зловещая известность о загадочном свойстве — приносить смерть мужчинам — упрочилась за ней.

Она умерла в 1902 году. Великий алмаз «Санси», принадлежавший ей, бесследно исчез во время революции. А последней, так сказать, жертвой прекрасной Авроры был молодой поэт Георгий Маслов, очень талантливый, одна из надежд русской поэзии начала двадцатого века. Он считал себя влюбленным в зловещую красавицу, вопреки рассудку и времени. Кстати, он был начинающий, но оригинальный пушкинист, успел написать две неожиданные, вызвавшие переполох среди литературоведов, статьи о Пушкине. Участвовал в Гражданской войне на стороне белых. Его поэзия привлекла к себе внимание Н.Гумилева, М.Кузмина, Вс.Иванова, Ю.Тынянова; главной в ней стала его поэма «Аврора», написанная в честь роковой красавицы в 1920 году.

Но и вдали ваш голос слышу
В печальный сумеречный час
Из кованных четверостиший
Рожденных блеском ваших глаз.

И что же?

Закончив поэму, он заболел и скоропостижно умер. Во всех этих фактах нет ни слова выдумки.

* * *

В 1999 году я написал повесть «Ра» — рок Авроры» (она печаталась в газете «Русский Север» в 1999—2000 гг.). В ней, согласно вымышленному мною сюжету, в частности, говорилось о том, как в грозном 1918 году в Вологду прибыл с Урала один из представителей рода Демидовых и привез с собой знаменитый алмаз «Санси» и другие демидовские драгоценности, чтобы переправить все это через Архангельск за границу. Но был арестован вологодскими чекистами. Все же перед его арестом вологодская масонская ложа «Ра» сумела спрятать великий алмаз в одном из тайников Вологды. Но другие бриллианты попали в руки чекистов.

Все это было (признаюсь) лишь литературным вымыслом. Но потом произошло нечто совершенно неожиданное, мистическое, загадочное. В редакцию газеты «Русский Север» позвонила женщина, не назвавшая ни своего имени, ни своего адреса, но сообщившая, что один из демидовских бриллиантов сохранился у нее. И вот какую историю она рассказала.

По ее словам, в годы НЭПа в Вологде была известна лавка скорняка Н., у которого шили модные тогда кожаные куртки и сапоги чекисты. У скорняка было три дочери. И в младшую влюбился один из чекистов. Чтобы завоевать ее любовь, чекист подарил ей присвоенный им бриллиант, конфискованный при аресте у какого-то приезжего с Урала.

Затем произошло много разных событий. Бриллиант был спрятан и тайно переходил из поколения в поколение. И поныне он хранится в Вологде. Не назвавшая себя владелица алмаза прислала его фотографию — и я был поражен совпадению моего литературного сюжета с реальностью.

Неожиданно таким оказался эпилог моей повести. А заканчивалась повесть моей мольбой к Авроре: я просил сохранить мне жизнь, несмотря на то, что осмелился написать про нее — столь же роковую, как и прекрасную...

Июль 2001 г. База отдыха в Торowo

ВОЛОГОДСКИЙ АВТОГРАФ АЛЕКСАНДРА ОСТРОВСКОГО

Признаться, я сам себе сначала не поверил, когда, открыв архивное дело, увидел среди чиновничьей переписки автограф Островского. Обнаружился он в «Деле о постановке на сцене Вологодского театра запрещенных цензурой пьес», в фонде канцелярии Вологодского губернатора. Дело № 2285, фонд №18. В течение десятилетий к этому делу никто не прикасался.

Но как автограф Островского попал в Вологду? Что связано с ним? Зачем драматург писал в Вологду? Чтобы на все это ответить, надо было обратиться к другим материалам, в том числе и обширнейшей литературе об Островском. И постепенно из архивных и других материалов стал проясняться сюжет, который вполне мог бы войти в какой-то мере в ту или иную сатирическую комедию Островского.

...Итак, 7 февраля 1881 года на имя вологодского губернатора из Петербурга, из министерства внутренних дел поступил грозный и тревожный запрос: почему в Вологде поставлена запрещенная пьеса? В запросе, в частности, говорилось: «... В Вологде 20-го минувшего января в бенефис Хотева-Самойлова была представлена комедия Потехина «Отрезанный ломоть», причем на афише об этом спектакле под заглавием пьесы объяснено, что пьеса эта известного автора, который считается в настоящее время лучшим драматическим писателем, что пьесы его могут быть поставлены наряду с пьесами Грибоедова, Гоголя и Фон-Визина, и, наконец, что настоящая пьеса, написанная более 15 лет тому назад, только в нынешнем году, когда цензура стала заявлять меньше требований, одобрена к представлению...» Поэтому министерство имело «честь покорнейше просить Ваше Превосхо-

дительство сообщить, чем руководствовалась вологодская полиция, разрешая исполнение означенной пьесы и напечатание афиши...»

Прошло всего два дня. И новое потрясение. И пишется в Вологду еще более тревожный запрос — оказывается, в Вологодском театре ставится не только запрещенный Потехин, но и запрещенный Островский. В запросе министерства говорилось: «...в г. Вологде 27-го минувшего января была исполнена запрещенная к представлению в провинциальных театрах... драма «Василиса Мелентьева» и требовалось «доставить по этому предмету необходимое разъяснение». Можно себе представить чиновничью панику в Петербурге и Вологде. Что же это такое происходит — в тихой Вологде, подряд, с интервалом всего в неделю, поставлены две запрещенные пьесы — «Отрезанный ломоть» и «Василиса Мелентьева». Что это? Бунт? Во всяком случае — чрезвычайное происшествие, скандал. И что же это за крамола внезапно открылась в Вологодском театре?

Вологодский губернатор генерал-майор Черкасов приказал своим подчиненным немедленно во всем разобраться и крамолу в корне пресечь. И завертелось бюрократическое колесо...

Что же собой представлял Вологодский театр в то время? Сведений о том сохранилось немного. В брошюре Н. Полянского «Вологодский городской театр», изданной в Кадникове в 1922 году, о сезоне 1880-1881 годов кратко говорится: «...снял театр Д. Самойлов, в составе довольно сильной труппы...» Называется фамилия трагика Н. Полтавцева, других фамилий не приводится.

Представления давались в трехъярусном деревянном здании — в так называемом «новом» театре на Парадной площади, построенном итальянцем П. Ромесом, театральным антрепренером, танцором и фокусником, которого судьба забросила столь далеко от Италии. Дочь его, балерина, пользовалась большим успехом у мужской части вологодской публики и «особым покровительством одного из вологодских меценатов — управляющего казенной палатой Коханова». Благодаря этому «покровительству» итальянец сумел открыть свой театр и попытался добиться успеха развлекательными, водевильными и танцевальными спектаклями, отдав сцену, в первую очередь, своей дочери.

Но жизнь предъявляла к театру уже высокие требования. Вологодскую публику интересовали прежде всего не французские водевили, а пьесы современных ей русских драматургов, правдиво и глубоко показывающих русскую жизнь. И не случайно заезжий итальянец потерпел крах, разорился, уехал из Вологды и продал театр. Сменив несколько владельцев, театр в конце концов стал городским, и в нем, при всей противоречивости и пестроте жизни, постепенно утвердился национальный реалистический репертуар. И вполне закономерно, что подлинно реалистические пьесы Островского и Потехина пошли на Вологодской сцене...

Но кто такой Потехин, чья пьеса «Отрезанный ломоть» на вологодской сцене вызвала окрик из Петербурга? Ныне это имя фактически забыто и известно лишь специалистам. А сто лет назад это был известный драматург, близкий по духу и манере Островскому. Писатель П. Д. Боборыкин вспоминает о том, что театральная жизнь того времени «выдвинула на первый план самых заслуженных драматургов — его и Потехина» (его — то есть Островского). В энциклопедии Гранат (десятые годы нашего века) говорится: «В историю литературы Потехин войдет прежде всего как один из пионеров мужицкой драмы... Всю жизнь Потехину приходилось бороться против цензурного гнета».

Алексей Антипович Потехин (1829—1908), костромич по рождению, испытал значительное влияние творчества А. Н. Островского. Потехинские пьесы «Шуба овечья — душа человечья», «Чужое добро впрок не идет», «Отрезанный ломоть», «Вакантное место» и другие даже по названиям сходны с произведениями Островского. Потехин обличал крепостничество, бюрократию, чиновничество, многие социальные недостатки, и потому его пьесы постоянно запрещались. Была запрещена в 1865 году и его комедия «Отрезанный ломоть», остро поднимавшая проблему «отцов и детей».

Сквозь все муки цензурного гнета прошел и Александр Островский. Некоторые пьесы были запрещены, по распоряжению Николая I за драматургом был установлен секретный «двойной» надзор — полиции и жандармерии. Цензура жестоко вмешивалась во многие его произведения. Были моменты, когда Островский впадал в отчаяние, пытался оставить драматургию. В 1866 году он писал: «Я совсем оставляю театральное поприще... Выгод от театра я

почти не имею (хотя все театры в России живут моим репертуаром)... Давши театру 25 оригинальных пьес, я не добился, чтоб меня хоть мало отличали от какого-нибудь плохого переводчика. Современных пьес я более писать не стану. Я уже давно занимаюсь историей и хочу посвятить себя исключительно ей...» Но для писателя не писать — невозможно. И, обратившись к истории, Островский продолжает писать то, к чему был призван — пьесы. Так появились исторические пьесы Островского: «Козьма Захарьич Минин-Сухорук», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Василиса Мелентьева»...

«Василиса Мелентьева», как отмечают исследователи, стоит несколько особняком среди других произведений драматурга, посвященных русской истории. В этой драме нет социальных конфликтов, широких картин из народной жизни. Это любовно-бытовая пьеса, в ней личная, интимная жизнь царя Ивана Грозного.

Василиса Мелентьева — лицо не вымышленное. Она — шестая по счету «жена» царя. В одной из исторических публикаций прошлого века о ней говорится так: «Шестую жену Василису Мелентьеву, которой муж был заколот опричником, царь Иоанн IV Васильевич постриг в Нове-городе, мая 1577 года за то, что заметил «ю зрящу яро на оружничаго Ивана Девтелева, князя, коего и казни...» Как много драматизма в этой одной фразе: за то, что Василиса смотрела «яро» на князя Девтелева, она была пострижена в монахини, и ни в чем неповинный Девтелев казнен.

Бесспорно, Островский увлекся этим сюжетом. Правда, сюжет о Василисе был предложен ему другим автором. Директор императорских театров С.А. Гедеонов пытался сам написать на эту тему пьесу, но у него пьеса не получилась, и он передал свои рукописи Островскому. Великий драматург полностью переработал текст Гедеонова и по существу создал новое произведение, хотя у него и числилось двойное авторство. «Василиса Мелентьева» — драма о страстях человеческих, о любви, тщеславии, вседозволенности власти, о потаенных и сильных чувствах...

* * *

Но вернемся к началу нашего повествования, к «Делу о постановке в Вологодском театре запрещенных цензурой пьес». В ответ на «громы и молнии» министерства и губернатора перепуганный вологодский полицмейстер,

титулярный советник Комисский пытался оправдаться тем, что в день спектакля он «был озабочен служебными занятиями», и также руководствовался «личным своим доверием к бедным актерам Вологодской труппы. Получавшим, в частности, крайне скудные сборы, не покрывающие даже расходов по спектаклям». Кроме того, незадачливый полицмейстер имел «честь присовокупить, что при многосложной обязанности вологодского полицмейстера, не имеющего при том штатного помощника», он не может входить во все тонкости драматургической и театральной жизни.

Разумеется, это было не оправдание... И казалось — скандал неминуемо разрастется, и многие полетят со своих чиновничьих мест, и жестокая гроза грянет над Вологодским театром...

Но все разрешилось как-то неожиданно и просто. Выяснилось, что всего-навсего произошла ошибка. Чиновники из министерства в Петербурге, привыкшие все запрещать, переусердствовали... Выяснилось, что пьесы «Отрезанный ломоть» и «Василиса Мелентьева» уже могли ставиться. И Вологодский театр это доказал. Дело закончилось ничем, не успев превратиться в нечто невероятное и трагикомичное. Полетел со своего места лишь вологодский полицмейстер Комисский, которого губернатор все же на всякий случай понизил в должности (вот уж — «без вины виноватый»). Все закончилось неожиданно и даже смешно, как в классической комедии Гоголя или Островского.

Что же было установлено «расследованием»?

Да, комедия «Отрезанный ломоть» Потехина была запрещена, но к 1881 году запрет на нее уже был снят. Ее уже можно было ставить по «цензурованному экземпляру». Такой экземпляр в Вологде имелся, и спектакль был поставлен на вологодской сцене по нему. Так что театр отвел от себя обвинения. Надо сказать, что в 80-е годы судьба А. Потехина резко изменилась. Он был назначен сначала директором Александринского театра, затем — управляющим драматическими труппами Петербурга и Москвы. Он сделал много полезного для русской сцены, и сама жизнь заставляла снимать запреты с его пьес.

А «Василиса Мелентьева» Островского? Из-за нее в цензурных органах шла закулисная борьба. И все же пьеса была разрешена к представлению; правда с оговоркой, что ее

постановка в провинциальных театрах допускалась только с согласия самого Островского.

Вологодский театр, готовясь к постановке драмы, запросил на это согласие у драматурга, и Островский ответил в Вологду небольшим письмом. Вот текст его письма:

«На представление пьесы «Василиса Мелентьева» на театре города Вологды я, с своей стороны, изъявляю согласие.

*Автор А. Островский.
31 декабря 1880 г.».*

Для Вологодского театра это небольшое письмо явилось оправданием перед властями, а для нас сегодня — это историко-литературный документ, автограф великого драматурга. И с ним связаны нравы и обстоятельства вологодской жизни того времени.

А я буду всю жизнь гордиться, что нашел в 1981 году неизвестный автограф великого русского драматурга.

СТАРЫЙ ДУБ ИЗ УСАДЬБЫ ВОЛКОНСКИХ

Я никогда не был влюблен в женщин...

Лев Толстой

Не знаю как вы, но я всегда мечтал о чуде. У меня это с раннего детства было, и ныне, в мои-то лета, не прошло. Вот живешь в суете, бегаешь, барахтаешься в быту, но однажды почувствуешь в самой глубине души — что-то возникло, ожило, приближается. И внезапно покажется: вот оно началось! То, чего ты ждал многие годы. И душа встрепенется, и поверишь — сейчас, через какое-то мгновение произойдет невероятное, страстно желанное, неведомое. В такие редкие, счастливые, волнующие до слез мгновения как бы поднимаешься над самим собой, мысленно взлетаешь надо всем, как взлетала нагая Маргарита над полуночной Москвой.

Может, это самообман? И как горько потом убеждаться — ничего не произошло. Как печально возвращаться в обыденность. Но именно в такие особые минуты возникают твои дерзновенные открытия, рождаются замыслы и сюжеты. И вот сейчас я испытываю нечто подобное. А кажется, что особенного?

* * *

Я иду пешком, подхожу к Ермолову, бывшей усадьбе Волконских. Я нередко бывал здесь, это одно из самых моих любимых вологодских мест.

Мне хорошо известна история усадьбы. Она очень интересна, и я много занимался этим. Первоначально окрестные земли принадлежали вологодским дворянам Олешевым и были пожалованы им самим князем Пожарским — за участие и храбрость в освободительном походе на Моск-

ву в 1612 году. А в XVIII веке один из владельцев усадьбы Алексей Васильевич Олешев, человек просвещенный, незаурядный, был женат на сестре великого полководца Александра Суворова Марии Васильевне. И Суворов бывал здесь, в Ермолове, приезжал погостить к сестре. Впоследствии усадьба перешла к племяннику генералиссимуса и его боевому соратнику, князю Алексею Ивановичу Горчакову. От Горчакова Ермолово наследовал князь Александр Алексеевич Волконский, троюродный брат Льва Толстого. Отблеск этих славных фамилий (подумать только, здесь бывал сам Суворов, жили его родственники и родственники Льва Толстого) словно ложится от этих мест на душу.

Увы! Конечно, в наши дни от самой усадьбы ничего не осталось. Ныне Ермолово — крохотная деревушка. Но природа здесь, наверное, не очень изменилась и по-русски прелестна: с одной стороны лес, с другой — неоглядные дали полей и лугов, пересекаемые изгибающейся речкой.

Сейчас я подхожу к усадьбе со стороны леса и направляюсь прямо к своему старому другу, старому великану-дубу.

* * *

Ах, ты мой милый. Ах, ты мой родной. Я так давно не видел тебя и так соскучился по тебе. С удовольствием глажу твою кору, твой ствол и вслушиваюсь в шелест твоих листьев. Сколько трещин по твоей коре, словно морщин.

Слава Богу, ты еще жив, мой друг, старый дуб из усадьбы Волконских.

Усадьба давно погибла, сохранились лишь остатки старинного дворянского парка. Старых деревьев становится с каждым годом все меньше и меньше. Вот и сейчас, когда я шел к тебе вдоль пруда, вырытого еще крепостными крестьянами, то видел — два твоих ровесника, два старых могучих дерева, береза и дуб, лежат в воде, они погибли от старости и рухнули в пруд. Их ветви торчат из воды, а стволы покоятся на дне, напоминая каких-то фантастических, допотопных животных, какие-то странные создания, вызывающие в душе печаль.

Тихо, пустынно, бабье лето, солнечные лучи пронизывают осыпающийся осенний парк. Зеленые, желтые, красные, багряные краски густо смешались вокруг. А ты, мой дуб-старик, ты — чуть в стороне от всех, ты еще зеленеешь. Но до твоих листьев мне уже не достать. Половина твоего ствола гола, в глубоких шрамах, плешинах и

дулах. Но у тебя еще много зеленых листьев, ты словно сошел со страниц великого романа Льва Толстого «Война и мир».

И призраки ушедшего времени оживают в моей душе. Мне кажется, что я слышу голоса и приглушенную музыку. Вот красивая дама средних лет в длинном старинном платье словно прошла мимо. В руках у нее томик Пушкина. Это Луиза Ивановна Волконская.

У нее в молодости было близкое знакомство со Львом Николаевичем Толстым. И был момент... Особенный момент. Из-за чего Лев Толстой чуть не стал модернистом. Но об этом рассказ после...

А сегодня у нее — спектакль. В ее любительском театре дается представление под названием «Медная Венера».

Текст представления написан самой Луизой Ивановной и посвящен ее далекой родственнице, знаменитой красавице пушкинского времени Аграфене Федоровне Закревской, урожденной графине Толстой.

Прозвучат стихи Пушкина и других знаменитых поэтов в честь Закревской.

И гости уже собрались. И слышны аплодисменты. В первом ряду — губернаторша и другие губернские дамы.

И я словно вижу их, нечто, похожее на чудо, происходит со мной. А это значит — повествование началось.

На сцену выходит Луиза Ивановна. Она играет Закревскую. И я тоже мысленно обращаюсь к ней, к Закревской.

КРАСАВИЦА, КОТОРОЙ БОЯЛСЯ ПУШКИН

Ах, рыжеволосая Аграфена Федоровна, «медная Венера», Пушкин не только писал о вас стихи, но даже рисовал вас. В одном из черновиков «Полтавы» поэт, скопировав ваш портрет кисти Доу, изобразил вас опирающейся на обломок античной колонны. Античная, но живая, влекущая плоть.

Ах, Аграфена Федоровна! Глядя на все сквозь время, полагаю, что вы прежде всего отличались телесной дианообразной красотой. Что и сводило мужчин с ума.

С восемнадцати лет замужем за блестящим генералом Закревским, ставшим впоследствии всемогущим московским генерал-губернатором, хозяином Москвы. А вот власти над красавицей женой всемогущий генерал-губернатор не имел никакой. Наряду с Анной Керн Аграфена Закревская стала чуть ли не самой эротично свободной дамой пуш-

кинского времени. Как известно, Пушкин с откровенностью написал об этом:

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены Севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.

В Закревскую был страстно влюблен поэт Евгений Баратынский, он посвятил ей свою известную поэму «Бал» (в ней Аграфена Федоровна названа Ниной). Ею был увлечен и другой поэт — Вяземский, он называл ее «медной Венерой». И наконец Пушкин... Кстати, Татьяна Ларина сидит на балу, видимо, с ней же — «с блестящей Ниной Воронскою, сей Клеопатрою Невы»...

Вряд ли можно сомневаться (хотя такие сомнения иногда высказываются), что у Закревской с Пушкиным был бурный сексуальный роман.

Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик:
Страстей безумных и мятежных
Как упоителен язык!

Но примечательно, что даже Пушкин, прошедший почти гаремную школу любви в Кишиневе, Одессе и Тригорском, не выдерживает страстей Аграфены Закревской. Об этом стыдливо умалчивают, но пушкинские строки — свидетельство тому:

Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

Пушкин боится... женщины. Невероятно! Подобное в его интимной жизни, вероятно, исключение.

И уже только за это (скажу с улыбкой) она достойна бессмертия: ведь она была женщиной, которой боялся сам Пушкин. И, видимо, я являюсь первым автором, кто подчеркнуто указал на это. Нет, не случайно Александр Сергеевич внес Аграфену Федоровну в свой «донжуанский список».

Но что очень серьезно — это три стихотворения, написанных Пушкиным в честь Закревской: «Портрет», «Напесник» и «Счастлив, кто избран своенравно...». Первые

два я цитировал, они были напечатаны Пушкиным, а вот третье — «Счастлив, кто избран своенравно...» поэт не печатал, таил. И только за две недели до смерти прочитал его Александру Тургеневу. Возможно, Закревской адресовано и еще одно пушкинское стихотворение «Когда твои молодые лета...».

Да, «беззаконная комета» оставила свой след в литературе. И яркий след.

Есть версия, что в набросках ненаписанного романа «Гости съезжались на дачу» в образе Зинаиды Вольской Пушкиным также описана Закревская.

И Лев Толстой впоследствии, прочитав этот отрывок, пришел в восхищение и написал начало романа, ставшего затем «Анной Карениной».

Но еще ранее, в начале пятидесятых, Аграфена Федоровна, постарев и став «остывшей кометой», обратила внимание на талантливую молодого племянника Левушку Толстого и покровительствовала ему.

Такой была двоюродная тетушка Льва Николаевича. Не менее колоритной фигурой являлся двоюродный дядюшка, граф Федор Иванович Толстой.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ДУЭЛЬ

Надо же было занять таких двоюродных тетушку и дядюшку. Дядюшка по части сексуальности, выражаясь по-современному, тетушке, видимо, не уступал, а если все-таки и уступал, то совсем немного. Зато по части других похощений, как положено мужчине, ее явно превосходил. Граф Федор Иванович Толстой (1782—1846) с молодости привлекал к себе многих выдающихся людей, дружил с Константином Батюшковым, Петром Вяземским, Денисом Давыдовым. Участник русско-шведской и Отечественной войн, ранен при Бородине, имел боевые награды, гвардейский офицер. Но вот как характеризует его современный автор В.Соколов в книге «Рядом с Пушкиным» (М., 1998): «Отчаянный храбрец, дуэлянт, выпивоха, авантюрист, жестокий проказник, в наше время не единожды бы осужденный за злостное хулиганство, он пользовался как дурной, так равно и доброй славой. Вот какую, например, характеристику Федора Ивановича мы находим в грибоедовском «Горе от ума»:

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был,
Вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист...

Впрочем, Грибоедов допустил неточность. Толстого на Камчатку не ссылали, а стал он «алеутом» из-за своих приключений в первом российском кругосветном плавании в составе экспедиции знаменитого Крузенштерна. Не выдержав многих пьяных выходок и скандалов Толстого, Крузенштерн приказал его высадить на одном из островов недалеко от американского побережья, за что тот получил впоследствии прозвище «Американца».

А вот далее — сплошные легенды. К примеру, сын Льва Николаевича Толстого Илья Львович в своих воспоминаниях, которые, конечно, в основном посвящены его великому отцу, о буйно знаменитом родственнике пишет так: «Был высажен на какой-то необитаемый остров. Там он прожил более года и познакомился и сдружился с крупной обезьяной. Говорят даже, что эта обезьяна служила ему женой. Наконец, корабль вернулся, и за ним выслана была шлюпка. Обезьяна, успевшая за это время к нему привязаться, видя, что он уезжает, кинулась в воду и поплыла за лодкой. Тогда Толстой спокойно взял ружье, прицелился и застрелил свою верную подругу».

Впрочем, автор воспоминаний далее добавляет: «Боюсь, что это предание баснословное». Ведь о Федоре Толстом ходило множество преданий и легенд. И кое-что связано с Пушкиным.

С Пушкиным он познакомился в Петербурге в 1819 году, и у них сразу установились приятельские отношения. Но, будучи в южной ссылке в Кишиневе, Пушкин узнал, что Толстой распространяет порочащий его слух — будто он был высечен за вольнолюбивые стихи в тайной канцелярии.

Пушкин решил вызвать Толстого и написал о нем сразу широко распространившуюся эпиграмму.

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен.
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он...

и т. д.

Толстой ответил Пушкину тоже едкой эпиграммой:

В восторге подлых чувств ты, Чушкин, то забыл —
Презренным чту тебя, ничтожным сколько чтил.
Примером ты рази, а не стихом пороки
И вспомни, милый друг, что у тебя есть щеки.

Должна была состояться дуэль, но не состоялась. Пушкин и Толстой, питавшие друг к другу внутренний инте-

рес, помирились. А позднее, когда Пушкин сватался к Натали Гончаровой, то Толстой стал его сватом и исполнил свою миссию с большим умением. Жуковский находил в Толстом «много хороших качества». А Лев Толстой описал его в рассказе «Два гусара» с нескрываемой симпатией. Сын великого писателя Сергей Толстой впоследствии в своих воспоминаниях характеризовал его так: «Он жил лишь в свое удовольствие, пьянствовал, обжирался, развратничал, обыгрывал, убивал, мучил своих крепостных слуг и т. п.». И еще многозначительный факт: Толстой убил на дуэлях одиннадцать человек.

Вот такой человек должен был стреляться с Пушкиным. И Пушкин мог быть убит им. Но Толстой, при всех своих пороках, глубоко верил в Бога и считал, что следует велению судьбы. Имена убитых им на дуэли он вносил в свой синодик. У него было двенадцать детей, и они умирали один за другим после его дуэлей, что он воспринимал как кару за убийство дуэльных противников (В. Соколов). Он остановился на Пушкине. Он не захотел терять последнего, двенадцатого ребенка и лишать Россию великого поэта. И это не случайно. Пушкину еще не настало время погибнуть.

КАК ТОЛСТОЙ ЧУТЬ НЕ СТАЛ МОДЕРНИСТОМ

А теперь вернемся ко Льву Николаевичу Толстому, его «Двум гусарам». Лев Николаевич назвал своего двоюродного дядюшку «необыкновенным, преступным и привлекательным человеком». И сам никогда не отрицал, и в литературе утвердилось, что прототипом Турбина-старшего являлся Федор Толстой. И в героях «Казачков» узнавались некоторые реальные лица. Запомним это. И вернемся к этому, когда речь пойдет о «Войне и мире». Все, что писал Толстой, теснейшим образом связано с реальностью. Совершенно реальны и персонажи его первого литературного повествования.

Самое первое литературное произведение Льва Толстого «История вчерашнего дня» осталось почти неизвестным. И в литературоведении ему уделено немного места и значения. И опубликовано оно лишь в 1928 году. И в жанровом отношении специалисты не могут до сих пор определиться, что это такое: очерк, документальная повесть (вернее, ее начало) или еще что-то. Вроде бы сначала Тол-

стой ставил перед собой весьма скромную задачу: «Написать нынешний день со всеми впечатлениями и мыслями». Это — запись в дневнике от 24 марта 1851 года. И последовало описание, как Лев Николаевич побывал в гостях в доме своего троюродного брата, князя Александра Алексеевича Волконского. Правда, сначала дома князя не застал и довольно долго общался с его женой Луизой Ивановной. Играли в карты. Затем появился сам князь. Запись в дневнике о том ничего особого не выражает: «У Волконских был неестественен и рассеян и засиделся до часу». Кажется, ничего примечательного.

Но вот в «Истории вчерашнего дня» все не так. Повествование наполнено множеством размышлений, наблюдений, эмоций. Как под микроскопом, рассмотрены и проанализированы малейшие движения души автора. Более того, Толстой задумывается о написании целой книги, особой книги — новой по жанру и содержанию. Повествование открывается следующими словами: «Пишу я историю вчерашнего дня, не потому, чтобы вчерашний день был чем-нибудь замечателен, скорее мог назваться замечательным, а потому что давно хотелось мне рассказать задушевную сторону одного дня. Бог один знает, сколько разнообразных занимательных впечатлений и мыслей, которые возбуждают эти впечатления, хотя темных, неясных, но (не) менее того понятных душе нашей, проходят в один день. Ежели бы можно было рассказать их так, чтобы сам бы легко читал себя и другие могли читать меня, как и я сам, вышла бы очень поучительная и занимательная книга, и такая, что недостало бы чернил на свете написать ее и типографщиков напечатать (с какой стороны ни посмотришь на душу человеческую, везде видишь беспредельность...)».

Так что же произошло в этот день у Льва Толстого? Главными в нем, совершенно очевидно, были для него те смутные и противоречивые чувства, которые возникли от общения с молодой женой троюродного брата Луизой. Поскольку, как уже говорилось, мужа не было дома, то сели играть вдвоем в карты (заметим в скобках: Льву Толстому — 23 года, Луизе Волконской — 25 лет). И возникло нечто...

«Так вот, я играл в карты, садился справа, слева, напротив, и везде было хорошо. Такого рода занятия продолжалось до 12-ти часов без четверти. 3 роббера кончились. Отчего эта женщина любит меня (как бы мне хо-

телось здесь поставить точку) приводить в замешательство...»

И ей, и ему вскоре стало понятно, и он, и она почувствовали — карты только предлог. Между ними что-то происходит. На самом деле это был интимный поединок между молодыми мужчиной и женщиной, которых и тянуло друг к другу, и, вместе с тем, им внутренне было неловко, это раздражало, смущало, томило их. И не произнося слов, они как бы вели мысленно тайный диалог, подобный тому, какой будет описан Толстым впоследствии между Левиным и Кити в «Анне Карениной». Возможно, этот диалог (с написанием букв) вышел из реального «телепатического» диалога между Львом Толстым и Луизой Волконской. Тут написания букв не было, но, как казалось Толстому, они отчетливо слышали друг друга.

«— Я собой не очень хороша, но зато какие у меня поги! Посмотрите: видите? Что, хороши?»

— Ноги у вас, может быть, хороши, но я не заметил, по тому что вы показывали... Ежели я нечаянно дотронулся до вашей ножки своей ногой, вы сейчас же спешите извиниться» и т.д.

Эти слова не произносились. Но мысленный диалог продолжался, они понимали друг друга интуитивно. И в этом была не только скрытая эротика, но и общение душ, весьма изощренное.

Потом все кончилось. «Муж приехал, мы посидели, поужинали, поговорили, и я поехал домой в половине первого». А дома ночью он, обуреваемый противоречивыми эмоциями, писал свое повествование, свое первое литературное произведение, которое осталось неоконченным. Но оно, это начало повествования, на мой взгляд, занимает особое место в творчестве будущего великого романиста.

Приведу еще небольшой фрагмент, из «Истории вчерашнего дня». Муж Луизы, конечно, ничего не понял, что произошло между его женой и троюродным братом. А они, прощаясь, вместе улыбнулись и смутились. «Очень мне было приятно вместе смутиться и вместе улыбнуться. Хотя глупость, но вместе. Я люблю эти таинственные отношения, выражающиеся незаметной улыбкой и глазами, и которых объяснить нельзя. Не то чтобы один другого понял, но каждый понимает, что другой понимает, что он его понимает».

Но что это? Такое впечатление, что перед нами образец модернистской прозы, с ее изощренным психоанализом

зом. Разве это Толстой? Да, Толстой. В такое трудно поверить, но тем не менее величайший реалист начинал свой путь в литературе... модернистом. Притом сам этого не сознавал и проклинал впоследствии модернизм на все лады. А «История вчерашнего дня» — по существу новаторское модернистское сочинение. Большинство исследователей, особенно советских, стыдливо «не заметили» это. Но отмечено Ивановым-Разумником. Мимоходом это сказано Виктором Шкловским. В своей монографии «Лев Толстой» (ЖЗЛ. М., 1963) В.Шкловский пишет: «Лев Николаевич осуществлял то, что связывают теперь с именами Пруста, Джойса». Это был первый шаг к тому, что впоследствии называли «антироманом». В нем впервые в литературе воспроизведен «поток сознания», вызванный увлечением женщиной.

В.Шкловский, конечно, высказал крамольную для советского литературоведения мысль, ибо Толстой и «антироман» казались совершенно несовместимы. Но Шкловскому многое дозволялось, хотя высказанная им мысль была просто обозначена, но не раскрыта.

Сошлюсь также на Е.Маймина. Он, хотя и не решился сравнивать Толстого с модернистами, но нечто похожее все же бегло сказал в своей книге «Лев Толстой» (М.: Наука, 1978). Е.Маймин пишет: «В отрывке «История вчерашнего дня» немало открытий. Открытий психологических и одновременно художественных. Сама позиция рассказчика (очень характерная вообще для Толстого) — позиция открывателя... Сила Толстого-художника в этом и заключается, что он открывает нам — открывает в самом точном и глубоком смысле этого слова — наши собственные, самые обыкновенные и самые повседневные тайны». Что же это такое?

Эти тайны души и плоти в их неразрывном единстве и полном противоречии. Это и влечение друг к другу, и изощренный эротизм, и интуитивное понимание душ — мужской и женской, — и вражда, и незримый поединок. И все это — вместе, сразу. Хотя все это, разумеется, не любовь.

«Молодой человек разговаривает с женщиной. Кроме этого диалога, происходит внутренний диалог между мужчиной и женщиной, а тело молодого человека имеет свою линию поведения, которая сбивает оба диалога» (В.Шкловский). Но повторяю, это — не любовь. Лев Толстой не знал любви.

Через несколько месяцев, в ноябре 1851 года, Лев Николаевич записал в дневнике: «Я никогда не был влюблен в женщин... Одно сильное чувство, похожее на любовь, я испытал только, когда мне было 13 или 14 лет, но мне (не) хочется верить, что это была любовь, потому что предмет страсти была толстая горничная (правда очень хорошенькое личико), притом же от 13 до 15 лет — время самое безалаберное для мальчика (отрочество), не знаешь на что кинуться, и сладострастье в эту эпоху действует с необыкновенной силою».

Молодой Толстой мечтал о любви и семейном счастье, но признавался в дневнике, что никогда не испытывал любви.

Что касается Луизы Волконской, то странный взлет эмоций к ней уже больше не повторился. И первая модернистская книга так и не была написана. Но память об этом у Толстого, несомненно, осталась.

ЭРОС

Будучи на Кавказе и перечитывая свой дневник, Толстой 20 марта 1852 года сделал такую запись: «Лучшие воспоминания мои относятся к милой Волконской». Нет, не случайны эти слова — «лучшие воспоминания».

На Кавказе Толстой, как известно, принимал участие в военных действиях против чеченцев, проявил храбрость. Отличился в набеге русского отряда на чеченские аулы. Писал свое первое крупное произведение — «Отрочество». И вел (вернее продолжал вести) дневник.

Главное в нем — поиск самого себя. И вместе с тем в нем многое о женщине, эресе, сладострастии.

Вот выдержки из этого кавказского дневника.

«Избави меня, Господь, от тщеславия, нерешительности, лености, сладострастия, болезней и беспокойства душевного: дай мне, Господи, жить без греха...».

«Нужно стараться как можно меньше возбуждать сладострастие... презираю все страсти и жизнь, а увлекаюсь страстишками и тешусь жизнью».

«О, срам! Ходил стучаться под окна К. К счастью моему, она меня не пустила».

«Ходил стучаться к К, но, к моему счастью, помешал прохожий».

«1) ленился, 2) был нерешителен, 3) солгал».

«Я чувствовал себя нынче лучше, но морально слаб и похоть сильна».

«Застал на кухне молодую хозяйку и сказал несколько слов. Она, решительно, со мной кокетничает, перевязывает цветы под окошком, караулит рой, поет песенки, и все эти любезности нарушают покой моего сердца. Благодарю Бога за стыдливость, которую он дал мне: она спасает меня от разврата».

«Мне необходимо иметь женщину. Сладострастие не дает мне минуты покоя».

«Д(евки) сбили меня с толку. Постараюсь делать добро, сколько смогу».

«После ужина ходил ко всем девкам и везде неудачно. Завтра писать с утра до вечера».

Вот в таких противоречивых эмоциях протекала внутренняя жизнь Толстого.

«Борьба человека с низшими страстями, каждая уступка телу вызывает острую реакцию и ряд новых самоограничений. Временами волна сладострастия уничтожает сопротивление, и Толстой сознательно отдается стихийному влечению, находя себе оправдание в условиях ненормальной бивуачной жизни. Но за тем раздаются новые призывы к перерождению» (Жданов В. Любовь в жизни Льва Толстого. М., 1993).

А помогало или мешало все это писать? Терзание тела, вызывавшее терзание духа и сублимирующее — творчество. «Не могу доказать себе существование Бога... Влечение плоти и души человека к счастью есть единственный путь к понятию тайны жизни. Когда влечение души приходит в столкновение с влечением плоти, то первое должно брать верх, ибо душа бессмертна».

«Катины песни, глаза, улыбка, груди и нежные слова еще свежи в моей памяти».

«Два раза имел Кас. Дурно. Я очень опустился». «Ходил к К, хорошо, что не пустила»

Женские имена зашифрованы. Впрочем, С. или Соломонида — это, как предполагают исследователи, в какой-то мере, видимо, знаменитая Марьяна из будущих «Казачков», тем паче, что с нею рядом вполне реальный Епишка-Ерошка. «Пьяный Епишка вчера сказал мне, что с Соломонидой дело идет на лад. Хотелось бы мне ее взять». «Непоследователен насчет Ф(едосьи), в которую я, к(ак) б(удто) влюблен, не соглашается».

«Раз навсегда надо привыкать к мысли, что я — исключение».

И постоянный анализ своих интимных переживаний, настоящих и прошлых. Это было постоянно в памяти, как у него в тринадцать—четырнадцать лет возникло, как наказание, как постоянный голод, мужская потребность — стыдная и неотвратимая. В четырнадцать лет братья первый раз привели его в публичный дом, и он совершил этот акт и познал женщину. Все его существо стремилось к тому, он был потрясен. А потом стоял у кровати этой женщины, уже взрослой и многоопытной, и плакал. Он ужаснулся пороку телесного наслаждения, все его существо теперь противилось ему.

И все, что происходило впоследствии — была борьба с тяжелой потребностью тела, попытка жить безгрешно, в единстве с Богом. И были удивительные мгновения слияния с Богом. И он благодарен Богу за то, что он вознес его к себе. И он чувствовал любовь к Богу — такую, какую ему не могла дать ни одна женщина. И чувствовал бесконечный восторг. Он знал, что он — бессмертен. И самая несбыточная мечта человека — о личном бессмертии — воплощалась в душе. И падал ниц, обливаясь счастливыми слезами, и лежал недвижимо, не чувствуя времени. Но потом все отступало, душа пустела, будто оставляла тело, и просыпаясь, возбуждалось уже тело, набухало каждой клеточкой — похотью. И хотя отчаяние было непомерным, он, как бешеный, готов был бежать снова к первой попавшейся женщине, и ему в этот миг нужен был уже не Бог, не бессмертие — только женщина. Голос плоти после молитвы особенно ужасен. И потому он уверился — нет никакой любви в мире, кроме любви к Богу. Нет и не может быть любви к женщине. Это — лишь эрос, сладострастие, похоть. Если это не побороть, значит погибнуть.

И были еще многие любовные увлечения. И была затем женитьба — такая счастливая сначала — и вроде бы по любви. Но впоследствии он вынужден будет признаться — нет, все это не любовь. Это был эрос. Толстой не употреблял такого понятия. Но оно проходит через все его творчество и жизнь.

В «Тайном дневнике» 1908 года он подведет самобичующий итог: «Вот пишут мою биографию — о моем отношении к седьмой заповеди ничего не будет. Но будет вся ужасная грязь рукоблудия и хуже, с 13,14 лет и до 15,16 (не помню, когда начался разврат в распутных домах). И так

до связи с крестьянкой Аксиньей — она жива. Потом женьтиба, в которой опять, хотя я ни разу не изменил жене, похоть по отношению жены, скверная, преступная...»

Сложнейший интимный мир Толстого тонко, глубоко и тактично исследован В.Ждановым в его книге «Любовь в жизни Льва Толстого». Но есть принципиальное «но». На мой взгляд, Льву Толстому более подходит понятие эрос, а не любовь. Ведь, в конечном итоге, сам В.Жданов признает это, когда пишет: «Толстой не любил, но искал любви и не нашел ее».

* * *

И, конечно, он еще в молодости понимал, что его двоюродная тетка Закревская, «медная Венера», жила не любовью, а эросом, она была великая жрица Эроса. И двоюродный дядюшка Федор Толстой тоже жил эротическими страстями.

Эрос — великий и темный корень всей Вселенной, Великий Эрос пронзает всю Вселенную от былинки, от ползучего гада до человека. Великий Эрос истинен и изначален, а придуманная людьми любовь — иллюзорна. Толстой много писал о том в своих книгах, а читатели привычно принимали описываемые им отношения между мужчинами и женщинами за так называемую любовь. Но ведь не только порочная Элен, но добродетельная Наташа Ростова — сестры в эросе, каждая на свой манер. Эрос многолик. Он прекрасен. Но он может быть страшен и беспощаден, он может убивать и убивает легко и слепо, как убил ни в чем неповинную «маленькую княгиню» Лизу Волконскую.

ПРОТОТИПЫ?

Но ведь Луиза Волконская была жива. Она, живя в далекой вологодской усадьбе Ермолово, следила за литературными успехами Льва Николаевича. Узнала ли она себя в описании «маленькой княгини» Лизы в «Войне и мире»? «Ее хорошенькая, с чуть черневшими усиками верхняя губка была коротка по зубам, но тем милее она открывалась и тем еще милее вытягивалась иногда и опускалась на нижнюю. Как это всегда бывает у вполне привлекательных женщин, недостаток ее — короткость губы и полуоткрытый рот — казался особенною, собственно ее красотою».

Во всяком случае весной 1865 года она написала Льву Николаевичу письмо. Это было трудное для нее время. Умер ее муж, оставив многочисленные долги. Усадьба была в запущенном состоянии, а на руках — трое детей, которых надо было поднимать, растить.

Но в письме она, видимо, не касалась этих грустных тем (письмо не сохранилось). В письме она спрашивала у Толстого, кто является прототипом Андрея Болконского. Про себя, вероятно, она спросить постеснялась, а вот про Андрея Болконского спросила. И 3 мая 1865 года Толстой из Ясной Поляны ответил ей. Письмо сохранилось, и в нем, в частности, говорится: «Андрей Болконский — никто... Я бы стыдился печататься, ежели бы весь мой труд состоял в том, чтобы списать портрет...» То есть Толстой с полной определенностью писал, что князь Андрей — образ, лицо вымышленное, литературное. «Но он мне теперь еще приятнее, что подал случай написать вам и напомнить о себе и моей неизменной дружбе к вам и вашему семейству». Лукавил ли Толстой? Ведь в критике прототипы героев «Войны и мира» назывались неоднократно (в том числе и Андрея Болконского). Но Луизе Ивановне Лев Николаевич в том признаться не захотел.

Письмо Толстого очень теплое, дружеское. Есть в нем и воспоминание о «бедном Саше», то есть умершем муже Волконской.

И ни слова об их прежних отношениях. Все интимное уже позади, остались лишь дружеские, родственные отношения. Но и умолчание осталось.

* * *

Сохранился дагерротипный портрет Луизы Волконской. На обратной стороне портрета имеется надпись, сделанная рукой жены Толстого — Софьей Андреевной: «Маленькая княгиня в «Войне и мире». Это, несомненно, свидетельство того, что Луиза Ивановна Волконская послужила в какой-то мере прототипом великому писателю при написании образа «маленькой княгини». Сведения об этом портрете и надписи Софьи Андреевны вологодский краевед В.К.Панов получил из Ясной Поляны от заместителя директора дома-усадьбы В.А.Лебедевой, это еще в 70-е годы.

Но почему же Лев Николаевич не хотел сознаваться Луизе Ивановне, что это ее он описал в «Войне и мире»? Предполагаю — потому, что Толстой уже внутренне наме-

чал особо строгую позицию в своих отношениях с женщинами: полное исключение любых мужских чувств. Потому подчеркивал чисто дружеское, родственное отношение к Луизе Ивановне, не желая сознаваться в каких-то еще, пусть прошлых, пусть тайных, несбывшихся, но влечениях. В его отношениях с женщинами наступал кризис, который привел его к полной дисгармонии в семейной жизни, а в творчестве к таким «антиженским» сочинениям как «Крейцера соната», «Отец Сергей», «Дьявол». В них интимные отношения мужчины и женщины по-гоголевски воспринимаются и показываются как дьявольское искушение. Все это еще ждет своего исследователя.

Но, напомним, что Лев Толстой в самом начале своего творческого пути мог написать новаторскую декадентско-модернистскую книгу. Из-за женщины. Но не получилось. И все сложилось так, как было «нужно» русской литературе. Толстой написал «Войну и мир».

* * *

А Луиза Ивановна Волконская, живя в Ермолове, создала свой любительский театр. Ставила спектакли, играла в них главные роли. В небольшой книжке по истории Вологодского театра, вышедшей в 1922 году, краевед и искусствовед Н.Полянский писал, что в Ермолове существовал театр крепостных актеров, он размещался в каменном здании и занимал полуподвальный этаж, имел два яруса.

Этот театр пользовался популярностью на Вологодчине. В Вологде также сохранился живописный портрет Луизы Волконской, относящийся как раз к 1865 году. И это — особая история. Портрет уцелел чисто случайно. В Вологодском музее-заповеднике в послевоенное время значительное число портретов из бывших дворянских усадеб было списано в утиль, считалось, что они не имеют никакой ценности. Беспорядочной грудой эти портреты лежали в запасниках музея, ожидая уничтожения. Но, к счастью, искусствовед М.Е.Даен обратилась к этому «утилю» и обнаружила несомненные ценности. В том числе три портрета из бывшей усадьбы Ермолово. Они были отреставрированы и выяснилось, что все три принадлежат кисти местного живописца П.Боборыкина, выпускника С.-Петербургской школы юнкеров (которую, кстати, закончил и М.Ю.Лермонтов). Все они являются портретами бывших владельцев Ермолова. На первом из них изображен уже в

пожилом возрасте племянник великого Суворова князь А.И. Горчаков. На втором — его крестник — князь А.А. Волконский. А на третьем портрете — Луиза Ивановна Волконская.

Все это — открытия М.Е. Даен.

* * *

Как явствует из вологодских архивных данных, Луиза Ивановна Волконская умерла в 1890 году. А усадьба Ермолово пошла с молотка и была продана за долги купцу Брызгалову, хозяину известной в Вологде гостиницы «Золотой якорь». Барский дом был перевезен в Вологду. Он не сохранился.

Ныне Ермолово, как и прежде, — место удивительной красоты. Вдали — леса, извивается река, широко раскинулись луга. И сжимается сердце, когда видишь старинный парк. От него мало что осталось, он умирает. Но отдельные аллеи еще просматриваются четко. Здесь столетние дубы, липы, лиственницы, березовая аллея ведет к реке... Вокруг много настроено. Здесь был пионерский лагерь. Успели построить даже зимние корпуса, теперь все бросили. Много раз я писал и много делал, чтобы спасти Ермолово. Но, видимо, тщетно — не спасти. Тихо, пустынно, грустно; за деревьями догорает заря. Я стою перед стариком-дубом, ему осталось жить недолго. И невольно приходит мысль о быстротекущем времени и превратности нашей жизни.

УСТЮЖЕНСКАЯ СУЛАМИФЬ

I

В Даниловском буйно цвела сирень, синяя и белая. Ее аромат наполнял комнату и возбуждал Александра Куприна. Он взглянул на часы. Еще рано... Ах, как медленно идет время.

Куприн открыл Библию и начал читать. Песнь Песней царя Соломона. И словно пламя опалило его...

О, ты прекрасна, Суламифь, ты прекрасна, возлюбленная моя! Глаза твои голубиные под кудрями твоими; волосы твои — как стадо коз, сходящих с горы Галаадской.

О, как прекрасны ноги твои в сандалиях! Округление бедер твоих — как ожерелье.

Живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твое — ворох пшеницы, обставленный лилиями.

Стан твой похож на пальму, и груди твои — на виноградные кисти.

Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее, и груди твои были бы вместо кистей винограда.

Куприн закрыл книгу. Нет, определенно надо успокоиться.

Он прошел в соседнюю комнату. Здесь его друг Федор Батюшков разбирал какие-то бумаги.

— Вот, Александр Иванович! — взволнованно воскликнул он, увидев Куприна. — Вот нашел в своем архиве. То, о чем мы вчера говорили.

— Что нашел? О чем говорили?

— Ты не помнишь? — удивился Батюшков. — Представь, я обнаружил бумаги о великом заговоре под Устюжной. Том самом заговоре — с целью свержения с престола

императрицы Екатерины Второй, поскольку в устюженской глухомани обнаружился незаконный сын английского короля и покойной императрицы Елизаветы Петровны. То есть законный наследник российского престола. Исторический сюжет, достойный описания. Будешь писать?

— Не знаю, Федор Дмитриевич. Честное слово, не знаю. Я вот сейчас Библию читал, Песнь Песней. Увлёкся. А про то, что ты рассказал... право, как-то не могу войти в сюжет. Хотя это и касается твоего рода.

— Ты был рассеян вчера. И сегодня рассеян. Потому и не можешь войти в сюжет. Но я тебе все повторю. Кстати, вот у меня в руках как раз прошение Елены Ивановны Батюшковой на имя государыни. Любопытный документ. Так послушай меня снова.

— Да, да, я слушаю...

* * *

Дело было так... Жили Елена Ивановна и Илья Андреевич Батюшковы в своей деревеньке Тухани, что в сорока верстах от Устюжны. Илья Андреевич служил недолго в гвардии, но неудачно: в двадцать четыре года вышел в отставку с первым чином — корнетом. По причине отставки впал в ипохондрию и начал, прости Господи, попивать и куртизанить. Дворовым девкам проходу не давал.

Но уже и тогда Елена Ивановна стала замечать — супруг заговаривается, ведет себя престраннным образом, короче говоря, ипохондрическая нервная болезнь с ним приключилась, болен он. А главная беда была еще впереди...

Двадцатого июня шестьдесят девятого года приехал к ним на недельку погостить сосед их Опочинин, бывший мужнин сослуживец. Ну и запили... И пили всю неделю, и хмельные громкие и непотребные речи вели. Еле убрался гость восвояси. И почувствовала Елена Ивановна сердцем — ох, не к добру все. Так и стало.

Потом уже она узнала — был донос на Опочинина и ее супруга: мол, заговор против императрицы составили, дабы ее величество с престола сместить, а Опочинина на российский престол возвести. И будто бы муж ее несчастный, Илья Андреевич, открыл тому самому Опочину тайну его рождения, какую хранил от всех до срока — мол, он, Опочинин, есть сын покойной императрицы Елизаветы Петровны, рожденный вне брака от английского короля и в Устюжну тайно привезенный. И потому он, мол, есть законный наследник российского престола — в том и

тайна, будто известная Илье Андреевичу. А какая там тайна — лишь пьянство да болезнь ипохондрия, будь она неладна! И ничего-то она, Елена Ивановна, в те времена не знала; лишь потом, много лет спустя, стало ей это известно.

Но осенью того года нагрянул к ним в Тухань сам обер-прокурор господин Всеволожский с солдатами и полицейскими чинами, в усадьбе все вверх дном перевернули, обыск учинили, а мужа арестовали и увезли в Устюжну. И она — молоденькая еще — за ними на следующий день вслед тоже в Устюжну поехала. И к обер-прокурору Всеволожскому — в ноги. А господин Всеволожский ее и слушать не стал, ногами затопал и возопил: мол, забудь его, бывшего супруга, он-де опасный преступник, его нынче с утра увещевали, и он сознался во всем.

А на следующий год вышел высочайший приговор, и в нем об Илье Андреевиче Батюшкове говорилось так:

«...чтобы он таковых вредных плевел между благонамеренными и желающими общего спокойствия и тишины людьми рассеивать не мог, то послать его, Батюшкова, в Мангазею... Оттуда же его ни для чего без именного ее императорского величества указа отнюдь во всю жизнь не отпускать».

Но потом все же указ о помиловании вышел. Елена Ивановна — запрос в Санкт-Петербург и сама — в столицу. И родственники хлопотали, сам сенатор Михаил Никитич Муравьев хлопотал — только все понапрасну. Сгинул где-то Илья Андреевич, и следа его отыскать не удалось.

Эх, Россия... Как все это на тебя похоже, Россия! Полюмный человек за большие речи почитается за государственного преступника и под пыткой сам наговаривает на себя... Эх, Россия!

* * *

— Каков сюжет, а?

— Символический. Русский ужас...

— Так напишешь?

— Понимаешь, почему-то захотелось чего-то высокого, светлого, страстного. Отсюда и Песнь Песней.

— Как хочешь. Пойдем на балкон.

* * *

Друзья вышли на балкон, и прекрасный вид на старинный парк, луга и дальний лес открылся им.

Даниловское еще с начала XVII века принадлежало Батюшковым, было их родовым гнездом. В 1812—1813 годах был возведен новый усадебный дом на месте прежнего, обветшавшего — в классическом стиле, с анфиладой комнат, с белыми кафельными печами, украшенными рельефными фризами. Центральный вход — с тосканским шестиколонным портиком, наверху — балконгалерея. Строили дом в том числе и пленные французы, они же разбили рядом прекрасный парк. Усадьба получилась красивой, уютной и любимой. Знаменитый поэт Константин Батюшков жил здесь только в детстве, а вот его потомок, критик Федор Батюшков, любил усадьбу, приезжал сюда из Петербурга каждое лето и однажды привез сюда своего друга, известного всей России писателя Александра Куприна. Куприн буквально влюбился в Даниловское и тоже стал в летнюю пору бывать здесь постоянно.

А подружились они еще ранее так: Федор Дмитриевич напечатал большую проблемную статью об армейской прозе Куприна, увидев в ней литературное событие психологического плана. И Куприн за то был ему очень благодарен.

Федор Дмитриевич Батюшков был широко известен в литературном мире как критик, редактор, человек энциклопедических познаний. Он был знаком со всеми лучшими российскими писателями, дружил с Короленко и Чеховым — и особенно, конечно, с Куприным, при всем несходстве их характеров и темпераментов. Куприн являл собой натуру полную жизненных сил, страстную, женолюбивую, а Батюшков был книжник, погруженный в науку и размышления. Когда-то, будучи студентом, сватался к дочерям ректора университета, профессора Бекетова (кстати, деда Блока) — к одной, потом к другой, но получив отказ от обеих, остался убежденным холостяком и женщин сторонился. Однако их дружбе с Куприным это не мешало.

* * *

Стоя на балконе, они продолжали разговор. И Федор Дмитриевич спросил:

— Уж не собираешься ли писать на сюжет Песни Песней?

— Как знать.

— Так знай: мой даровитый предок, незабвенный Константин Батюшков, написал свою Песнь Песней, но потерпел неудачу.

— Вот как! Интересно. Я этого не знал. И почему я не читал из этого ни строки?

— А ни строки не сохранилось. Видимо, Константин Николаевич сам уничтожил свою неудавшуюся поэму. О ней мы знаем лишь из переписки с друзьями. Так, Вяземский ему прямо написал — не связывайся с Библией. Мол, твоя Песнь Песней меня измучила. На что это, мол, похоже, когда девка, желая заманить к себе на ночь мужика, говорит ему: «Приходи, у меня есть шафран...» Вяземский умел быть циником. Далее в своем письме он добавил: «Это схоже с тем, если бы я, зовя девку на ночь, сказал ей: «Приходи, у меня есть свежий «Вестник Европы». Цинично, но остроумно. Вероятно, Константин Николаевич потерпел полную неудачу.

— Это объяснимо. Мне жаль его — несчастный человек. Ведь это трагедия — не знать женщины, бояться женщины. Как и Гоголь, быть до смерти девственником.

— Это не совсем так. Как показала история с тем же Ильей Батюшковым, в нашем роду была психическая болезнь. Она проявилась и в нашем поэте — Константине Николаевиче. И как будто насытилась... Род выздоровел. Жертва была принесена.

— Ты знаешь, вероятно, можно сказать, что Батюшков был принесен судьбой в литературную жертву Пушкину. Ведь в этом смысле и Белинский высказывался. И именно Белинский говорил, что Батюшкову немного недоставало, чтобы переступить черту, отделяющую талант от гениальности. Но его гений не раскрылся.

— Не раскрылся полностью и гений Пушкина. И Лермонтова. И Чехова. С Чеховым все происходило на моих глазах. В последнем письме ко мне Антон Павлович строил новые планы, он совсем не думал о смерти.

— Мне это не совсем понятно. Ведь Чехов, как врач, как человек рационального мышления, мог представить, какая опасность ему угрожает. У него был туберкулез, и этим все сказано.

— Не все сказано, — Батюшков потянулся к книжной полке, снял с нее книжку с закладками, — Антон Павлович отнюдь не был таким рационалистом, каким его обычно представляют... Ты хорошо знаешь его рассказ «Студент»?

— Ты мне об этом говорил. Но, сказать откровенно, знаю этот рассказ сам по себе не очень хорошо.

— Между тем, он считал этот небольшой рассказ своим лучшим сочинением. И в этом рассказе он совсем не рационалист, а скорее даже мистик.

— Ну, это ты слишком, ты перегнул, Федор Дмитриевич. Всякая мистика была Чехову органически чужда.

— А вот и нет. И, чтобы доказать это, я позволю себе пересказать один рассказ и приведу цитаты из него. ...Итак, студент духовной академии Иван Великопольский возвращается домой, идет заливным лугом по тропинке. Наступило внезапное похолодание, и студент думает, что вот так во все времена дул ветер, и все было таким же, как сейчас: такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска. «Такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета — все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше».

И вот он подходит к костру, у которого сидят две крестьянки — мать и дочь, и начинает с жаром говорить им о Христе, о том, как Иисуса предали его ученики. И говорит так, что женщины потрясены. Студент вдруг совершенно явственно почувствовал: «То, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему — к обеим женщинам. И, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям». И все незримо перемешалось для него вокруг, «и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла».

Что же это значит? На мой взгляд, Чехов знал, пусть даже в редчайшие мгновения, что такое подлинный мистический взлет души. Без этого создание «Студента» просто было бы невозможно. Конечно, все это — одна из тайн Чехова, в обычной жизни далекого от Церкви. И так до самой смерти.

— Ах, Федор Дмитриевич, меня бесконечно трогает и поражает, как умер Чехов — выпив шампанского. Или это легенда?

— Нет, не легенда. Удивительная смерть. Около часу ночи попросил вызвать врача и сам сказал врачу, что умирает. Перед кончиной взял бокал шампанского и, как написала мне Ольга Леонардовна, «улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: «Давно я не пил шампанского...», — спокойно выпил все до дна, тихо лег на правый бок и вскоре умолкнул навсегда...» Он встретил смерть с бокалом шампанского в руке.

— Как-то мы умрем? Но пока надо жить. Прости. Я покину тебя.

— Ты все-таки подумай о сюжете с полоумным Ильей Батюшковым.

— Я подумаю.

* * *

После свидания с молодой устюжанкой Куприн вернулся далеко за полночь. Он был счастлив. И понял, что будет писать теперь про Суламифь. О трагедии Ильи и Константина Батюшковых теперь он писать был не в силах. Он думал об устюженской Суламифи.

II

«Суламифь» писалась страстно. Древнееврейский царь Соломон, живший в X веке до рождения Христа и бывший не только великим правителем, но и великим поэтом, создавшим, по преданию, более тысячи лирических сочинений и являвшийся великим любовником — мужем, обладавшим могучей интимной силой, словно воскрес в Куприне.

Уже вдали от Даниловского, зимою, заканчивая и переписывая «Суламифь» набело, Куприн писал Батюшкову: «И сцены в ней таковы, что я должен часто выбегать на улицу и глотать снег для охлаждения и приведения себя в нормальное состояние».

* * *

Воспоминания о Даниловском были у него непрерывными. Они перешли во многие его рассказы. И в одном из них он писал: «Жили мы в старом, заброшенном имении, где в 1812 году был построен пленными французами огромный деревянный дом с колоннами, и ими был разбит громадный липовый парк в подражание Версалью... Вокруг нас столетний бор, где водятся медведи и откуда среди белого дня голодные волки забегают в окрестные села таскать зазевавшихся собачонок. Местное население говорит не понятным для нас певучим, цокающим и окающим языком и смотрит на нас исподлобья, пристально, угрюмо и бесцеремонно... К нашим услугам прекрасная французская библиотека XVIII столетия, но весь ее чудесный «эльзеvir» обглодан мышами...»

И дружба с Батюшковым становилась для него все дороже и дороже. Он признавался в другом письме Федору

Дмитриевичу: «Запомни мои слова — первый раз в жизни я так интимно и решительно отдал свою дружбу человеку, и она не изменится... Я не только люблю тебя несравненно, но и горжусь твоей дружбой...»

* * *

Об этой дружбе, а также о приездах Куприна в Даниловское и Устюжну в 1906—1911 годах подробно рассказывается в публикациях замечательного устюженского краеведа нашего времени, заслуженного работника культуры России А.В. Боброва. Он доказал, что Даниловское занимает особое место в творческой биографии Куприна. И знаменательно то, что с этой устюженской усадьбой связано и создание другого купринского шедевра — повести «Гранатовый браслет».

О том, как создавался этот шедевр, рассказала в своих воспоминаниях жена писателя М.К. Куприна-Иорданская. Известны прототипы прекрасного купринского произведения. Желтков — мелкий почтовый чиновник Петр Петрович Жолтиков, князь Шеин — на самом деле граф, крупный сановник Д.Н. Любимов, княгиня Вера, его жена, — красавица Людмила Ивановна, урожденная Туган-Барановская. То, что происходило на самом деле, стало известно впоследствии из воспоминаний сына Любимовых Л.Д. Любимова (далее привожу фрагмент из публикации Б. Шатунова «Гранатовый браслет» Куприна): «...Моя мать стала получать письма, автор которых скрывался под инициалами П.П.Ж. и подчеркивал, что разница в социальном положении не позволяет ему рассчитывать на взаимность, изъяснялся в любви к ней... Письма таинственного незнакомца приходили чуть ли не каждый день в течение двух-трех лет. Моя мать даже перестала их читать...» Как потом было установлено, влюбленный чиновник тайком, под видом полотера, а то и трубочиста, несколько раз проникал в квартиру Туган-Барановских, чтобы увидеть предмет своей любви.

Однажды в пасхальный день от него пришло письмо и пакет, в котором лежал гранатовый браслет — дутая позолоченная цепочка с подвешенным эмалевым яичком и гравированной надписью: «*Христос воскрес, дорогая Лима. П.П.Ж.*» Это уже выходило за рамки приличия. Разгневанные брат Людмилы Ивановны Н.И. Туган-Барановский и тогда еще жених Д.Н. Любимов приняли решительные меры. Они установили личность таинственного «П.П.Ж.»,

ютившегося где-то в бедной мансарде на шестом этаже, в районе Староневского, и в ближайшее воскресенье отпра- вились к нему.

Как вспоминает М.К.Куприна-Иорданская, их встре- тил «невзрачный, небольшого роста, страшно растеряв- шийся, испуганно смотревший человек». Его вид и вся убогая обстановка комнаты подействовали на Любимова удручающе, ему стало жаль чиновника — не тот соперник. Он молча положил браслет на стол и вежливо попросил Жолтикова оставить его невесту в покое.

...А как же сложилась дальнейшая судьба П.П. Жолти- кова? Ведь в рассказе Куприна он застрелился? Нет, в дей- ствительности он дал слово Любимову не писать больше писем, и слово свое сдержал. По другим источникам, он вскоре был переведен в провинцию и там женился.

Куприну была хорошо известна эта история. Он яв- лялся желанным гостем в семье Любимовых, а его жена была подругой красавицы графини Любимовой, ставшей героиней «Гранатового браслета». Но тем не менее повод написания этой чудо-повести был устюженским. И вот тут всплывает имя совсем другой женщины...

* * *

Это Вера Уаровна Сипягина-Лиленфельд, известная пианистка. Она обладала славой российского масштаба, но ее жизнь и творчество тесно связаны с Устюжной и местной усадьбой Свистуны. О Вере Уаровне проникно- венно, трепетно, с любовью написала сотрудник Устю- женского музея Елена Воротынцева в своей документаль- ной повести «Они ушли незаменимыми» (Устюжна. Ис- торико-литературный альманах. 1993). Рассказывая о дет- ских годах Веры Сипягиной, Е.Воротынцева пишет:

«Своим первым учителем музыки Вера Уаровна считала Логина Ивановича Линева. Л.И.Линев был сыном известного художника, автора последнего портрета А.С.Пушкина. В доме Сипягиных Линева называли «бывшим богачом». Когда-то у него был собственный дом в Петербурге и родовая усадьба Линево-Дуброво в Растороповской волости Устю- женского уезда. К тому времени, когда он стал препода- вать музыку юной Сипягиной, от некогда большого состоя- ния Линевых почти ничего не осталось. Верочка Сипягина слышала от старших, что Логин Иванович окончательно разорен и живет теперь в Устюжне. Однако это не мешало ей обожать своего учителя, который был не только му-

зыкантом, учеником знаменитого пианиста Джона Филда, но и прекрасным архитектором и живописцем. В Линево-Дуброве он выстроил «церковь дивной красоты», написал для нее иконы. Впоследствии, став почитаемой и известной, Сипягина с восхищением и благоговением вспоминала «незабвенного» Логина Ивановича, часто исполняла певучие ноктюрны Д. Филда, любовь к которым привил ей Линева. Судьба Л. И. Линева трагична: он окончательно разорился и умер в полной нищете в одной из петербургских богаделен. В конце 60-х — начале 70-х годов XIX века, когда он занимался музыкой с юной Верой Сипягиной и играл в четыре руки вместе с ней в домашних концертах, ему уже было к шестидесяти».

С блеском закончив Санкт-Петербургскую консерваторию, Вера Сипягина быстро добилась успеха как виртуозная пианистка, имя ее зазвучало по всей России... Снова цитирую Елену Воротынцеву:

«Находясь на гребне славы и популярности, Вера Уаровна не забывала и Устюжну. Она давала концерты в уездном дворянском собрании, в женской гимназии, реальном училище и др. В начале XX века в Устюжне был открыт Народный дом, который стал культурным центром города.

Здесь выступали А. И. Куприн и Ф. Д. Батюшков, воспитанница писателя Н. С. Лескова В. И. Долина, занимавшаяся мелодекламацией, гастролировали цирковые и опереточные труппы, ставились спектакли, устраивались концерты с привлечением всех местных и заезжих знаменитостей. Местные энтузиасты, конечно, не могли упустить из виду того, что почти ежегодно в Устюжну приезжала знаменитая пианистка Вера Сипягина. Веру Уаровну приглашали выступать с концертами, и она не отказывалась. Устюжанам посчастливилось слышать в ее исполнении произведения Шумана, Шопена, Листа, Чайковского, Рубинштейна, Римского-Корсакова и др.».

Но ее личная жизнь не сложилась. Брак с морским офицером Николаем Лилиенфельдом оказался неудачным. Овдовев, она полностью посвятила себя искусству. И вот, когда ей было уже сорок четыре года, она пережила неожиданную, разрушительную страсть.

* * *

Далее хочу снова прибегнуть к цитированию Елены Воротынцевой и включаю в свое повествование большой фрагмент из ее повести, потому что трудно написать лучше, чем написала она.

«13 мая 1906 года Вера Уаровна взяла в руки новенький блокнот в мягком бархатном переплете цвета морской волны и сделала в нем первую запись: «Это будет книга моего позора и унижения. Я третий день у себя в усадьбе, куда рвалась, стремилась, как никогда. Я выехала совсем больная, но уже на лошадах, с каждой верстой уменьшавшегося расстояния, я чувствовала, как восстанавливаются мои физические силы, как растет бодрость духа. Прочь все прошлое и все предстоящие невзгоды: я ехала к любимому человеку...»

Федору Кашталову исполнилось двадцать три года. Он был женат, обременен большой семьей, которую нужно было кормить. Кроме того, он был крестьянином и не получил воспитания и образования, которое открывало доступ в круги, где вращалась сама Сипягина. Никаких особых талантов у Кашталова не было. Однако молодой авантюрист, с красивыми глазами, с копной темно-каштановых волос и притягательным обаянием молодости, Кашталов обладал достаточной напористостью для того, чтобы привлечь внимание стареющей барыни и завладеть ее сердцем. Для Сипягиной он стал последней любовью и последней надеждой на счастье. Для Кашталова владелица Свистунов была неплохим подарком судьбы, приблизившим его к заветной цели — разбогатеть. Роковое свидание произошло темным сентябрьским вечером 1905 года, когда новоиспеченный арендатор пришел в комнату хозяйки с докладом. Но вместо привычного отчета по имени он протянул ей свернутую записку. Сипягина развернула ее. Это было объяснение в любви, словно бы взятое из дешевой книжки бульварного романа: «...Ваш прелестный вид и очи, а вдобавок всего этого надрывающая сердце музыка, окончательно очаровали меня... и я сегодня решаюсь прийти... обнять хотя разочек Вас... Прошу простить...» Как посмел Кашталов решиться на такую дерзость? Являясь неглупым человеком, он понял, что нравится барыне и что арендный договор может стать для него началом блестящих перспектив. Что окончательно покорило Сипягину — наивность послания или темные кудри автора? Они провели вместе три ночи».

Эта связь длилась несколько лет. Она страстно любила своего молодого соблазнителя, а он, пользуясь этим, обирал ее. Ценой больших страданий и душевных утрат, ей, наконец, удалось справиться с собой, понять, что она любит ничтожество, и порвать с ним. Вот с такой женщиной

столкнула судьба Куприна на устюженской земле. Куприн и Батюшков часто бывали в Свистунах, Вера Уаровна играла им. И вот в один из вечеров она сыграла бетховенскую «Аппассионату».

«Она вложила в свою игру то трагическое чувство, каким была ее последняя безнадежная любовь, страдание, которое она должна была глубоко от всех таить. Ее лицо, освещенное свечами, стоящими на рояле, было бледно, по щекам катились слезы. Ее игра потрясла всех...»

В ту ночь Куприн не мог заснуть. Вспоминая поразительную игру Веры Уаровны, размышляя о коллизиях любви и страсти, он решил написать «Гранатовый браслет».

* * *

Впоследствии Куприн писал Батюшкову: «Что же такое любовь? Как женщины и как Христос, я отвечу вопросом: «А что есть истина? Что есть время? Пространство? Тяготение?»

Но для того, чтобы за одной из деталей скрыться от целого, и у меня есть афоризмы:

Любовь похожа на цветы: только что сорванные — они благоухают, но завтра их надо выбросить.

Или: Более чем все другое в мире, любовь заключает в себе полюсы уродства и красоты.

Или: В любви бесстыдство и стыдливость почти синонимы. И т.д.»

И еще в этом письме есть такие слова о любви: «Любовь — это самое яркое и наиболее понятное воспроизведение моего Я.

Не в силе, не в ловкости, не в уме, не в таланте, не в голосе, не в красках, не в походке, не в творчестве выражается индивидуальность. Но в любви...»

* * *

Думаю, что не случайно два любовных шедевра «Суламифь» и «Гранатовый браслет» связаны с Даниловским, с устюженской землей. Однако, если даже предположить, что все это связано с какой-то устюжанкой, то имя устюженской Суламифи осталось неизвестно.

МОИ НЕПОЛНЫЕ ИТОГИ

Нечто автобиографическое

И вот моя книга, к которой я шёл много лет, заканчивается.

Подзаголовок книги — «Тайны русских гениев», — извините, нарочит. Я все понимаю, но сознательно иду на это. В книге много о личных уроках, которые я получил из русской классики и русской истории. И потому в ней многое автобиографично.

Завершая свой труд, я снова заглядываю в свое прошлое, как бы перелистываю страницы своей судьбы.

ДЕРЕВНЯ И СКАЗКИ ПУШКИНА

Мы сказки любим все,
Мы — дети, но большие.
Что в истине пустой?

Константин Батюшков

Начну с воспоминаний о деревне. А о сказках Пушкина потом...

Мои воспоминания о деревне всегда начинаются с одного и того же: я, шестилетний мальчик, просыпаюсь от страшного крика, от женского вопля. Свешиваюсь с кровати, смотрю вниз, ничего не понимаю и уже, оцепенев от страха, не могу оторвать глаз от увиденного...

На полу, на расстеленных дерюгах, в красном свете керосиновой лампы бьется голос, безобразное женское тело кричит и вопит немилосердно. Над голым телом — черные тени старух. Что это? Все же я понимаю: тетя Маня рождает.

Роды начались неожиданно. Мамы не было дома, мама уезжала по каким-то делам в райцентр. Роды начались, а

меня, спящего, просто забыли вынести куда-нибудь... От увиденного тогда я не мог избавиться много лет.

А еще вспоминается: деревенская изба, за нашими окнами — снега, при свете керосиновой лампы я читаю Мишке сказки Пушкина. Он намного старше меня, но я читаю лучше его. Мишка бросил школу. Ему туда ходить было не в чем — ни одежды, ни валенок. А начиная с весны, Мишка вкалывает в колхозе, как взрослый, как кормилец. Только зимой у него есть время послушать Пушкина. Он слушает напряженно, морщит лоб, многое, видно, не понимая, но сопереживает, вставляя в мое чтение свои реплики: «Ух, ты!», «Надо же!», «Мать честная» — и прочее.

Впрочем, мое чтение Пушкина любят слушать и взрослые. Жизнь вокруг непомерно тяжела. Голодно, частые похоронки с фронта (то голоса в одной избе, то в другой), болезни, смерти (воспаление легких — уже приговор, не выжить). Но мы живем...

В школе иногда проходят вечера: кто-то споет, кто-то спляшет. Вся деревня набивается в школу, меня ставят на стул — и я читаю Пушкина наизусть.

В нашем доме (избе, где мы живем) кроме Пушкина есть еще одна наша книга — «Анна Каренина». Мне, ребенку, она пока еще не под силу, не по уму. Но я тоже все время читаю ее. Не понимаю многое, но читаю все равно.

Так они и вошли в мое детство. Пушкин и Толстой.

Это было в далекой деревне Ефремо-Зыково, затерянной в оренбургских степях, куда нас с мамой забросила война. Уходя на фронт, отец решил, что пережить войну легче в деревне, и отправил нас туда к родственникам. Считалось, что война продлится несколько месяцев, а потом мы вернемся в город — и отец вернется...

Перед уходом на войну, в последний свой день дома, отец, доброй и светлой души человек, подарил мне на прощание красивую, с рисунками книгу — «Сказки Пушкина». Тогда я не мог еще понять, что значил этот подарок, и читать еще не умел. Но книжка эта стала потом для меня самой любимой.

* * *

Мой отец, политрук Иван Аринин, погиб 8 августа 1942 года у деревни Бельково Калининской области. Тогда наши всюду отступали, а вот на Калининском фронте была предпринята безнадежная попытка наступления. И отец на-

верняка успел порадоваться: мы все-таки наступаем. И был убит в первой же атаке. И когда в деревню пришла похоронка, мне сказали: «Ты теперь сирота». Я возразил: «У меня есть мама и братик». — «Все равно — сирота».

* * *

Нам, городским жителям, было в деревне особенно трудно: мы были чужаками. С нами нередко обращались жестоко и несправедливо.

Но была бабка Прасковья, добрая русская душа. Помяни, Господи, покойную Прасковью. Это ты, бабушка, совала нам с братиком кусок хлеба или печеную картошку... Это ты гладила меня по голове, когда мамы не было дома, а было так худо, так тоскливо...

И я говорил:

— Ты, бабушка, потом приезжай к нам в город, после войны. У нас в городе все есть — и хлеб, и молочко, и конфеты есть. Мы тебе все дадим.

— Не надо мне, милый, ничего, — говорила бабушка Прасковья. — Но вот чего не забудь посля — помянуть меня, если только не помрешь, вырастешь и ученым будешь. И говори так: «Помяни, Господи, покойную Прасковью, пошли ей, Господи, Царство Небесное, избавь ее, Господи, от муки вечной»

И я обещал и выучил эти поминальные слова наизусть.

И еще я запомнил как она говорила:

— Греха-то сколько... Какую войну люди затеяли... Кровь-то какая... Бог накажет, он все знает... Всемирный потоп был. За грехи людские. А теперя всемирный пожар будет, загорится земля за грехи наши — и все огнем испепелит.

Мне становилось страшно. Я выбегал из избы, смотрел в сторону холмов; почему-то я думал, что всемирный пожар начнется оттуда, со стороны холмов, сначала они загорятся... Но я успокаивал себя: ничего, река-то рядом; если земля загорится, успеем добежать до реки, в воде отсидимся.

Зачем о таком говорила со мной, ребенком, бабушка Прасковья, я не знаю. Может, о таком с ней более никто не говорил... А может, она просто размышляла сама с собой?

А потом мы ненадолго перешли жить к другим нашим родственникам — Голяшиным. Из было двое: тетя Катя и ее сын Мишка, лет тринадцати, а сам хозяин воевал. Вско-

ре, как мы к ним переселились, пришла похоронка: пал рядовой Голяшин смертью храбрых. И тетя Катя билась об пол и голосила дико, а потом затихла и лежала как мертвая. А Мишка побежал по деревне, напился самогона, весь в грязи пришел домой, сидел посередине избы, играл на балалайке, плакал и орал одну и ту же частушку:

Если б не было воды,
Не было б и моря!
Если б не было войны,
Не было б и горя!

Голяшины — мать и сын — умерли на следующую весну. Бросились они собирать из-под таявшего снега на колхозном поле колоски — председатель разрешил. И напрасно моя мама убеждала всех не трогать колоски, ее не послушались. Тетя Катя испекла лепешку, и они с Мишкой поели, а потом покрылись коричневыми пятнами и страшно мучились. Первой умерла тетя Катя, а на следующий день — Мишка. И он все просил слабеющим голосом маму: «Вылечите, Христа ради... Вы ученая. Вылечите — корову отдам...»

Что знал Мишка в своей такой короткой жизни? Только одно — тяжелый взрослый мужицкий труд на колхозных полях. Но и Мишка в меру своих сил кормил фронт. И, может, впервые за эти годы наелся досыта, когда съел отравленную лепешку.

Так мы остались одни в избе Голяшиных. Была она последней на деревенской улице, из окон было видно кладбище, и бросались в глаза два новых крайних креста на могилках Голяшиных. Жутковато становилось в избе по ночам, когда казалось, что кто-то ходит по чердаку и стонет... И в страхе прижимался я к лежащей рядом маме.

* * *

А еще про меня говорили: «Этот не жилец». А ведь я не болел, никаких причин опасаться за мое здоровье вроде не было. Но я держался в стороне от всех, с другими детьми почти не играл. И не только потому, что был городским среди деревенских ребятишек, — это, конечно, сказывалось, — но всегда какая-то особая, невидимая черта отделяла меня от других. Потому, наверно, и предполагалось, что я скоро уйду в другой мир, то есть умру. И глаза у меня были не такие, как у других ребят, какие-то нездешние...

Сельские дети играли в реальные игры, подражая жизни взрослых: в сенокос, жатву... А я уходил за деревню в степь, бродил там один и играл в то, чего не было в жиз-

ни. Я фантазировал, выдумывал волшебные страны, невероятные приключения. Так начиналась моя литература.

Потом, когда мы вернулись в город, моя непохожесть на других не прошла — я совсем не гордился ею, я страдал от нее... Не понимая себя, считал себя ущербным человеком. Помог мне Томас Манн. Когда в юности прочитал его гениальный рассказ «Тонио Крегер», то был потрясен. И плакал, потому что понял, кто я такой. «Литература — не призвание, а проклятие, — запомните это. Когда ты начинаешь чувствовать его на себе? Рано, очень рано. В пору, когда еще нетрудно жить в согласии с Богом и человеком, ты уже видишь на себе клеймо, ощущаешь всю непохожесть с другими, обычными, положительными людьми... Ты одинок...» Так я понял, что все это во мне — мое проклятие и мое счастье, мое писательство. И пусть я не великий писатель, но внутренне мне предстоит пройти то, что проходит гений. Есть некоторое сходство. Я должен сказать и скажу то, что до меня не говорилось.

Впоследствии, попав на Север, я столкнулся с тем, что здесь доминировало и утверждалось в литературе: писать надо «от земли». Конечно, это правильно, но не должно превращаться в канон, запрет, однобокость. Я хотел писать — «над землей». Разве прекрасные северные фрески и иконопись — «от земли»?

* * *

Но вернусь снова в детство, в деревню. Здесь было много темного, дикого.

Но деревня все-таки спасла нас. Мы выжили.

Вероятно, некоторые апокалипсические мысли у меня тоже идут из деревни. Мне часто думается, что мир идет к гибели, и это связано с впечатлениями моего детства.

Предчувствие «конца света» было свойственно деревенским людям — оно усиливалось войной, голодом, всеобщим страданием. Глобальный страх жил в людских душах и так часто сжимал мою детскую душу... И Николай Гоголь, когда я начал читать его сочинения, усиливал этот страх. Я боялся Гоголя, но, как бы замороженный леденящим взглядом Вия, не мог оторваться от гоголевских книг, и, цепenea от ужаса, читал и «Вия», и «Страшную месть», и другие подобные сочинения. Юмор Гоголя стал понятен мне позднее. Я очень любил «Ревизора», перечитывал его без конца. Но сначала, и на долгие годы, был ужас перед дьяволом. От него можно было спастись, лишь обратившись к Богу.

БОГ И ДЬЯВОЛ

Мой маленький брат умирал. Это было больно, невыносимо. Я очень любил брата. Он и мама для меня, тогда маленького мальчика, были самыми родными, самыми любимыми людьми. Болезнь брата ввергла меня в ужас. Казалось, спасения не было. Брат задыхался. Он уже и стонать не мог. Медицинской помощи — никакой. Наша семья — мама и двое ее малолетних сыновей (то есть мы с братом) — оказалась занесенной войной в глухую деревню. За окнами — ночь, непролазные на многие километры снега, помощи ждать неоткуда. Оставалась одна надежда — Бог...

Мама — по профессии учительница — не имела права верить в Бога. Советский учитель должен быть атеистом. Но в этот критический миг надо было решаться... И я решил. Я, как в бреду, закричал в лицо маме:

— Мама! Надо молиться! Это нам за то, что мы не верим в Бога!

Может, что-то я кричал и не так. Это был неслыханный бунт. Отчаяние двигало мною. И на глазах окаменевшей и без того убитой горем мамы, на глазах всех, кто был в избе, я бросился на колени перед образами — перед иконами, висевшими в «красном» (то есть красивом, главном) углу избы. И, обливаясь слезами, начал молиться. Теперь я уже ни на кого не обращал внимания. Я должен был спасти брата. Не помню дословно, что я говорил, что шептал перед иконами. Все это было потрясением для меня. Я молил Бога спасти брата.

Сколько все это длилось, не знаю. Но постепенно почувствовал — огромное напряжение во мне спадает. Моя жаркая молитва, моя мольба кончалась. Внутренний душераздирающий крик во мне затих. Я поднялся с колен весь в поту. И устало почувствовал — брат выживет. Произошло чудо. Брат выжил. А я, будучи еще ребенком, стал тайно верить в Бога. И ничто с той поры уже не могло поколебать моей веры.

* * *

Но, видимо, что-то очень грешное было с ранних лет свойственно моей душе. И однажды произошла встреча, которой я всегда так боялся.

К этому времени мы переехали из деревни в город. Я стал уже подростком. В этот вечер у меня на душе было

что-то тяжелое, мерзкое. Вроде бы и не совершил тогда ничего особенно плохого. Но душа во мне была зла...

Я возвращался откуда-то домой, дома никого не оказалось, он был заперт. Мы жили в аварийном перенаселенном доме, в самых скверных условиях. В наши две комнаты, с отвисшим, внушающим страх потолком, вел полутемный коридор.

Открыв дверь, я вступил в него. И вдруг почувствовал — здесь кто-то есть.

В углу коридора в полумраке стояло какое-то непонятное существо. И оно двинулось навстречу. Мне показалось, что это — какое-то животное: то ли теленок, то ли собака. Я не успел ни испугаться, ни удивиться — так все это было фантастично. Но никаких животных — ни собак, ни телят — в нашем доме не было.

А между тем существо приблизилось ко мне. Нет, оно не было ни теленком, ни собакой, хотя внешне походило скорее всего на крупную собаку, и передвигалось на четырех ногах. Но кто это был передо мной — я понять не мог.

Я инстинктивно посторонился — чтобы оно прошло в дверь. И оно прошло. Но в тот миг, когда поравнялось со мною, я инстинктивно схватился за него — прикоснулся к нему. И почувствовал — шерсть на нем. И еще почувствовал ледянящий холод, исходящий от него.

Существо прошло в открытую дверь и исчезло за нею. Остолбенев, я, казалось, ничего не испытывал и ничего не понимал. И вдруг меня затрясло, дикий страх и паника овладели мной. Я подумал, кто это был. Было такое чувство, ужасающее чувство, что я сейчас от страха сойду с ума...

Выбежал из дома и долго еще не мог зайти туда. Но постепенно в какой-то мере пришел в себя. Ведь вроде бы ничего ужасного и не произошло. Но как происшедшее объяснить самому себе? Как жить со всем этим в памяти?

И я внутренне принял такое решение — об этом не думать, не вспоминать. Этого не было.

Так я и жил дальше — с мыслью, что все это мне показалось, пригрезилось. А может, и просто не было. Но в глубине души всегда знал — это было.

Но я никому долгие годы о происшедшем не говорил. И более того — сознательно вытеснял из сознания, не думал, не вспоминал — проявлял силу воли.

Ныне я знаю — это было на самом деле. И хочу предупредить — у меня никогда не было ни психических расстройств, ни галлюцинаций. Я уверен в подлинности слу-

чившегося. Для меня это было своего рода предупреждение о возможности новых подобных встреч.

* * *

Но все же, как бы я ни жил и ни вел себя, в юности у меня всегда было чувство, что Бог не оставляет меня. И однажды я решился на очень серьезный поступок...

С детства мне в память врезались рассказы о таинственном подземном монастыре, который, якобы находится где-то среди холмов в окрестностях нашего села Ефремо-Зыкова. Люди рассказывали: когда при советской власти начались гонения на церковь, то несколько верующих ушли в пустынную местность и где-то среди холмов основали тайный подземный монастырь. Будто существует в глубине холмов подземное сооружение: длинные ходы, земляные залы и помещения и, наконец, тайная подземная церковь. Но проникнуть туда дано не каждому.

Мальчиком я во все это верил, а когда подрос, стал считать легендой. И все же? А если хоть что-то из этой легенды — правда?

И я подбил своего одноклассника Владимира Гурьянова отправиться на поиск подземного монастыря. Мы оба были тогда московскими студентами, приехали в родные места на летние каникулы. И решились на такое путешествие. Взяли с собой веревки, свечи, в рюкзаках у нас был также небольшой запас провизии. И наше путешествие началось.

Сначала мы добрались до села, где прошло мое детство, Ефремо-Зыково. И вот тут со мной произошло незаметное для других, но, своего рода, событие. Когда я вошел в избу, где мы жили, и приблизился к образам, на которые в слезах и с горячей верой молился о спасении брата, то испытал большое волнение. Вскоре это волнение перед образами переросло в какое-то особое чувство, которое трудно выразить словами. Что это было? Восторг? Радость? Счастье? Душевный взлет? Не знаю, как сказать. Но все не вмещалось в обычное, даже очень сильное и редкостное ощущение. Я испытывал в этот миг нечто невыразимое. И уже не сомневался — мы найдем подземный монастырь, он существует на самом деле.

Но я никому ни о чем не сказал. Расспросив у сельчан все, что они знали, о монастыре (их рассказы все равно походили на легенды), мы отправились к дальним холмам.

Все это происходило в Оренбуржье, где природа своеобразна: здесь в степь вторгаются гряды холмов, дальних

отрогов Урала. Наше путешествие мне запомнилось на всю жизнь. Оно было прекрасно.

Мы спали в стогах, нас будила утренняя прохлада и пение птиц, мы вылезали из сена и видели, как солнечный шар встает над холмами, как мириадами звездочек сверкает на траве роса. Мы пили чистейшую и вкуснейшую воду из родников (их немало в этих местах), а там, где родник, — обязательно красивейшая березовая роща, блистающая близкой среди полынной коричневости степи и песчаной желтизны крутобоких холмов. Это было необъяснимое счастье — бродить по степи, взбираться на холмы, спать в стогах и пить родниковую воду.

Но увы! Монастырь мы найти не могли. Прошли первые сутки, вторые... Продовольствие у нас кончалось. Надо было возвращаться и посчитать все легендой. И мы прекратили поиски, повернули назад... Хорошо помню, как мы поднимались по склону крутого холма, и я думал: «Неужели то чувство, которое возникло у меня перед иконами, было только иллюзией?»

В моих руках была палка. Оступившись, я с силой ударил ею по земле. От удара отлетел какой-то комочек и попал мне в рот. Приятный и сильный аромат установился во рту. Может, это был кусочек мяты или какого-то другого ароматного растения? Не знаю... Но аромат словно распространился по всему телу, вызывая радость и удивительную легкость во мне. Я почувствовал необъяснимый прилив сил.

И, пройдя еще несколько метров, увидел впереди, рядом с кустиком, подземный ход. И понял, мы нашли то, что искали.

В волнении мы подбежали к нему. Нет, это был не вход в подземелье. Это было небольшое обвалившееся место в подземном ходе, уходящем в глубь холма.

Обвязались веревками и спустились в него. Зажгли свечи. Двинулись по подземному ходу. Могильной тишиной и чернотой повеяло на нас. Идти приходилось согнувшись, ход был небольшим. Пройдя четыре-пять метров, попали в небольшой, обмазанный засохшей глиной земляной зал. Ход немного расширился и уходил все глубже. Стало не по себе. Мы двинулись дальше. Но внезапно, без всякой причины погасли наши свечи. Мы оказались в полном мраке. И вдруг непонятный сильный страх охватил нас. Мы бросились назад и выбрались из подземелья на солнце. И здесь, под солнечными лучами, перевели дух.

Что с нами произошло, откуда этот страх, мы не знали. Видимо, нам не было дано пройти дальше. Подземный монастырь хранил тайны, они были не подвластны нам, но самое главное — он существовал.

Много лет прошло с тех пор. Но, когда мне бывает трудно, когда усталость и отчаяние охватывают душу, я часто вспоминаю — все-таки мне было дано найти подземный монастырь. И вряд ли это было случайно и зависело только от меня.

НАГАЯ И ПРЕКРАСНАЯ МАРГАРИТА ЛЕТАЛА НАД ВОЛОГДОЙ

— Вы, Володя, — сказала мне Анна Давыдовна, — не очень-то увлекайтесь Булгаковым. Он был нашим соседом. И нам-то хорошо известно: он продан Сталину. Сталин заказал ему пьесу о себе. Булгаков был в восторге и писал эту пьесу в полной эйфории и уверенности, что он скоро будет писателем номер один в СССР. Но Сталину пьеса не понравилась, он ее запретил. Это был непереносимый удар для Булгакова. Он был так потрясен, что заболел и вскоре умер.

Идет 1960 год. Еще не напечатан великий роман «Мастер и Маргарита», еще не известны другие булгаковские шедевры. Но в театре Станиславского замечательный актер Яншин, веселый и толстый, первый Лариосик в первом спектакле «Дни Турбиных», — добился, чтобы ему дали поставить эту великую булгаковскую пьесу. И я видел спектакль и пришел в восторг. Но кто такой Булгаков — я не знал.

* * *

Зеленым провинциальным пареньком приехал я в Москву, сжигаемый «растиньякским» честолюбием — покорить столицу. Я, поклонник Грина, привез с собой чемодан романтических сказок и стихов, жаждал славы и любви самых красивых москвичек. Но получился конфуз.

Никто не хотел печатать мои стихи и сказки, а красивые москвички не обращали на меня ни малейшего внимания. И это был даже не конфуз, а настоящий кризис.

Без денег, без друзей, без любви я вел полуголодный образ жизни и задыхался от тоски и одиночества. Если честно признаться, положив руку на сердце, я могу сказать: «Я не люблю людей». Это — первые строки из моей первой реалистической повести, написанной тогда.

Я считал себя уродом, но мне хотелось превратить всех людей в уродов, еще более безобразных, чем я сам. Это — уже из одной из первых моих московский сказок. В ней все люди превращались, моей волей, в уродов, и весь мир наполнился уродами. Я начал болеть. И, вероятно, мог погибнуть.

Но спасение пришло неожиданно. По воле счастливого случая, я попал в литературную интеллигентскую среду, и она спасла меня. Здесь оценили мои стихи и сказки. И потому в той самой сказке про уродов, в финале, я жертвовал собой и превращал всех снова в нормальных людей. Это было внутреннее выздоровление.

Здесь, в этой среде, для меня открылся совершенно новый, невероятный мир — идеалистических идей, религиозных верований, «нелегальных» книг. И я верил абсолютно всему, что здесь говорилось. И, конечно, полностью верил Анне Давыдовне, жене уважаемого мною писателя, человеку с прекрасным литературным вкусом.

— И знаете, Володя, — продолжала Анна Давыдовна, — у Булгакова есть роман о Христе. И в нем Христос представлен просто как странный человек, и он ведет беседы с Понтием Пилатом. Но все знают, этого не было. Это — кощунство.

Я так и запомнил: Булгаков — это продажа Сталину и кощунство.

Анна Давыдовна лично знала Булгакова: одно время Богословские были соседями Булгаковых в писательском доме в Фурмановском переулке.

* * *

Ах, какие темные, долгие вечера стоят на окраине Великого Устюга. Метет поземка, крутится у палисадников, а прямо за окраиной молчат утрюмо и мрачно огромные северные леса. Я иду, увязаю в снегу, подхожу к своему дому, темному и неказистому, похожему на барак, и вижу: дом темен, все мои соседи спят, а окно моей комнаты светится.

Вот оно! Чудо! Там кто-то есть и ждет меня. Но уже через секунду я с досадой понимаю: никого в моей уютной, нетопленной комнате нет, никто меня не ждет. А завтра мне будет справедливый нагоняй от соседей. И сегодня мне еще надо топить печь, потому что в моей холостяцкой комнате наверняка смертельный холод.

Как я оказался в Великом Устюге? Сам напросился сюда. Мне хотелось «погрузиться в неизвестность и прятать в ней свои шаги», а проще — забраться в глубинку и писать, писать. И, таким образом, стать великим писателем. Как раз был закончен Историко-архивный институт, и я по собственному желанию распределился в Великий Устюг, в местный исторический архив. Притом в качестве его начальника (ох, уж и начальник я был, стыдно вспомнить).

Архив здесь оказался скучным, и в Вологде таким же. Правда, в Вологде у меня была крупная удача — я нашел неизвестное письмо великого русского драматурга Александра Островского в Вологодский драмтеатр. Но это был лишь счастливый эпизод. И к тому же полное одиночество, нравы и понятия районного городка, где я был чужаком.

У меня началась тоска.

* * *

Но вечерами, растопив печь, я писал свою первую пьесу. Это было продолжение «Дней Турбиных» — с Еленой, Алексеем, Николкой. Действие происходило весной 1919 года, и Елена появлялась в первой сцене с букетом подснежников. Пьеса так и называлась — «Подснежники». Это была дикая затея, но булгаковская пьеса продолжала жить во мне. Пьеса моя, прямо скажем, была идиотской.

Впоследствии я все же отказался от булгаковских героев, перенес действие в какую-то вымышленную страну и дал героям вымышленные имена.

Вскоре пьеса была написана. А раз она написана, значит, следовало ее поставить.

* * *

Я отправился с пьесой в местный драмколлектив. И там встретил таких же наивных людей, каким был сам. И они восторженно приветствовали меня. И мгновенно, как в сказке, принялись ставить мою пьесу. Вся моя жизнь осветилась другим светом. К тому же в драмколлективе были молоденькие самодеятельные актрисы, провинциальные во всех отношениях, но очень симпатичные.

И настал великий день премьеры, когда мы залепили все заборы афишами о предстоящем спектакле. И я с восторгом и ужасом смотрел на каждую афишу, в которой типографским шрифтом было напечатано: «Владимир Аринин. «Подснежники». Премьера».

Спектакль состоялся, он собрал ползала и прошел всего один раз. Спыхватился горком партии, ведь пьеса была не «залитована». А подобное тогда, в советской стране, считалось чуть ли не уголовным преступлением.

И спектакль запретили. Забушевал скандал. Мне из горкома тихонько предложили — подавайте, товарищ Аринин, заявление «по собственному желанию», а всего лучше — уезжайте.

А куда мне деваться? И вот, помнится, сижу я в кабинете, в архиве (у меня, как у начальника архива, был свой кабинет). Напротив стола — почему-то зеркало, и вижу — глаза у меня совсем безумные. И вдруг звонок. Из Вологды.

— Владимир Иванович?

— Да.

— С Вами говорит первый секретарь обкома комсомола. Здравствуйте.

Сердце екнуло. Значит, дошло до Вологды. Что же со мной теперь сделают? Неужели посадят? Так ведь не знал, по наивности, об обязательном «литовании».

— Здравствуйте, — отвечаю мрачно.

— Владимир Иванович, — бодро вопиет трубка, — мы вот в обкоме почитали ваши статьи в наших газетах. Нам нравится, как вы пишете. И у нас к вам предложение. Не хотели бы вы поехать в Центральную комсомольскую школу на факультет журналистики? Мы вас рекомендуем...

И я вдруг понял, что Бог есть. И есть Божественная справедливость. И Бог посылает мне спасение. Правда, он выбрал странный способ — через обком комсомола.

— Хочу! — чуть не заорал я в трубку. И мне хотелось добавить: «Уберите, возьмите меня отсюда, ради Бога!»

Так я стремглав бежал из Великого Устюга, бросил даже диван, за который расплатился с таким трудом, и даже свою библиотеку.

Некоторые мои московские приятели-диссиденты посчитали мое поступление в ЦКШ предательством. Увы! Но так я стал журналистом.

* * *

А через несколько лет, с восторгом читая «Мастера и Маргариту», я вспомнил слова Анны Давыдовны и посчитал их злословием. Но все же доля правды все-таки в этих словах была. Тем не менее, пожалуй, Булгакова, который мне сначала казался «рыцарем без страха и упрека», после

всего о нем узнанного, я полюбил еще больше, понимая весь трагизм, всю двойственность этого талантливейшего человека, с его взлетами и падениями, с его грехами и соблазнами. А после смерти он символично покоится под надгробным камнем с могилы Гоголя.

* * *

С тех пор я создал немало литературных мистификаций в «булгаковском» духе. Одна из них — публикация в газете «Русский Север» под названием «Нагая и прекрасная Маргарита летала над Вологодой». В ней я, «воспользовавшись» тем, что в «Мастере и Маргарите» упомянут какой-то дядя Федор, пивший «в Вологде запоем», «доказываю», что Вологда появилась в романе не случайно. Мол, прекрасная Маргарита, став ведьмой, летала в вологодские края, в вологодский лес — и здесь перед балом у Воланда искупалась в Сухоне. Мои «доказательства» весьма логичны и убедительны.

* * *

Вологодская газета «Зеркало» (19 сентября 1996 года), в лице своего экстрасенса М. Окунева заявила, что М. Булгаков — писателя с «отрицательной энергией», и с ним надо быть поосторожнее. И еще было добавлено в мой адрес: «К великому сожалению, наши вологодские писатели, бесспорно талантливые: В. Аринин, В. Астафьев — обладатели «отрицательной энергии».

Конечно, конечно, «энергия» у меня совершенно «отрицательная», и я сам по себе весь «отрицателен». Но все же, как грустно мне было узнать, что прекрасная Маргарита, а именно — преданнейшая Булгакову его жена Елена Сергеевна, как оказалось, изменяла прикованному к постели, умиравшему Михаилу Афанасьевичу с главой Союза советских писателей Александром Фадеевым. Нет, нет, я не хочу бросить ни малейшей тени на Елену Сергеевну. Я все равно люблю Маргариту и Мастера. Хотя давно понял, что и она и он были грешны.

* * *

Многое в жизни «не так», но я — навсегда верен Булгакову. Считаю себя «булгаковцем». В 1962 году, после окончания ЦКШ, я прибыл в Вологду. С тех пор вся моя судьба связана с Вологодой. Мои первые две книжки рекомендованы к изданию В.И. Беловым. Но впоследствии, к

сожалению, мои отношения со знаменитой тогда «вологодской школой» не сложились.

Я был предан анафеме и вычеркнут из «вологодской литературы». Было очень трудно.

Но, в противовес тому, моя популярность у читателей росла. Особенно популярны (даже, простите, любимы) у маленьких вологжан мои сказки. В тысячах вологодских семей имеются мои книги. Множество вологжан видели спектакли по моим пьесам.

Однако же внешне моя судьба оказалась искажена. И моим литературным спасением стало то, что я пошел, в меру своих возможностей, за классиками. За Пушкиным. Иного пути у меня не было. Многое довелось пережить...

КАК Я ЗАКАНЧИВАЛ ПУШКИНСКУЮ КНИГУ

И пришла пора. После стольких мучений, болей, разочарований, обид, тяжелых сомнений в самом себе, пройдя путь непонимания и непризнания, пришла все-таки пора написать последнюю страницу моей пушкинской книги. Книгу уже принимали к печати, но концовки в ней не было. И с меня потребовали концовку написать. А это означало только одно — надо было описать смерть Пушкина. Однако это было описано тысячу раз. И какими писателями, какими мастерами Что я смогу? И сил во мне после стольких мучений как будто уже не осталось.

Стоял июль 1997 года. Я с женой и внучкой приехал в Торowo, на базу отдыха «Северстали», под Череповец. Торowo — особая страница в моей судьбе. Я попал сюда случайно, и так получилось, что каждое лето стал с семьей бывать здесь. Приезжал всегда измученный, полубольной, и здесь, на берегу Рыбинского водохранилища, в сосновом бору, приходил в себя, оживал. Радужный хозяин Торова, директор А.С. Николаев, сам того не подозревая, играл в моей судьбе немалую роль. Мне предоставлялись здесь отличные условия, внучка познавала здесь русскую природу. Я полюбил Торowo. Это мое Болдино. И именно здесь летом 1997 года меня ожидала крупная литературная удача. Я пережил здесь свой «звездный» необыкновенный час. И произошло это так.

Стояла глухая ночь, что-то около трех часов. Я вышел на балкон. База спала. А я не мог спать.

На столе лежали чистые листы бумаги. И была написана одна фраза: «Он умирал долго и мучительно, 48 часов».

Обычная фраза. И вдруг словно молния пронзила меня. Я чуть не вскрикнул. Я понял, как надо писать. Не он умирал, а я умирал. «Я умирал долго и мучительно, 48 часов подряд!» Я сам почувствовал, что умираю. И все мгновенно переменялось — в течение нескольких минут я лихорадочно написал то, что писал долгие месяцы. И никто в спящем Торове еще не знал, что сейчас, только что, родилась новая книга о Пушкине.

МОЯ ДИЛОГИЯ

Литературные тайны влекут меня. Я мог годами искать свой ответ на вопрос, кем был написан анонимный пасквиль Пушкину или в чем заключена загадка библиотеки Ивана Грозного. Я способен много лет размышлять, ломать голову над разгадкой какой-то глобальной тайны.

Для меня литература — открытие нового. И, видимо, мне это дано судьбой — открывать нечто новое. У меня нет внутренней установки на сенсационность, но нередко мои версии по разгадке той или иной тайны назывались в прессе сенсациями.

Мою книгу «Неразгаданные тайны Пушкина» назвали «книжной сенсацией» многие столичные и провинциальные издания: «Книжное обозрение», «Известия», «Трибуна» (Москва), «Калейдоскоп» (С.-Петербург), журнал «Дальний Восток» (Хабаровск), вологодские издания... По рейтингу газеты «Книжное обозрение», моя книга попала в список «интеллектуальных бестселлеров 1998—1999 годов. Притом на конец 1998 года, четырежды в этом списке занимала второе место, опережая (парадокс!) книги выдающихся авторов: Н. Бердяева, Л. Гумилева, Ю. Мисимы (Нобелевский лауреат!) и других. Понимаю, что это, конечно, условность. Тем не менее...

Но была и серьезная критика. Я постарался учесть ее и исправить свои пробелы и ошибки. Эта, новая книга, является как бы продолжением «Неразгаданных тайн Пушкина», включает из напечатанного все лучшее, но новое в ней преобладает. Материалы, вошедшие в нее, я собирал на протяжении многих лет. Вместе с «Неразгаданными тайнами Пушкина» она составляет мою дилогию.

Как в первой, так и во второй книге, в частности, мною говорится о литературных прототипах. Хочу предупредить, что употребляю это понятие — прототип — чисто

условно, не касаясь никаких литературоведческих теорий. Я просто пишу о том, что было в реальности.

В своей диалогии, в меру моих сил, я прикоснулся к некоторым тайнам наших классиков и высказал о них свое мнение.

ГОРОДИЩЕ

Медленно иду по устюженскому городищу. Удивительное, таинственное место. Оно создано природой, — это полуостров, поросший соснами, вдающийся в водную гладь при слиянии рек Мологи и Ижины. Оно создано и людьми, древними племенами, бесследно исчезнувшими в бездне веков. От них до сих пор сохранился земляной вал, когда-то защищавший городище. Кто были эти люди? Предполагается, что славяне. Куда они ушли, что с ними стало — неизвестно. Почему городище, возникшее почти тысячу лет назад, прекратило свое существование — одна из устюженских тайн.

Ныне оно входит в черту Устюжны, небольшого, удивительно российского города. Моя книга доказывает и провозглашает, что Устюжна является литературно уникальным городом, занимающим особое место на историко-литературной карте России.

ПОХИЩЕННАЯ БОГОМАТЕРЬ

Устюжна всегда славилась своими древними иконами. И самой почитаемой из них была Богоматерь Одигитрия Смоленская, написанная в XVI веке. Страшным свидетельством кризиса нашего времени стало похищение икон и обмен духовности на валюту. И из местного краеведческого музея, который размещается в бывшем Богородице-Рождественском соборе XVI века, тоже были украдены иконы. Это было сенсационное похищение, на сегодняшний день — крупнейшее похищение икон в России. Вот официальные данные о преступлении.

«В ночь с 22 на 28 мая 1994 года из экспозиции Устюженского краеведческого музея похищены семь икон, представляющих исключительную историческую и культурную ценность:

«Богоматерь Одигитрия Смоленская», начало XVI века, размеры — 127,5 x 97,5 см. В среднике — изображение Богоматери с 19 житийными клеймами. Ориентировочная стоимость — 1 млн. долларов США;

«Троица Ветхозаветная», 1689 — 1690 гг. Автор — Кирилл Уланов, размеры — 142 x 123 см. Ориентировочная стоимость — 500 тыс. долларов;

«Никола Зарайский» с 18 житийными клеймами, 1539—1540 гг., размеры — 122 x 94,5 см. Ориентировочная стоимость — 550 тыс. долларов;

«Чудо Георгия о змие» с 20 житийными клеймами, первая половина XVI века, размеры — 115,5 x 85,5 см. Ориентировочная стоимость — 650 тысяч долларов. Кроме этих похищены еще три ценные иконы.»

Конечно, все эти цены условны. Похищенные иконы — наше бесценное духовное богатство, наши святыни. Это трагедия для Устюжны, для всей России.

Особо почитаемая в Устюжне «Богоматерь Смоленская» считается чудотворной. По преданию, икона чудесным образом спасла Устюжну в 1609 году от польско-литовского нашествия: враги отступили.

В советское время, в 1936 году, икона была «арестована». Работник НКВД Окопешников сделал при описи такое заключение: «Подлежит хранению в особом фонде музея, недоступном обозрению посетителей и без оглашения места хранения».

Такова трагическая судьба чудотворной иконы. И ныне святыня — в нечистых руках.

Директор краеведческого музея Фаина Николаевна Новак вспоминает:

— Когда 23 мая утром мы пришли на работу, то увидели, что входная дверь открыта. Сразу дали знать в милицию. Потом вошли в здание, увидели связанного, лежащего на полу сторожа и сразу поняли, что некоторых икон не хватает. Мы были потрясены, плакали...

Картина преступления вырисовывается примерно следующая. Около двух часов ночи 23 мая к зданию музея подъехала машина, скорее всего микроавтобус или джип. Ведь иконы больших размеров, в легковой машине их увезти невозможно. Злоумышленники (по-видимому их было трое) обрезали провода электропроводки и постучали в дверь. Сторож, находившийся внутри здания, испуганный, по его словам, тем, что погас свет, решил: что-то случилось, и открыл дверь.

Преступники ударили его чем-то тяжелым по голове, потом связали, сделали сильнодействующий укол и положили вниз лицом. Затем при свете фонариков работали быстро, в резиновых перчатках, не оставив следов.

Несомненно, что это было заказное преступление. Заказчик и исполнители знали, что им нужно. Преступники свободно ориентировались в помещении. План преступления был тщательно разработан.

Являлись ли исполнители «классными профессионалами» или везучими дилетантами? Скорее всего первое, ситуация была психологически вычислена. Ведь если бы сторож не открыл дверь, проникнуть в помещение было бы невозможно. Массивная, кованная железом средневековая дверь не поддалась бы никакой силе, выломать ее нельзя, можно только взорвать. Но преступникам наредкость повезло. А прошедший вскоре дождь смыл следы.

* * *

Но хочется верить, что Богоматерь Одигитрия Смоленская еще вернется в Устюжну и Путеводительница выведет нас на верный путь.

Тяжелые времена пройдут.

Мы возродимся.

ЧУДО

Считаю себя человеком, который не однажды встречался с чудом. И сама по себе литература для меня есть проявление чуда, хотя зачастую это мучительно. Притом я говорю сейчас не о чем-то метафизическом, а вполне реальном. Но подчас реальность обманчива — что-то намечалось, возникало, но не сбывалось... Такое бывало часто.

Так и у меня, видимо, были вполне реальные шансы на получение гранта знаменитого Института Кеннана в Вашингтоне. Но не получилось. Не получилась наша совместная книга о графе Милорадовиче с его потомком С.Н. Милорадовичем, живущем в Германии. Впрочем, встреча с С.Н. Милорадовичем, приезжавшим в Череповец, подсказала мне замечательный сюжет, который я постараюсь осуществить в следующей книге.

И самая главная, самая болезненная моя неудача в том, что моя книга «Неразгаданные тайны Пушкина» могла выйти в США. Но не вышла. Это было так тяжело, что не хотелось жить. Ведь я поверил, что вскоре буду знаменит и богат. Увы...

Но мою книгу издал «Современник». И это тоже — как чудо.

А разве писать о классиках, о великих литературных загадках, выдвигать свои версии, которые никто не выдвигал — это не чудо? Я ли это?

И некий ловкач, укрывшийся под характерным псевдонимом «Горе-Хаймилов» в «Читающей России» (№2, 1998), написал: «Аринин В. — уже не Аринин ли внучек будет?» То есть здесь мысль такая: эту книгу написал кто-то, укрывшийся под псевдонимом, образованным от имени пушкинской бабушки Арины. На самом же деле такого автора — В. Арина — не существует.

Но, кажется, я все-таки существую. И написал уже третью книгу — свою трилогию. И надеюсь на чудо.

«НО В ЛЮБВИ»

Наше время разрушительно, противоречиво и, возможно, губительно. Как нам спастись? Могут ли нам помочь наши отечественные классики?

Вспомним слова Куприна из письма к Батюшкову. Куприн писал, что не в поступках, не в действиях выражается прежде всего человек. «Но в любви...» И, как я понимаю, не только по отношению к женщине, но в любви к родине, друзьям, знакомым и незнакомым людям. Только в этом наше спасение. Таков для меня главный урок, извлеченный из русской классической литературы.

Только в любви.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Устюжна — литературно уникальный город. Интервью А. Зажигина</i>	3
ПОСЛЕДНИЙ ПУШКИНА ПОРТРЕТ	
И ПРЕКРАСНАЯ УБИЙЦА	5
Золотая сабля и мертвая Лизинька.	8
Встреча с маньяком.	10
Таинственные портреты и влюбленный бес.	13
Прекрасная убийца Пушкина.	15
Дисгармония с женщиной.	16
Дочь русского Дон-Жуана.	19
«Диплом ордена рогоносцев»	20
«Сбились мы. Что делать нам!»	21
Агент Фогель в Вологде	24
Говорит мертвый Пушкин	25
ГОРИЦЫ	28
Трагическое начало	—
Красавицы в заточении	31
Запретное	33
Таинственная узница	35
Расцвет и гибель обители	36
Я НАШЕЛ БИБЛИОТЕКУ	
ИВАНА ГРОЗНОГО	40
Пролог	—
Монастырские тайны	44
Миф	57
Возможны ли были Соединенные Штаты	
Америки и России — СШАР?	68

Поражение и победа	71
«НЕ ГОВОРИТЬ НИКОМУ»	84
СМЕРТНЫЕ СТУПЕНИ	88
Выстрелы из засады	—
Межаковские вечера	90
Неудачи гения	92
Ольга Межакова и Данилевский	95
Вологодские Троекуров и Дубровский?	100
Зизи	102
Прекрасная убийца Пушкина	106
Семья прекрасной убийцы	118
Скорбь	122
ХЛЕСТАКОВ В УСТЮЖНЕ	124
Хлестаков пишет «Евгения Онегина»	125
Гоголь и Хлестаков	128
А.С. и Н. В.	131
Гоголь и черт	132
Портрет городничего	133
Дело... на Хлестакова	141
«Некто в партикулярном платье»	143
Гоголь знал Волкова	145
Прототипы смотрят комедию	147
Вологда в... «Мертвых душах»?	150
«Александр Сергеевич Пушкин, много, говорят, хохотавший»	151
Потомки	152
МАТЬ И ДОЧЬ, или КРАСАВИЦЫ, КОТОРЫЕ НЕ СМОГЛИ ПОЛЮБИТЬ	154
Красавица Алябьева	—
Красавица Новикова	165
ЗАГАДОЧНАЯ СВЯЗЬ, или ЧТО БЫЛО ОБЩЕГО МЕЖДУ ПЕРВЫМ РОССИЙСКИМ СУПЕРШПИОНОМ И КРАСАВИЦЕЙ, КОТОРАЯ НЕСЛА СМЕРТЬ СВОИМ ВОЗЛЮБЛЕННЫМ?	170
Первый супершпион	—
Казнь первых коммунистов	173
Двойник	175
Конец супершпиона	176
Роковая Аврора	176

ВОЛОГОДСКИЙ АВТОГРАФ АЛЕКСАНДРА ОСТРОВСКОГО	182
СТАРЫЙ ДУБ ИЗ УСАДЬБЫ ВОЛКОНСКИХ	188
Красавица, которой боялся Пушкин	190
Несостоявшаяся дуэль	192
Как Толстой чуть не стал модернистом	194
Эрос	198
Прототипы?	201
УСТЮЖЕНСКАЯ СУЛАМИФЬ	205
МОИ НЕПОЛНЫЕ ИТОГИ	217
Деревня и сказки Пушкина	—
Бог и дьявол	222
Нагая и прекрасная Маргарита летала над Вологдой	226
Как я заканчивал пушкинскую книгу	231
Моя диалогия	232
Городище	233
Похищенная Богоматерь	233
Чудо	235
«Но в любви»	236

В книге использовано шесть фотографий Д. Чеснокова

Литературно-художественное издание

Владимир Иванович Аринин

ТОЛЬКО В ЛЮБВИ...

Тайны русских гениев

Редактор *В. А. Серганова*

Художественный редактор *Н. Б. Егоров*

Технический редактор *В. И. Тушева*

Корректор *В. А. Серганова*

Издание подготовлено к печати по автоматизированной
редакционно-издательской технологии на персональных ЭВМ
Операторы: *Г. П. Аблизина, Е. В. Аристархова, Н. И. Меламед*

ЛР № 010006

28.10.1996 г.

Сдано в набор 18.03.2002. Подписано к печати 30.04.2002.

Формат 84x108/32. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. № 1.

Усл. печ. л. 12,6+1,68 вкл. Уч.-изд. л. 15,4.

Тираж 3000 экз. Заказ № 1844

Издательство «Современник»

123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Факс/тел.: 941-35-44 (приобретение тиража)

941-38-36 (киоск)

ООО ПФ «Полиграфист»

160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3

9 785270 015169 >

